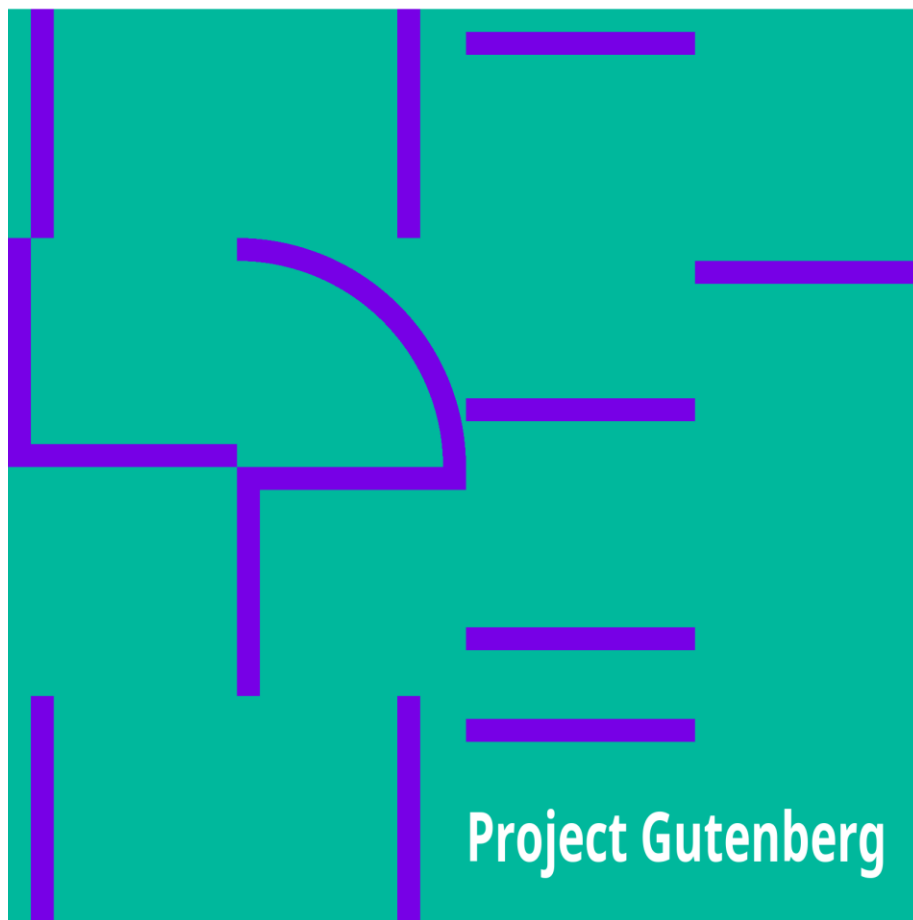

Жизнь пчелы

Морис Метерлинк

The Life of the Bee

Maurice Maeterlinck

Электронная книга проекта Гутенберга о жизни пчелы

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Жизнь пчелы

Автор: Морис Метерлинк

Переводчик: Альфред Сутро

Дата выхода: 1 октября 2003 г. [Электронная книга №4511]

Последнее обновление: 7 февраля 2013 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсеры Стив Соломон и Дэвид Уиджер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА " ЖИЗНЬ ПЧЕЛЫ" ***

ЖИЗНЬ ПЧЕЛЫ

Морис Метерлинк

Перевод Альфреда Сутро

НЬЮ-ЙОРК

1914

Опубликовано в мае 1901 г.

Содержание

Я — НА ПОРОГЕ УЛЬЯ

II — РОЙ

III — ОСНОВАНИЕ ГОРОДА

IV — ЖИЗНЬ ПЧЕЛЫ

V — МОЛОДЫЕ КОРОЛЕВЫ

VI — БРАЧНЫЙ ПОЛЕТ

VII — МАССОВОЕ УБИЙСТВО МУЖЧИН

VIII — ХОД ГОНКИ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Я — НА ПОРОГЕ УЛЬЯ

{1}

В мои намерения не входит писать трактат о пчеловодстве или практическом пчеловодстве. Превосходные произведения такого рода имеются в изобилии во всех цивилизованных странах, и было бы бесполезно пытаться создать что-то другое. Во Франции есть работы Дадана, Жоржа де Лаена и Бонье, Бертрана, Амета, Вебера, Клемана, аббата Коллена и др. В англоязычных

странах есть Langstroth, Bevan, Cook, Чешир, Коуэн, Рут и др. В Германии есть Дзирзон, Ван Берлеспох, Поллманн, Фогель и многие другие.

Эта книга также не должна быть научной монографией по *Apis Mellifica*, *Ligustica*, *Fasciata*, *Dorsata* и т.д. Или сборником новых наблюдений и исследований. Я не скажу почти ничего такого, чего не знали бы те, кто хоть немного знаком с пчелами. Заметки и эксперименты, которые я сделал за двадцать лет своего пчеловодства, я приберегу для более технической работы; поскольку их интерес неизбежно носит особый и ограниченный характер, и я не хочу перегружать это эссе. Я хочу говорить о пчелах очень просто, как человек говорит о предмете, который он знает и любит, с теми, кто этого не знает. Я не собираюсь приукрашивать правду или заслуживать справедливого упрека, который Реомюр адресовал своим предшественникам при изучении наших медоносных мух, которых он обвинил в замене чудесной реальности чудесами, которые были воображаемыми и просто правдоподобными. Тот факт, что улей содержит так много чудесного, не оправдывает нашего стремления добавить к нему еще больше чудес. Кроме того, я сам уже давно перестал искать в этом мире что-либо более прекрасное или более интересное, чем истина; или, по крайней мере, чем усилия, которые человек способен приложить к истине. Поэтому я не буду утверждать ничего такого, что я не проверил сам, или что не настолько полно признано в учебниках, чтобы делать дальнейшую проверку излишней. Мои факты будут такими же точными, как если бы они были изложены в практическом руководстве или научной монографии, но я изложу их несколько более живо, чем позволяют подобные работы, сгруппирую их более гармонично и дополню более свободными и зрелыми размышлениями. Читатель этой книги не узнает из нее, как управлять ульем; но он будет знать более или менее все, что можно с какой-либо определенностью знать о любопытной, глубокой и интимной стороне его обитателей. И это не будет сделано ценой того, что еще предстоит узнать. Я обойду молчанием древние традиции, которые в стране и многих книгах все еще составляют легенду об улье. Всякий раз, когда возникают сомнения, разногласия, гипотезы, когда я приближаюсь к неизвестному, я преданно заявляю об этом; вы обнаружите, что мы часто останавливаемся перед неизвестным. Помимо очевидных фактов из их жизни, мы очень мало знаем о пчелах. И чем ближе становится наше знакомство, тем ближе становится наше невежество относительно глубин их реального существования; но такое невежество лучше, чем другой вид, который является бессознательным и удовлетворенным.

Существует ли аналогичная работа о пчеле? Мне кажется, я прочитал почти все, что было написано о пчелах; но из родственных материалов я знаю только главу Мишле в конце его книги "Насекомое" и эссе Людвига Бюхнера "Разум у животных". Мишле просто витает на периферии своей темы; трактат Бюхнера достаточно обширен, но содержит так много рискованных заявлений, так много давно забытых сплетен и слухов, что я подозреваю, что он никогда не покидал своей библиотеки, никогда не задавался вопросом о своих героинях и не открывал ни одного из многих сотен шелестящих, освещенных крыльями ульев, которые мы должны осквернить, прежде чем наш инстинкт сможет настроиться на их тайну, прежде чем мы сможем ощутить дух и атмосферу, благоухание и таинственность этих девственных дочерей тяжелого труда. Книга не пахнет пчелами или их медом; в ней есть недостатки многих ученых работ, выводы которых часто предвзяты, а научные достижения состоят из огромного количества сомнительных анекдотов, собранных со всех сторон. Но в этом моем эссе мы редко встретимся друг с другом, поскольку наша отправная точка, наша цель и наши точки зрения очень разные.

Библиография the bee (мы начнем с книг, чтобы как можно скорее избавиться от них и перейти к источнику книг) очень обширна. С самого начала это странное маленькое существо, жившее в обществе по сложным законам и выполнявшее огромную работу в темноте, привлекало внимание людей. Аристотель, Катон, Варрон, Плиний, Колумелла, Палладий - все они изучали пчел, не говоря уже об Аристомахе, который, согласно Цицерону, наблюдал за ними пятьдесят восемь лет, и о Филиске, чьи труды утеряны. Но они касались скорее легенды о пчеле; и все, что мы можем почерпнуть из нее — чего на самом деле чрезвычайно мало, — мы можем найти в сжатом виде в четвертой книге "Георгики" Вергилия.

Настоящая история пчелы начинается в семнадцатом веке, с открытий великого голландского ученого Сваммердама. Хорошо, однако, добавить эту малоизвестную деталь: до Сваммердама фламандский натуралист по имени Клутиус пришел к некоторым важным истинам, таким как единоличное материнство королевы и ее обладание признаками обоих полов, но он оставил их недоказанными. Сваммердам основал настоящие методы научного исследования; он изобрел микроскоп, изобрел инъекции для предотвращения гниения, был первым, кто препарировал пчел, и благодаря открытию яичников и яйцевода определенно установил пол королевы, на которую до сих пор смотрели как на королеву, и выставил всю политическую схему улья в самом неожиданном свете, основав ее на материнстве. Наконец, он создал гравюры на дереве, настолько совершенные, что по сей день они служат иллюстрацией многих книг по пчеловодству. Он жил в бурном, беспокойном Амстердаме тех дней, сожалея о "Het Zoete Buiten Leve" — Сладкой жизни в Деревне — и умер, измученный работой, в возрасте сорока трех лет. Он писал в благочестивом, формальном стиле, с прекрасными, простыми вспышками веры, которая, боясь отпасть, приписывала все сущее славе Творца; и воплотил свои наблюдения и исследования в своем великом труде "Библия природы", который столетие спустя доктор Бурхаве перевел с голландского на латынь под названием "Естественная библия". (Leyden, 1737.)

Затем появился Реомюр, который, следуя аналогичным методам, провел огромное количество любопытных экспериментов и изысканий в своих садах в Шарантоне и посвятил пчелам целый том своих "Заметок для истории насекомых". Сегодня ее можно читать с пользой и без утомления. Она ясна, прямолинейна и искренна и обладает своим собственным жестким, суховатым очарованием. Он особенно стремился к разрушению древних ошибок; он сам был ответственен за несколько новых; он частично понимал формирование стаи и политическое устройство королевы; одним словом, он открыл много трудных истин и проложил путь для открытия большего. Он полностью оценил чудесную архитектуру улья; и то, что он сказал по этому поводу, никогда не было сказано лучше. Именно ему мы также обязаны идеей стеклянных ульев, которые, будучи с тех пор усовершенствованными, позволяют нам следить за всей личной жизнью этих свирепых насекомых, чья работа, начатая при ослепительном солнечном свете, завершается в темноте. Для полноты картины следует упомянуть также несколько более поздние работы и исследования Шарля Бонне и Шираха (которые разгадали загадку королевского яйца); но я буду придерживаться общих положений и сразу перейду к Франсуа Хуберу, мастеру и классика современной пчеловодческой науки.

Хубер родился в Женеве в 1750 году и ослеп в ранней юности. Эксперименты Реомюра заинтересовали его; он стремился проверить их и вскоре страстно увлекся этими исследованиями, в конце концов, с помощью умного и верного слуги, Франсуа Бурненса, посвятил всю свою жизнь изучению пчел. В анналах человеческих страданий и человеческого

триумфа нет ничего более трогательного, нет более достойного восхищения урока, чем история этого терпеливого сотрудничества, в котором тот, кто видел только нематериальным светом, направлял своим духом глаза и руки другого, обладавшего настоящим земным зрением; где тот, кто, как нас уверяют, никогда собственными глазами не видел сот с медом, все же смог, несмотря на пелену на его мертвых глазах, которая удваивала завесу, которой природа окутывает все вещи, проникнуть в глубокие тайны гения, сотворившего эту невидимую расческу; как если бы он был уверен, что никогда собственными глазами не видел сот с медом. научить нас тому, что никакие условия в жизни не могут гарантировать, что мы откажемся от наших желаний и поиска истины. Я не буду перечислять все, чем пчеловодческая наука обязана Губеру; более краткой задачей было бы указать, чем она не обязана. Его "Новые наблюдения над пчелами", первый том которых был написан в 1789 году в форме писем Шарлю Бонне, а второй появился только двадцать лет спустя, остались неизменным, обильным сокровищем, в которое погружались все последующие авторы. И хотя в нем можно найти несколько ошибок, несколько неполных истин; хотя со времени его работы были внесены значительные дополнения в микрографию и практическое разведение пчел, обращение с маточниками и т.д., Ни одно из его основных утверждений не было опровергнуто или обнаружено по ошибке; и в нашем реальном опыте они остаются нетронутыми, и даже лежат в самой его основе.

{3}

За этими откровениями последовало несколько лет молчания; но вскоре немецкий священник Дзирзон открыл партеногенез, *то есть* девственное вынашивание маток, и сконструировал первый улей с подвижными сотами, что позволило пчеловоду отныне получать свою долю урожая меда, не будучи вынужденным уничтожать свои лучшие колонии и в одно мгновение сводить на нет работу целого года. Этот улей, все еще очень несовершенный, был виртуозно усовершенствован руками Лангстрота, который изобрел подвижную раму, собственно так называемую, которая была принята в Америке с необычайным успехом. Рут, Куинби, Дадант, Чешир, Де Лайенс, Коуэн, Хеддон, Ховард и другие внесли еще больше ценных улучшений. Затем Мерингу пришло в голову, что если снабдить пчел сотами с искусственной восковой основой, они будут избавлены от труда по изготовлению воска и сооружению ячеек, что отнимает у них много меда и большую часть их времени; он обнаружил, что пчелы охотнее всего принимают эти соты и приспособливают их к своим потребностям.

Майор де Грушка изобрел медоудалитель, который позволяет извлекать мед под действием центробежной силы, не ломая соты и т.д. Таким образом, за несколько лет методы пчеловодства претерпели радикальные изменения. Вместимость и плодовитость ульев утроились. Со всех сторон появились большие и продуктивные пасеки. Был положен конец бесполезному разрушению наиболее промышленно развитых городов и отвратительному отбору наименее пригодных, который был его результатом. Человек действительно стал хозяином пчел, хотя и украдкой и без их ведома; руководя всем, не отдавая приказов, получая послушание, но не признание. Судьбу, однажды навязанную временами года, он заменил своей волей. Он исправляет несправедливость года, объединяет враждующие республики и уравнивает богатство. Он ограничивает или увеличивает рождаемость, регулирует плодовитость королевы, свергает ее с престола и сажает на ее место другую, после того как ловко получил неохотное согласие народа, который сошел бы с ума от простого подозрения в немыслимом вмешательстве. Когда он сочтет нужным, он мирно нарушит тайну священных покоев и тщательно продуманную, извилистую политику дворца. Он пять или шесть раз подряд лишит

пчел плодов их труда, не причинив им вреда, не обескуражив их и даже не обнищав. Он соизмеряет склады и зернохранилища их жилищ с урожаем цветов, которые весна разбрасывает по склонам холмов. Он вынуждает их сократить количество экстравагантных любовников, которые ждут рождения королевских принцесс. Одним словом, он делает с ними, что пожелает, он получает, что пожелает, при условии, что то, что он ищет, всегда соответствует их законам и их добродетелям; ибо помимо всех желаний этого странного бога, который завладел ими, который слишком велик, чтобы его можно было увидеть, и слишком чужд, чтобы его можно было понять, их глаза видят дальше, чем глаза самого бога; и их единственная мысль - неустанным самопожертвованием выполнить таинственный долг их расы.

{4}

Давайте теперь, узнав из книг все, чему они могли научить нас из очень древней истории, оставим науку, усвоенную другими, и посмотрим на пчел своими собственными глазами. Час, проведенный посреди пасеки, возможно, будет менее поучительным, но то, что мы увидим, будет бесконечно более стимулирующим и более актуальным.

Я до сих пор не забыл первую пасеку, которую увидел, где научился любить пчел. Это было много лет назад в большой деревне Голландской Фландрии, милой и приятной стране, чья любовь к ярким краскам соперничает даже с Зеландией, вогнутом зеркале Голландии; стране, которая с радостью расстилается перед нами, как множество милых, продуманных игрушек, с ее освещенными фронтонами, фургонами и башнями; с ее буфетами и часами, которые поблескивают в конце коридора; с ее маленькими деревьями, выстроившимися в ряд вдоль набережных и берегов каналов, ожидающих, как можно подумать, какой-то тихой, благотворной церемонии; с ее лодками и баржами со скульптурными изображениями какашек; с ее ее двери и окна, похожие на цветы, безукоризненные дамбы и вычурные разноцветные разводные мосты; и ее маленькие лакированные домики, яркие, как новая керамика, из которых выходят дамы в форме колоколов, сверкающие серебром и золотом, чтобы подоить коров на полях, окаймленных белыми изгородями, или расстелить белье на цветущих лужайках, украшенных овальными и ромбовидными узорами самого поразительного зеленого цвета.

В этом месте, где жизнь казалась бы более ограниченной, чем где—либо еще, — если жизнь действительно может стать ограниченной, — удалился на покой престарелый философ; старик, чем-то похожий на Вергилия -

"Человек, равный королям и приближающийся к богам";

к чему Лафонтен мог бы добавить:—

"И, подобно богам, довольные и отдохнувшие".

Здесь он построил свое убежище, чувствуя легкую усталость; не отвращение, ибо мудрецу незнакомы сильные отвращения; но легкую усталость от расспросов людей, чьи ответы на единственные интересные вопросы, которые можно задать о природе и ее истинных законах, гораздо менее просты, чем те, которые дают животные и растения. Его счастье, как и счастье скифского философа, заключалось исключительно в красоте его сада; и самой любимой и посещаемой чаще всего была пасека, состоящая из двенадцати соломенных куполов, часть из

которых он выкрасил в ярко-розовый, часть - в ярко-желтый, но больше всего - в нежно-голубой; задолго до демонстраций сэра Джона Лаббока он заметил любовь пчел к этому цветку.

Эти ульи стояли у стены дома, в углу, образованном одной из тех приятных и изящных голландских кухонь, фаянсовый комод которых, весь сияющий медью и оловом, отражался в открытой двери, выходящей на мирный канал. И вода, отягощенная этими знакомыми образами под занавесом тополей, уводила взгляд к спокойному горизонту мельниц и лугов.

Здесь, как и везде, ульи придавали новый смысл цветам и тишине, бальзамическому воздуху и солнечным лучам. Казалось, человек очень близко подошел к праздничному духу природы. Каждый был доволен отдыхом на этом сияющем перекрестке, где сходятся и разделяются воздушные пути, по которым деловитые и мелодичные носители всех деревенских ароматов неустанно путешествуют от рассвета до заката. Каждый слышал музыкальный голос сада, чьи самые прекрасные часы раскрывали их ликующую душу и пели об их радости. Сюда, в школу пчел, приходили, чтобы научиться заботам всемогущей природы, гармоничному согласию трех царств, неутомимой организации жизни и преподать урок ревностного и бескорыстного труда; и еще один урок, столь же полезный, которому героические работники учили там и который как бы подчеркивали огненными стрелами своих мириадов крыльев, состоял в том, чтобы ценить несколько смутный привкус досуга, наслаждаться почти невыразимыми радостями тех безукоризненных дней, которые проходили для них самих на полях пчел. пространство, образующее всего лишь прозрачный шар, столь же лишенный памяти, как счастье без сплава.

{5}

Чтобы как можно проще проследить жизнь пчел в течение года, мы возьмем улей, который пробуждается весной и должным образом приступает к своей работе; и тогда мы увидим, в их естественном порядке, все великие эпизоды, а именно: формирование и отлет роя, основание нового города, рождение, боевые действия и брачный полет молодых маток, массовое убийство самцов и, наконец, возвращение зимнего сна. С каждым из этих эпизодов будут даны необходимые пояснения относительно законов, привычек, особенностей и событий, которые его порождают и сопровождают; так что, когда наступит конец короткого года пчелы, который длится только с апреля по последние дни сентября, мы увидим все тайны медового дворца. Поэтому, прежде чем мы откроем его и окинем общим взглядом, нам нужно только сказать, что улей состоит из королевы, матери всего своего народа; из тысяч рабочих или бесполок самок, являющихся неполноценными и бесплодными; и, наконец, из нескольких сотен самцов, из которых один будет выбран в качестве единственного и несчастливого супруга королевы, которую рабочие выберут в будущем, после более или менее добровольного ухода царствующей матери.

{6}

Когда мы впервые открываем улей, нами овладевает эмоция, сродни той, которую мы могли бы испытывать, оскверняя какой-то неизвестный объект, возможно, вызывающий ужасное удивление, например могилу. Легенда об угрозе все еще связана с пчелами. Возникает мучительное воспоминание о ее укусе, вызывающем столь характерную боль, что не знаешь, с чем ее сравнить; своего рода разрушающая сухость, пламя пустыни, проносащееся по раненой конечности, как будто эти дочери солнца выделили ослепительный яд из гневных лучей своего

отца, чтобы более эффективно защищать сокровище, которое они собирают, от его благодатных часов.

Это правда, что если бы кто-то, кто не знает и не уважает обычаи и характер пчел, внезапно распахнул улей, он сразу же превратился бы в горящий куст героизма и гнева; но небольшое количество навыков, необходимых для того, чтобы безнаказанно обращаться с ним, можно приобрести гораздо легче. Стоит только умело пустить в ход немного дыма, проявить много хладнокровия и мягкости, и наши хорошо вооруженные работники позволят ограбить себя, не мечтая о том, чтобы получить их жало. Дело не в том, как утверждают некоторые, что пчелы узнают своего хозяина; они также не боятся человека; но при запахе дыма, при широких медленных движениях, которые пересекают их жилища, не угрожая им, они воображают, что это не нападение врага, от которого возможна защита, а что это сила или природная катастрофа, которой им лучше подчиниться.

Поэтому вместо тщетной борьбы они делают все, что в их силах, чтобы обезопасить будущее; и, повинаясь предвидению, которое на этот раз оказалось ошибочным, они летят к своим запасам меда, в которые они жадно погружаются, чтобы иметь внутри себя необходимые средства для основания нового города, немедленно и не важно где, если древний будет разрушен или они будут вынуждены покинуть его.

{7}

Первым впечатлением новичка, перед которым открывается наблюдательный улей*, будет некоторое разочарование. Ему сказали, что в этой маленькой стеклянной витрине заключена беспрецедентная деятельность, бесконечное количество мудрых законов и поразительная смесь тайны, опыта, гениальности, расчета, науки, различных отраслей промышленности, уверенности и предвидения, разумных привычек, любопытных чувств и добродетелей. Все, что он видит, - это беспорядочная масса маленьких красноватых групп, чем-то напоминающих обжаренные кофейные ягоды или гроздья изюма, громоздящиеся на стекле. Они выглядят скорее мертвыми, чем живыми; их движения медленные, бессвязные и непонятные. Могут ли это быть те чудесные капли света, которые он видел всего мгновение назад, непрестанно вспыхивающие и искрящиеся, когда они метались среди жемчуга и золота тысячи широко раскрытых чашечек?

Под наблюдательным ульем подразумевается стеклянный улей, оснащенный черными занавесками или ставнями. У лучших сортов только одна гребенка, что позволяет изучать обе грани. Эти ульи можно разместить в гостиной, библиотеке и т.д. без каких-либо неудобств или опасности. Пчелы, обитающие в том, что находится в моем кабинете в Париже, способны даже в каменистой пустыне этого великого города найти средства для пропитания и процветания.

Кажется, что они дрожат в темноте, оцепенели, задышались, так тесно они прижаты друг к другу; можно подумать, что это больные пленники или свергнутые с престола королевы, которые пережили свой единственный момент славы посреди своего лучезарного сада, а теперь вынуждены вернуться в позорную убогость своего бедного перенаселенного дома.

Так обстоит дело с ними, как и со всем, что глубоко реально; их нужно изучать, и нужно научиться тому, как их изучать. Житель другой планеты, который увидел бы мужчин и женщин, почти незаметно приходящих и уходящих по нашим улицам, толпящихся в определенное время у определенных зданий или ожидающих неизвестно чего, без видимого движения в глубине

своих жилищ, мог бы заключить из этого, что они тоже были несчастны и инертны. Требуется время, чтобы различить многообразную активность, заключенную в этой инерции.

И действительно, каждая из маленьких, почти неподвижных групп в улье непрерывно работает, каждая по своему ремеслу. Никому не известен покой; и тем, например, которые кажутся наиболее вялыми, когда они мертвыми гроздьями висят на стекле, поручена самая таинственная и утомительная задача из всех: именно они выделяют и образуют воск. Но подробности этой универсальной деятельности будут даны в своем месте. Пока нам нужно только привлечь внимание к существенной черте в природе пчелы, которая объясняет необычайную агломерацию различных работников. Пчела прежде всего и даже в большей степени, чем муравей, порождение толпы. Она может жить только среди множества. Когда она покидает улей, который так плотно набит, что ей приходится пробиваться ударами головы сквозь окружающие ее живые стены, она покидает свою настоящую стихию. Она нырнет на мгновение в заросшее цветами пространство, как пловец ныряет в море, наполненное жемчугом, но под страхом смерти она обязана через равные промежутки времени возвращаться и дышать толпой, как пловец должен возвращаться и дышать воздухом. Изолируйте ее, и какой бы обильной ни была пища или благоприятной ни была температура, через несколько дней она умрет не от голода или холода, а от одиночества. Из толпы, из города она черпает невидимую пищу, которая ей так же необходима, как мед. Эта жажда поможет объяснить дух законов улья. Ибо в них индивидуум - ничто, ее существование лишь условно, а она сама, на одно безразличное мгновение, - крылатый орган расы. Вся ее жизнь - это сплошная жертва многообразному, вечному бытию, частью которого она является. Странно отметить, что так было не всегда. Даже сегодня мы находим среди медоносных перепончатокрылых все стадии прогрессивной цивилизации нашей собственной домашней пчелы. В нижней части шкалы мы находим ее работающей в одиночестве, в нищете, часто не видящей своего потомства (Прозопис, коллет и т.д.); иногда живущей в окружении ограниченной семьи, которую она производит ежегодно (как в случае со скромной пчелкой). Затем она формирует временные ассоциации (панурги, Дасиподо, хаклиты и т.д.), и, наконец, мы приходим, через последовательные стадии, к почти совершенному, но безжалостному обществу наших ульев, где индивид полностью сливается с республикой, а республика, в свою очередь, неизменно приносится в жертву абстрактному и бессмертному городу будущего.

{8}

Давайте не будем слишком поспешно делать из этих фактов выводы, применимые к человеку. Он обладает способностью противостоять некоторым законам природы; и знать, является ли такое сопротивление правильным или неправильным, является самым серьезным и темным пунктом в его морали. Но глубоко интересно узнать, какова может быть воля природы в другом мире; и эта воля с необычайной ясностью обнаруживается в эволюции перепончатокрылых, которые из всех обитателей этого земного шара обладают наивысшей степенью интеллекта после человека. Целью природы явно является улучшение расы; но не менее очевидна ее неспособность или отказ достичь такого улучшения иначе, как ценой свободы, прав и счастья индивида. По мере того, как общество самоорганизуется и поднимается в своем масштабе, в частную жизнь каждого из его членов входит сокращение. Там, где есть прогресс, он является результатом только все более и более полного принесения личности в жертву общим интересам. Каждый человек вынужден, прежде всего, отказаться от своих пороков, которые являются актами независимости. Например, на предпоследней стадии развития пасечной

цивилизации мы находим смиренных пчел, которые похожи на наших каннибалов. Взрослые рабочие постоянно вьются вокруг яиц, которые они стремятся сожрать, и матери приходится проявлять предельное упрямство в их защите. Затем, освободившись от своих самых опасных пороков, каждый индивид должен приобрести определенное количество все более и более болезненных добродетелей. У смиренных пчел, например, рабочие не мечтают отречься от любви, тогда как наша домашняя пчела живет в состоянии вечного целомудрия. И действительно, вскоре мы покажем, от сколького еще ей приходится отказаться в обмен на комфорт и безопасность улья, на его архитектурное, экономическое и политическое совершенство; и мы вернемся к эволюции перепончатокрылых в главе, посвященной прогрессу вида.

II — РОЙ

{9}

Теперь, чтобы ближе подойти к природе, мы рассмотрим различные эпизоды роя, происходящие в обычном улье, который в десять-двадцать раз более населен, чем наблюдательный, и оставляет пчел совершенно свободными и ничем не стесненными.

Итак, здесь они стряхнули с себя зимнее оцепенение. Королева снова начала откладывать яйца в самых первых числах февраля, и рабочие устремились к ивам и ореховым деревьям, дроку и фиалкам, анемонам и медуницам. Затем весна вторгается в землю, наполняя погреба и потоки медом и пылью, в то время как каждый день наблюдаются рождения тысяч пчел. Самцы-переростки теперь все вылезают из своих клеток и развлекаются на сотах; и слишком процветающий город становится таким переполненным, что сотни запоздалых рабочих, возвращающихся с цветочных работ ближе к вечеру, будут тщетно искать убежища внутри и будут вынуждены провести ночь на пороге, где их уничтожит холод. Народом овладевает беспокойство, и старая королева начинает шевелиться. Она чувствует, что готовится новая судьба. Она свято выполнила свой долг хорошей созидательницы; и из-за этого выполненного долга возникают только скорби и печаль. Непобедимая сила угрожает ее спокойствию; вскоре она будет вынуждена покинуть свой город, где она правила. Но этот город - ее работа, это она сама. Она не является его королевой в том смысле, в каком мужчины используют это слово. Она не отдает приказов; она повинует, так же кротко, как самый смиренный из ее подданных, замаскированной силе, суверенно мудрой, которую в настоящее время и до тех пор, пока мы не попытаемся определить ее местонахождение, мы будем называть "духом улья". Но она - уникальный орган любви; она - мать города. Она основала его в условиях неопределенности и бедности. Она населила его своей собственной субстанцией; и все, кто движется в его стенах — рабочие, самцы, личинки, нимфы и юные принцессы, чье приближающееся рождение ускорит ее собственный уход, одна из них уже назначена "духом улья" в качестве ее преемницы, — все они вышли с ее флангов.

Что это за "дух улья" — где он обитает? Это не похоже на особый инстинкт, который учит птицу строить свое хорошо спланированное гнездо, а затем искать другое небо, когда наступает день миграции. Это также не какая-то механическая привычка расы или слепая жажда жизни, которая бросит пчел на любую дику авантюру в тот момент, когда непредвиденное событие нарушит привычный порядок явлений. Напротив, даже если событие никогда не будет столь властным, "дух улья" все равно будет следовать за ним, шаг за шагом, подобно бдительному и сообразительному рабу, который способен извлечь выгоду даже из самых опасных приказов своего хозяина.

Он безжалостно распоряжается богатством и счастьем, свободой и жизнью всего этого крылатого народа; и все же с осторожностью, как будто руководствуется каким-то великим долгом. Он изо дня в день регулирует количество рождений и следит за тем, чтобы они строго соответствовали количеству цветов, украшающих сельскую местность. Это объявляет о низложении королевы или предупреждает ее, что она должна уехать; это вынуждает ее производить на свет своих соперниц и воспитывает их по-королевски, защищая от политической ненависти их матери. Точно так же, в соответствии с щедростью цветов, возрастом весны и вероятными опасностями брачного полета, будет ли разрешено или запрещено первенцу принцесс-девственниц убивать в колыбелях своих младших сестер, которые поют песню королев. В другое время, когда сезон идет на убыль, а часы цветения становятся короче, оно прикажет самим рабочим истребить весь имперский выводок, чтобы эпоха революций завершилась и работа стала единственной целью для всех. "Дух улья" благоразумен и бережлив, но ни в коем случае не скуп. И таким образом, осознавая, казалось бы, что законы природы несколько диковаты и экстравагантны во всем, что касается любви, она терпит в летние дни изобилия смущающее присутствие в улье трехсот или четырехсот самцов, из рядов которых будущая королева выберет себе возлюбленного; трехсот или четырехсот глупых, неуклюжих, бесполезных, шумных созданий, претенциозных, прожорливых, грязных, грубых, совершенно и возмутительно праздных, ненасытных и огромных.

Но после оплодотворения королевы, когда цветы начинают закрываться раньше, а раскрываться позже, дух однажды утром хладнокровно объявит одновременную и всеобщую резню каждого самца. Он регулирует труд работников с должным учетом их возраста; он возлагает их обязанности на нянек, которые ухаживают за нимфами и личинками, на фрейлин, которые прислуживают королеве и никогда не выпускают ее из поля зрения; на домашних пчел, которые проветривают, освежают или обогревают улей, обмахивая его крыльями, и ускоряют испарение меда, в котором может быть слишком много воды; на архитекторов, каменщиков, восковщиц и скульпторов, которые формируют цепочку и изготавливают соты; на фуражиров, которые совершают вылазки к цветам в поисках нужных веществ. нектар, который превращается в мед, пыльца, которая питает нимф и личинок, прополис, который скрепляет и укрепляет городские здания, или вода и соль, необходимые молодежи страны. Его приказы были отданы химикам, которые обеспечивают сохранность меда, капая муравьиную кислоту с кончика своего жала; изготовителям капсул, которые запечатывают ячейки, когда сокровище созрело; подметальщикам, которые поддерживают общественные места и улицы в безукоризненной чистоте; носильщикам, в чьи обязанности входит убирать трупы; и амазонкам из стражи, которые дежурят на пороге ночью и днем, допрашивают проходящих и уходящих, узнают новичков, вернувшихся из своего самого первого полета, отпугивают бродяг и т. Д.

мародеры и бездельники, изгоняйте всех незваных гостей, атакуйте грозных врагов всем скопом и, если понадобится, забаррикадируйте вход.

Наконец, именно дух улья назначает час великого ежегодного жертвоприношения гению расы, то есть час роя; когда мы обнаруживаем, что целый народ, достигший высочайшей вершины процветания и могущества, внезапно оставляет грядущему поколению свое богатство, свои дворцы, свои дома и плоды своего труда; а сами довольствуются тем, что сталкиваются с трудностями и опасностями новой и далекой страны. Этот поступок, сознательный он или нет, несомненно, выходит за рамки человеческой морали. Его результатом иногда будет разорение, победность всегда; и трижды счастливый город рассеян по всему миру, повинувшись закону, превосходящему его собственное счастье. Где был установлен этот закон, который, как мы вскоре убедимся, ни в коем случае не так слеп и неизбежен, как можно было бы подумать? Где, в каком собрании, каком совете, в какой интеллектуальной и моральной сфере обитает этот дух, которому все должны подчиняться, сам являясь вассалом героического долга, разума, взор которого неотрывно устремлен в будущее?

Это происходит с пчелами, как и с большинством вещей в этом мире; мы отмечаем некоторые из их привычек; мы говорим, что они делают это, они работают таким-то образом, их королевы рождаются такими-то, их рабочие девственны, они роятся в определенное время. И тогда мы воображаем, что знаем их, и больше ничего не спрашиваем. Мы наблюдаем, как они спешат с цветка на цветок, мы видим постоянное волнение внутри улья; их жизнь кажется нам очень простой и ограниченной, как и любая другая жизнь, инстинктивными заботами о размножении и питании. Но стоит приблизить глаз и попытаться разглядеть; и сразу же малейшее явление из всех становится всепоглощающе сложным; мы сталкиваемся с загадкой интеллекта, судьбы, воли, цели, средств, причин; непостижимой организацией самого незначительного акта жизни.

{11}

Итак, наш улей готовится к роению; готовится к великому жертвоприношению требовательным богам расы. Повинуясь приказу духа — приказу, который нам вполне может показаться непостижимым, поскольку он полностью противоречит всем нашим собственным инстинктам и чувствам, — 60 000 или 70 000 пчел из 80 000 или 90 000, составляющих всю популяцию, покинут материнский город в установленный час. Они не покинут в момент отчаяния или с внезапной и дикой решимостью покинут дом, опустошенный голодом, болезнями или войной. Нет, изгнание было давно спланировано, и благоприятный час терпеливо ожидался. Если бы улей был беден, если бы он пострадал от разграбления или бури, если бы несчастье постигло королевскую семью, пчелы не покинули бы его. Они покидают его только тогда, когда он достигает апогея своего расцвета; в то время, когда после напряженных весенних работ огромный дворец из воска имеет свои 120 000 хорошо устроенных ячеек, переполненных свежим медом и разноцветной мукой, известной как "пчелиный хлеб", которой питаются нимфы и личинки.

Никогда улей не бывает так прекрасен, как накануне своего героического отречения, в свой непревзойденный час наивысшего изобилия и радости; безмятежный, несмотря на все свое кажущееся возбуждение и лихорадку.

Давайте попытаемся представить себе это не так, как это представляется пчелам, — ибо мы не можем сказать, каким волшебным, грозным образом что-то может отражаться в 6000 или 7000 фасетках их боковых глаз и тройном циклопическом глазу на лбу, - а так, как это представлялось

бы нам, будь мы их роста. С высоты купола, более колоссального, чем у собора Святого Петра в Риме, восковые стены спускаются к земле, балансируя в пустоте и темноте; гигантские и разнообразные, вертикальные и параллельные геометрические конструкции, с которыми по относительной точности, смелости и обширности не сравнится ни одно человеческое сооружение. Каждая из этих стен, вещество которых все еще безупречно и благоухает девственной серебристой свежестью, содержит тысячи ячеек, в которых хранятся запасы провизии, достаточные для того, чтобы прокормить весь народ в течение нескольких недель. Здесь, в прозрачных ячейках, находится пыльца, любовная закваска каждого весеннего цветка, образующая яркие всплески красного и желтого, черного и лилового цветов. Поблизости, в двадцати тысячах резервуаров, запечатанных печатью, которую можно сломать только в дни величайшего бедствия, хранится апрельский мед, самый прозрачный и ароматный из всех, обернутый длинным и великолепным золотым шитьем, края которого свисают жестко. Еще ниже созревает майский мед в больших открытых чанах, рядом с которыми бдительные когорты поддерживают непрерывный поток воздуха. В центре, вдали от света, алмазные лучи которого проникают внутрь через единственное отверстие, в самой теплой части улья, находится обитель будущего; здесь оно спит и пробуждается. Ибо это королевские владения выводковых клеток, отведенных для королевы и ее помощников; около 10 000 клеток, в которых покоятся яйца, 15 000 или 16 000 камер, занятых личинками, 40 000 жилищ, населенных белыми нимфами, за которыми ухаживают тысячи нянек.* И, наконец, в святой святой этих частей находятся три, четыре, шесть или двенадцать запечатанных дворцов, огромных по размеру по сравнению с другими, где лежат принцессы-подростки, ожидающие своего часа, завернутые в нечто вроде савана, все они неподвижны и бледны, и их кормят в темноте.

* Приведенные здесь цифры скрупулезно точны. Они похожи на хорошо заполненный улей в полном расцвете сил.

Итак, в день, назначенный Духом Улья, определенная часть населения выйдет вперед, отобранная в соответствии с надежными и незыблемыми законами, и освободит место надеждам, которые пока еще бесформенны. В спящем городе остаются самцы, из чьих рядов выйдет королевский любовник, очень молодые пчелы, ухаживающие за выводковыми ячейками, и несколько тысяч рабочих, которые продолжают добывать корм за границей, охранять накопленные сокровища и сохранять моральные традиции улья. Для каждого улья существует свой собственный кодекс морали. Есть очень добродетельные, а есть и очень порочные; и нерадивый пчеловод часто развращает свой народ, лишает его уважения к чужой собственности, подстрекает его к грабежу и прививает ему привычку к завоеваниям и праздности, которые сделают его источником опасности для всех окружающих маленьких республик. Все это является результатом открытия пчелой того, что работа среди отдаленных цветов, многие сотни которых нужно посетить, чтобы получить одну каплю меда, не является единственным или самым быстрым способом приобретения богатства, но что ей легче проникнуть в плохо охраняемые города с помощью хитрости или пробиться в другие, слишком слабые для самообороны. Нелегко также вернуть на путь долга улей, пришедший в такое запустение.

Все идет к тому, чтобы доказать, что не королева, а дух улья принимает решение о рое. С нашей королевой происходит то же, что и со многими вождями среди людей, которые, хотя и делают вид, что отдают приказы, сами вынуждены подчиняться командам гораздо более таинственным, гораздо более необъяснимым, чем те, которые он отдает своим подчиненным. Однажды назначив час, дух, вероятно, даст знать об этом на рассвете или предыдущей ночью, если даже не двумя ночами ранее; ибо едва солнце впитало первые капли росы, как в гудящем городе и его окрестностях можно заметить самое необычное шевеление, значение которого пчеловод редко может не уловить. Временами казалось, что можно почти уловить признаки спора, нерешительности, отшатывания. Случится даже так, что день за днем в этой прозрачной золотистой толпе будет появляться и исчезать странное чувство, по-видимому, беспричинное. Проползло ли по небу облако, которого мы не видим, за которым наблюдают пчелы; или их интеллект борется с новым сожалением? Обсуждает ли крылатый совет необходимость вылета? Об этом мы ничего не знаем, как ничего не знаем и о том, каким образом дух передает свое решение толпе. Каким бы несомненным ни казалось, что пчелы общаются друг с другом, мы не знаем, можно ли это сделать человеческим способом. Возможно даже, что им не слышен их собственный припев:шепот, который доносится до нас, сильно напоенный ароматом меда, восторженный шепот о прекраснейших летних днях, который так любит пчеловод, праздничная песня труда, которая поднимается и опускается вокруг улья в хрустальный час и может быть почти песнопением нетерпеливых цветов, гимном их радости и отголоском их мягкого аромата, голосом белых гвоздик, майорана и тимьяна. Однако в них есть целая гамма звуков, которые мы можем различить, от глубокого восторга до угрозы, страдания и гнева; в них есть ода королевы, песнь изобилия, псалмы скорби и, наконец, протяжные и таинственные боевые кличи, которые принцессы-подростки издают во время сражений и резни, предшествующих брачному полету. Может быть, это случайная музыка, которая не достигает их внутреннего безмолвия? В любом случае, их, кажется, нисколько не беспокоят звуки, которые мы производим возле улья; но они, возможно, считают их не из своего мира и не представляющими для них интереса. Вполне возможно, что мы со своей стороны слышим лишь малую часть звуков, которые издают пчелы, и что у них есть много гармоний, на которые наши уши не настроены. Мы скоро увидим, с какой поразительной быстротой они способны понимать друг друга и принимать согласованные меры, когда, например, великий похититель меда, огромный сфинкс атропос, зловещая бабочка с мертвой головой на спине проникает в улей, напевая свою собственную странную ноту, которая действует как своего рода непреодолимое заклинание; новость быстро распространяется от группы к группе, и от охранников на пороге до работников на самых дальних сотах все население трепещет.

{14}

Долгое время считалось, что когда эти мудрые пчелы, обычно такие предусмотрительные, дальновидные и экономные, бросали сокровища своего царства и бросались в неизвестность жизни, они поддавались своего рода непреодолимому безумию, механическому импульсу, закону вида, велению природы или силе, которая для всех существ скрыта в движении времени. В случае с пчелами у нас такая же привычка, как и у нас самих, считать фатальностью все, чего мы пока не понимаем. Но теперь, когда улей выдал два или три своих материальных секрета, мы обнаружили, что этот исход не является ни инстинктивным, ни неизбежным. Это не слепая эмиграция, а, по-видимому, хорошо продуманная жертва нынешнего поколения в пользу поколения грядущего. Пчеловод должен только уничтожить в своих ячейках молодых маток, которые все еще инертны, и в то же время, если нимф и личинок будет предостаточно,

расширить склады и спальни нации, чтобы эта бесполезная суматоха мгновенно утихла, чтобы работа была немедленно возобновлена, а цветы возвращены; в то время как старая королева, которая теперь снова необходима, не имея преемника, на которого можно надеяться или, возможно, бояться, откажется на этот год от своего стремления к солнечному свету.

Успокоенная относительно будущей деятельности, которая вскоре зародится, она спокойно возобновит свои материнские труды, которые заключаются в откладывании двух-трех тысяч яиц в день, по мере того как она методично переходит по спирали от клетки к клетке, не пропуская ни одного и никогда не останавливаясь на отдых.

Где здесь фатальность, как не в любви сегодняшней гонки к гонке завтрашней? Эта фатальность существует и в человеческом роде, но ее масштабы и сила кажутся бесконечно меньшими. Среди людей она никогда не приводит к таким большим, единомудушным или полным жертвам. Какому дальновидному року, занявшему место этого, повинемся мы сами? Мы не знаем; как не знаем и существа, которое наблюдает за нами, как мы наблюдаем за пчелами.

Но выбранный нами улей на протяжении всей своей истории не был потревожен никаким вмешательством человека; и по мере того, как прекрасный день лучезарными и спокойными шагами приближается под деревьями, его пыл, все еще омытый росой, заставляет назначенный час казаться запоздалым. По всей поверхности золотых коридоров, разделяющих параллельные стены, работники деловито готовятся к путешествию. И каждая из них прежде всего позаботится о запасе меда, которого хватит на пять-шесть дней. Из этого меда, который они несут в себе, они будут перегонять с помощью химического процесса, до сих пор необъяснимого, воск, необходимый для непосредственного строительства зданий. Они запасутся также некоторым количеством прополиса, разновидности смолы, которой они заделают все щели в новом жилище, укрепят слабые места, покроют стены лаком и не пропускают свет; ибо пчелы любят работать почти в полной темноте, руководствуясь своими многогранными глазами или, возможно, усиками, которые, по-видимому, являются вместилищем неизвестного чувства, которое постигает и измеряет темноту.

{16}

Следовательно, они не лишены предвидения того, что должно случиться с ними в этот самый опасный день за все время их существования. Поглощенные заботами, невероятными опасностями этого грандиозного приключения, у них сейчас не будет времени посещать сады и луга; а завтра и послезавтра может случиться, что пойдет дождь или подует ветер; что их крылья могут замерзнуть или цветы откажутся раскрываться. Голод и смерть ожидали бы их, если бы не это их предвидение. Никто не пришел бы к ним на помощь, и они ни к кому не обратились бы за помощью. Ибо один город не знает другого, и помощь никогда не оказывается. И хотя пчеловод помещает улей, в котором он собрал старую матку и сопровождающий ее выводок пчел, рядом с жилищем, которое они только что покинули, им кажется, что бедствие никогда не было таким большим, какое теперь постигнет их, что они полностью забыли мир и счастливую деятельность, которые когда-то знали там, изобилие богатства и безопасность, которые тогда были их уделом; и все, один за другим, до последнего из них, скорее погибнут от голода и холода рядом со своей несчастной маткой, чем вернутся в дом своей семьи. рождение, чей сладкий запах изобилия, аромат, по сути, их собственного усердного труда в прошлом, достигает их даже в бедственном положении.

{17}

Это то, скажут некоторые, чего люди не стали бы делать, — доказательство того, что пчеле, несмотря на чудеса ее организации, все еще не хватает интеллекта и истинного сознания. Настолько ли это точно? Другие существа, несомненно, могут обладать интеллектом, отличным от нашего, и производить другие результаты, не будучи, следовательно, более низкими. И кроме того, неужели мы, даже в нашем маленьком человеческом приходе, такие уж непогрешимые судьи в вопросах, относящихся к духу? Можем ли мы так легко угадать мысли, которые могут руководить двумя или тремя людьми, которых мы можем случайно увидеть движущимися и разговаривающими за закрытым окном, когда их слова не доходят до нас? Или давайте предположим, что житель Венеры или Марса наблюдал бы за нами с высоты горы и наблюдал за маленькими черными пятнышками, которые мы образуем в пространстве, когда появляемся и исчезаем на улицах и площадях наших городов. Может ли простой вид наших движений, наших зданий, машин и каналов дать ему какое-либо точное представление о нашей морали, интеллекте, нашем образе мышления, любви и надежде — одним словом, о нашем реальном и сокровенном "я"? Все, что он мог бы сделать, подобно нам, когда мы смотрим на улей, — это принять к сведению некоторые факты, которые кажутся очень удивительными; и из этих фактов вывести заключения, вероятно, не менее ошибочные, не менее неопределенные, чем те, которые мы предпочитаем делать относительно пчелы.

По крайней мере, в этом можно быть уверенным; наши "маленькие черные пятнышки" не выявили бы огромного морального направления, чудесного единства, которые так очевидны в улье. "Куда они стремятся и что они делают?" он спрашивал после многих лет и столетий терпеливого наблюдения. "Какова цель их жизни или ее стержень?" Повинуются ли они какому-то Богу? Я не вижу ничего, что руководило бы их действиями. Мелочи, которые в один прекрасный день они, кажется, собирают и создают, на следующий день они разрушают и рассеивают. Они приходят и уходят, они встречаются и расходятся, но никто не знает, чего они ищут. В бесчисленных случаях зрелище, которое они представляют, совершенно необъяснимо. Например, есть некоторые, которые, так сказать, едва двигаются со своего места. Их следует отличать по более блестящей шерсти, а часто и по более значительному объему. Они занимают здания в десять или двадцать раз больше обычных жилищ, богаче и более искусно устроенные. Каждый день они проводят много часов за едой, которая иногда действительно затягивается далеко за полночь. Они, по-видимому, пользуются необычайным почетом у тех, кто приближается к ним; мужчины приходят из соседних домов с провизией и даже из глубины страны, нагруженные подарками. Можно только предположить, что эти люди должны быть незаменимы для расы, которой они оказывают существенную услугу, хотя наши методы исследования еще не позволили нам выяснить, какова может быть точная природа этой услуги. Есть и другие, которые непрестанно заняты самым изнурительным трудом, будь то в огромных сараях, полных колес, которые вечно вращаются, или рядом с кораблями, или в темных лачугах, или на маленьких участках земли, которые они постоянно копают с восхода до заката. Нам внушают, что этот труд должен быть преступлением и наказуемым. Ибо лица, виновные в нем, содержатся в грязных, разрушенных, убогих хижинах. Они одеты в какие-то бесцветные шкуры. Их рвение к этому вредному или, во всяком случае, бесполезному занятию настолько велико, что они едва позволяют себе время поесть или поспать. По численности они превосходят других как тысяча к одному. Примечательно, что этот вид должен был суметь выжить до наших дней в условиях, столь неблагоприятных для его развития. Следует, однако, упомянуть, что помимо этой характерной преданности своему изнурительному труду, они кажутся безобидными и

послушными; и довольствуются остатками тех, кто, очевидно, является хранителями, если не спасителями, расы ".

{18}

Не странно ли, что улей, который мы смутно обзираем с высоты другого мира, дает нашему первому вопрошающему взгляду такой уверенный и глубокий ответ? Разве мы не должны восхищаться тем, как мысль или бог, которому повинуются пчелы, сразу обнаруживается в их зданиях, созданных с такой поразительной убедительностью, в их обычаях и законах, в их политической и экономической организации, в их добродетелях и даже в их жестокости? И этот бог, хотя, возможно, это единственный, которому человек до сих пор ни разу серьезно не поклонялся, никоим образом не является наименее разумным или наименее законным из всех, что мы можем себе представить. Бог пчел - это будущее. Когда мы, изучая историю человечества, пытаемся оценить моральную силу или величие народа или расы, у нас есть только один стандарт измерения — достоинство и постоянство их идеала и самоотречение, с которым они его преследуют. Часто ли мы сталкивались с идеалом, более соответствующим желаниям вселенной, более широко проявляющимся, более бескорыстным или возвышенным; часто ли мы обнаруживали более полное и героическое отречение?

{19}

Странная маленькая республика, которая, несмотря на всю свою логику и серьезность, зрелую убежденность и благоразумие, все еще становится жертвой столь обширной и ненадежной мечты! Кто скажет нам, о маленькие люди, которые так глубоко серьезны, которые питались теплом и светом и самым чистым в природе, душой цветов, что материя на этот раз, кажется, улыбается и проявляет это? самое страстное стремление к красоте и счастью, — кто скажет нам, какие проблемы вы разрешили, а мы еще нет, какие уверенности вы приобрели, которые нам еще предстоит завоевать? И если вы действительно разрешили эти проблемы и приобрели эти уверенности с помощью какого-то слепого и примитивного импульса, а не с помощью интеллекта, то к какой загадке, еще более неразрешимой, вы нас не подталкиваете? Маленький город, изобилующий верой, тайной и надеждой, почему твои мириады девственниц соглашались на задание, на которое никогда не соглашался ни один раб-человек? У них могла бы быть другая весна, другое лето, если бы они только чуть менее расточительно тратили силы, чуть менее самозабвенно в своем рвении к труду; но в тот великолепный момент, когда все цветы вызывают к ним, они, кажется, охвачены фатальным экстазом работы; и менее чем через пять недель почти все они погибают, их крылья сломаны, тела сморщены и покрыты ранами.

"Tantus amor florum, et generandi gloria mellis!"

воскликает Вергилий в четвертой книге "Георгики", где он посвящает себя пчелам и передает нам очаровательные заблуждения древних, которые смотрели на природу глазами, все еще ослепленными присутствием воображаемых богов.

{20}

Почему они таким образом отказываются от сна, наслаждений медом и любовью, а также от изысканного досуга, которым наслаждается, например, их крылатый брат, бабочка? Почему они не хотят жить так, как живет он? Их подгоняет не голод. Для их питания достаточно двух или трех цветков, и за один час они посетят двести или три сотни, чтобы собрать сокровище, сладости которого они никогда не испытают. К чему весь этот тяжкий труд и страдания, и откуда исходит эта могучая уверенность? Так ли уж очевидно, что новое поколение, которому вы отдаете свои жизни, заслужит эту жертву; будет красивее, счастливее, сделает то, чего не сделали вы? Ваша цель ясна нам, гораздо яснее, чем наша собственная; вы желаете жить, как и сам мир, в тех, кто придет после; но какова может быть цель этой великой цели; какова миссия этого вечно обновляющегося существования?

И все же, не может ли быть так, что эти вопросы праздны, и мы, задающие их вам, просто детские мечтатели, окруженные заблуждениями и сомнениями? И, действительно, если бы последовательные эволюции сделали вас всемогущими и в высшей степени счастливыми; если бы вы достигли последних высот, откуда, наконец, стали править законами природы; нет, если бы вы были бессмертными богинями, мы все еще спрашивали бы вас, каковы могли бы быть ваши желания, ваши представления о прогрессе; все еще задавались бы вопросом, когда вы вообразили, что наконец успокоитесь и объявите свои желания исполненными. Мы так устроены, что ничто нас не удовлетворяет; что мы не можем рассматривать ни одну вещь как самодостаточную, как просто существующую, без мысли о чем-либо за пределами существования. Существовал ли до сих пор один бог из всего множества, придуманных человеком, от самого вульгарного до самого вдумчивого, от которого не требовалось, чтобы он был активным и побуждающим, чтобы он создавал бесчисленные существа и вещи и имел мириады целей вне себя? И наступит ли когда-нибудь время, когда мы на несколько часов спокойно смиримся с тем, чтобы представлять в этом мире интересную форму материальной деятельности; а затем, по истечении наших нескольких часов, принять, без удивления и сожаления, ту другую форму, которая является бессознательным, неизвестным, дремлющим и вечным?

{21}

Но мы забываем об улье, в котором роящиеся пчелы начали терять терпение, об улье, черные вибрирующие волны которого бурлят и переливаются через край, подобно медной чаше под палящим солнцем. Сейчас полдень, и жара такая сильная, что кажется, будто собравшиеся деревья почти придерживают свои листья, как человек задерживает дыхание перед чем-то очень нежным, но и очень серьезным. Пчелы дарят свой мед и сладко пахнущий воск человеку, который ухаживает за ними; но еще более драгоценным подарком является то, что они приглашают его окунуться в радость июня, в радость прекрасных месяцев; ибо события, в которых принимают участие пчелы, происходят только тогда, когда небо чистое, в погожие часы года, когда у цветов праздник. Они - душа лета, часы, на циферблате которых запечатлены моменты изобилия; они - неутомимое крыло, на котором парят нежные ароматы; проводник дрожащего луча света, песня дремотного, томного воздуха; и их полет - символ, уверенная и мелодичная нота всех мириадов хрупких радостей, которые рождаются в жару и пребывают на солнце. Они учат нас прислушиваться к самому мягкому, самому интимному шепоту этих прекрасных, естественных часов. Для того, кто знал их и любил, лето, в котором нет пчел, становится таким же печальным и пустым, как лето без цветов и птиц.

{22}

Человек, который никогда прежде не видел роя в многолюдном улье, должен относиться к этому буйному, сбивающему с толку зрелищу с некоторой опаской и неуверенностью. Он будет почти бояться приближаться; он будет задаваться вопросом, могут ли это быть те самые серьезные, миролюбивые, трудолюбивые пчелы, за передвижениями которых он до сих пор следил? Прошло всего несколько мгновений до того, как он увидел, как они съехались толпами со всех концов страны, по-видимому, такие же занятые, какими могут быть маленькие домохозяйки, не думающие ни о чем, кроме домашних забот. Он наблюдал, как они вливаются в улей, почти незаметно, запыхавшиеся, нетерпеливые, измученные, полные сдержанного возбуждения; и видел, как юные амазонки, стоявшие у ворот, приветствовали их, когда они проходили мимо, легчайшим взмахом антенн. А затем, добравшись до внутреннего двора, они поспешно отдавали свой урожай меда юным привратницам, всегда находившимся внутри, обмениваясь с ними максимум тремя-четырьмя, вероятно, необходимыми словами; или, возможно, они сами спешили к обширным складам, окружающим выводковые клетки, и клали две тяжелые корзины с пыльцой, которые висели у них на бедрах, после чего сразу же снова отправлялись в путь, не задумываясь о том, что может происходить в королевском дворце, мастерских или спальне, где спят нимфы; ни на мгновение не присоединяясь к общему веселью. столпотворение в общественном месте перед воротами, где уборщики имеют обыкновение собираться в сильную жару и сплетничать.

{23}

Сегодня все изменилось. Определенное количество рабочих, это правда, мирно отправится на поля, как будто ничего не происходит; вернется, будет чистить улей, ухаживать за выводковыми ячейками и вообще держаться в стороне от всеобщего экстаза. Это те, кто не будет сопровождать королеву; они останутся охранять старый дом, выкармливать девять или десять тысяч яиц, восемнадцать тысяч личинок, тридцать шесть тысяч нимф и семь или восемь королевских принцесс, которые сегодня все будут покинуты. Почему они были избраны для выполнения этого сурового долга, по какому закону или кем - не в нашей власти предугадать. Они остаются непреклонно, безмятежно верны своей миссии; и хотя я много раз пробовал провести эксперимент с посыпанием красящим веществом одной из этих покорных Золушек, которых, к тому же, легко отличить среди ликующей толпы по их серьезной и несколько тяжеловесной походке, мне действительно редко удавалось встретить одну из них в безумствующей толпе.

И все же это влечение должно казаться непреодолимым. Это экстаз, возможно, бессознательной жертвы, predeterminedной богом; это праздник меда, триумф расы, победа будущего: единственный день радости, забвения и безумия; единственное воскресенье, известное пчелам. Казалось бы, это также единственный день, когда все наедаются досыта и вдоволь наслаждаются прелестями накопленного ими сокровищами. Как будто они узники, которым наконец-то дарована свобода, которых внезапно привели в страну отдыха и изобилия. Они ликуют, они не могут сдержать переполняющую их радость. Они приходят и уходят бесцельно — те, чье каждое движение всегда имеет свою точную и полезную цель, — они уходят и возвращаются, снова выезжают посмотреть, готова ли королева, чтобы взволновать своих сестер, скрасить скуку ожидания. Они летают гораздо выше, чем обычно, и листья могучих деревьев вокруг отзывчиво трепещут. Они оставили позади проблемы и заботы. Они больше не

[illegible]

{25}

Но настоящий сигнал еще не подан. В улье царит неопишущая неразбериха; и беспорядок, значение которого ускользает от нас. В обычное время каждая пчела, вернувшись в свой дом, по-видимому, забывает о том, что у нее есть крылья, и продолжает свою активную работу, почти не двигаясь, в том конкретном месте улья, которое определено ее особыми обязанностями. Но сегодня все они кажутся заколдованными; они летают плотными кругами вокруг полированных стен, как живое желе, перемешиваемое невидимой рукой. Температура внутри быстро повышается — временами до такой степени, что воск зданий размягчается и скручивается, теряя форму. Королева, которая обычно никогда не покидает центра гребня, теперь дико носится, затаив дыхание от возбуждения, по поверхности неистовой толпы, которая все оборачивается и оборачивается против самих себя. Она торопит их отъезд или пытается отсрочить его? Она приказывает или, возможно, умоляет? Исходит ли от нее эта невероятная эмоция, или она ее жертва? Те знания, которыми мы обладаем об общей психологии пчелы, дают основание полагать, что роение всегда происходит вопреки воле старого повелителя. Ибо действительно, аскетичные труженицы, ее дочери, считают королеву прежде всего органом любви, безусловно, незаменимым посвященным, но сама она несколько бессознательна и часто слабоумна. Они относятся к ней как к матери в старческом возрасте. Их уважение к ней, их нежность героичны и безграничны. Чистейший мед, специально дистиллированный и почти полностью усваиваемый, предназначен только для нее. У нее есть сопровождающий, который присматривает за ней днем и ночью, который облегчает ее материнские обязанности и готовит клетки для откладывания яиц; у нее есть любящие слуги, которые гладят ее, кормят и убирают и даже поглощают ее экскременты. Если с ней случится малейший несчастный случай, новость быстро распространится от группы к группе, и все население будет метаться туда-сюда в громких причитаниях. Схватите ее, заключите в тюрьму, уведите из улья в то время, когда у пчел не будет надежды занять ее место, возможно, из-за того, что она не оставила предопределенного потомства, или из-за того, что в улье нет личинок моложе трех дней от роду (поскольку специальное питание способно превратить их в королевских нимф, таков великий демократический принцип улья и противовес прерогативам материнского предопределения), а затем, когда станет известно о ее потере, возможно, через два-три часа, поскольку город огромен; работа начнется позже. прекращается почти во всех направлениях. О птенцах больше не будут заботиться; часть обитателей будет разбредаться во все стороны в поисках своей

матери, в поисках которой другие будут выбираться из улья; рабочие, занятые сооружением сот, развалятся на части и разбегутся, фуражиры больше не будут посещать цветы, стража у входа покинет свой пост; и чужеземные мародеры, все паразиты на меду, вечно высматривающие возможность пограбить, будут свободно входить и выходить, и никто не подумает о защите сокровищ, которые были собраны с таким трудом. И бедность мало-помалу проникнет в город; население будет сокращаться; и несчастные жители вскоре погибнут от горя и отчаяния, хотя все летние цветы распустятся у них на глазах.

Но пусть королева будет восстановлена до того, как ее потеря станет совершившимся, непоправимым фактом, пока пчелы не стали слишком глубоко деморализованы, — ибо в этом они похожи на людей: длительное сожаление или несчастье ослабит их интеллект и испортит их характер, — пусть она будет восстановлена всего несколькими часами позже, и они примут ее с необыкновенным, трогательным радушием. Они будут нетерпеливо собираться вокруг нее; возбужденные группы будут перелезать друг через друга в стремлении приблизиться; когда она будет проходить среди них, они будут ласкать ее длинными усиками, которые содержат так много органов, пока еще необъяснимых; они угощают ее медом и шумно сопровождают обратно в королевские покои. И сразу же восстанавливается порядок, возобновляется работа, от центральной соты выводковых ячеек до самой дальней пристройки, где хранятся излишки меда; фуражиры длинными черными вереницами отправляются вперед, чтобы вернуться, иногда менее чем через три минуты, нагруженные нектаром и пылью; улицы подметаются, паразиты и мародеры убиты или изгнаны; и вскоре улей наполняется нежным, монотонным звучанием странного гимна радости, который, по-видимому, является гимном королевского присутствия.

{26}

Существуют бесчисленные примеры абсолютной привязанности и преданности, которые рабочие проявляют по отношению к своей королеве. Если беда постигнет маленькую республику; если рухнет улей или соты, если люди окажутся невежественными или жестокими; если они будут страдать от голода, холода или болезней и погибнут тысячами, все равно почти неизменно обнаружится, что королева будет жива и невредима под трупами своих верных дочерей. Ибо они защитят ее, помогут ей спастись; их тела станут и оплотом, и убежищем; для нее это будет последняя капля меда, самая полезная пища. И будь катастрофа не столь велика, город девственниц не падет духом, пока жива королева. Двадцать раз подряд ломайте им гребень, двадцать раз отбирайте у них детенышей и пищу, вам все равно никогда не удастся заставить их усомниться в будущем; и хотя они умирают с голоду, а их численность настолько мала, что едва хватает, чтобы заслонить их мать от вражеского взгляда, они приступят к реорганизации законов колонии и позаботятся о самом насущном; они распределяют работу в соответствии с новыми потребностями этого катастрофического момента и после этого немедленно возьмутся за свои труды с рвением, терпением, энтузиазмом, упорством и интеллект, которые не часто можно встретить в природе в такой степени, хотя и верно, что большинство ее созданий проявляют больше уверенности и мужества, чем человек.

Но присутствие королевы даже не обязательно для того, чтобы их уныние исчезло, а любовь сохранилась. Достаточно того, что в момент своей смерти или ухода она оставила потомкам самую слабую надежду. "Мы видели колонию, - говорит Лангстрот, один из отцов современного пчеловодства, - в которой пчел было недостаточно, чтобы покрыть сот площадью в три квадратных дюйма, и все же они пытались вырастить матку. Целых две недели они лелеяли эту

надежду; наконец, когда их число сократилось наполовину, родилась их королева, но крылья у нее были несовершенные, и она не могла летать. Какой бы бессильной она ни была, пчелы относились к ней не с меньшим уважением. Прошла еще неделя, и пчел осталось едва ли дюжина; еще несколько дней, и королева исчезла, оставив на сотах нескольких несчастных, безутешных насекомых".

Есть еще один пример, который наиболее наглядно демонстрирует высший жест сыновней любви и преданности. Это следствие одного из экстраординарных испытаний, которым наше недавнее тираническое вмешательство подвергло этих несчастных, непоколебимых героинь. Мне, как и всем пчеловодам-любителям, не раз присылали оплодотворенных маток из Италии, потому что итальянский вид более плодовит, сильнее, активнее и нежнее нашего. Принято пересылать их в маленьких перфорированных коробочках. В них помещается немного корма, и матка помещается вместе с определенным количеством рабочих пчел, отобранных, насколько это возможно, из числа самых старых пчел в улье. (О возрасте пчелы можно легко судить по ее телу, которое постепенно становится более отполированным, тонким и почти лысым; и, в частности, по крыльям, которые изнашиваются при тяжелой работе и рвутся.) Их миссия - кормить королеву во время путешествия, ухаживать за ней и охранять ее. Когда ящик доставляли, я часто обнаруживал, что почти все работники мертвы. Действительно, однажды все они погибли от голода; но в этом случае, как и во всех других, королева была жива, невредима и полна сил; и последний из ее спутников, вероятно, скончался в тот момент, когда она подносила последнюю каплю меда, которую держала в своем мешочке, королеве, которая была символом жизни более драгоценной, более обширной, чем ее собственная.

{28}

Когда эта непоколебимая привязанность попала в поле зрения человека, он смог обратить в свою пользу качества, которые она порождает или, возможно, содержит в себе: замечательное политическое чутье, страсть к работе, настойчивость, великодушие и преданность будущему. Это позволило ему в течение последних нескольких лет в определенной степени приручить этих неподатливых насекомых, хотя и без их ведома; ибо они не поддаются чужой силе и в своем бессознательном рабстве подчиняются только законам, принятым ими самими. Человек может верить, если захочет, что, обладая королевой, он держит в своих руках судьбу и душу улья. В соответствии с тем, как он обращается с ней — так сказать, играет с ней, — он может увеличивать и ускорять рой или ограничивать и замедлять его; он может объединять или разделять колонии и направлять эмиграцию королевств. И все же, тем не менее, верно, что королева, по сути, является всего лишь своего рода живым символом, олицетворяющим, как и все символы, более обширный, хотя и менее заметный принцип; и пчеловоду не мешало бы принять во внимание этот принцип, если он не хочет подвергать себя более чем одному неожиданному обращению вспять. Ибо пчелы никоим образом не введены в заблуждение. Присутствие королевы не закрывает им глаза на существование их истинного повелителя, нематериального и вечного, который является не чем иным, как их навязчивой идеей. Зачем спрашивать, осознанна ли эта идея или нет? Такие рассуждения могут иметь ценность только в том случае, если мы стремимся определить, следует ли нам более справедливо восхищаться пчелами, у которых есть эта идея, или природой, которая вложила ее в них. Где бы оно ни находилось, в огромном непознаваемом теле или в крошечных, которые мы видим, оно заслуживает нашего глубочайшего внимания; и здесь не будет неуместным заметить, что именно наша привычка подчинять наше удивление случайностям происхождения или места,

которые так часто заставляют нас терять шанс на глубокое восхищение; что из всех вещей в мире является для нас наиболее полезным.

{29}

Эти предположения, возможно, можно считать чрезвычайно рискованными, а возможно, и излишне человеческими. Могут возразить, что пчелы, по всей вероятности, понятия не имеют об этом виде; что их забота о будущем, любовь к роду человеческому и многие другие чувства, которые мы предпочитаем им приписывать, на самом деле не более чем формы, принимаемые жизненными потребностями, страхом страдания или смерти и влечением к удовольствиям. Пусть будет так; смотрите на все это как на фигуру речи; это вопрос, которому я не придаю никакого значения. Единственное, в чем можно быть уверенным здесь, как и во всех других случаях, - это в том, что при особых обстоятельствах пчелы будут обращаться со своей маткой особым образом. Все остальное - тайна, вокруг которой мы можем только строить более или менее остроумные и приятные догадки. И все же, если бы мы говорили о человеке так, как, возможно, было бы разумно говорить о пчеле, много ли еще мы могли бы сказать? Он тоже уступает только необходимости, влечению удовольствия и страху страдания; и то, что мы называем нашим интеллектом, имеет то же происхождение и предназначение, что и то, что у животных мы предпочитаем называть инстинктом. Мы совершаем определенные поступки, результаты которых, как мы полагаем, нам известны; другие вещи случаются, и мы льстим себя надеждой, что мы лучше, чем животные, способны угадать их причину; но, помимо того факта, что это предположение не имеет под собой прочного основания, события такого рода редки и бесконечно малы по сравнению с огромной массой других, которые ускользают от понимания; и все, самые мелкие и возвышенные, самые известные и самые необъяснимые, самые близкие и самые отдаленные, происходят в такую глубокую ночь, что наша слепота вполне может быть почти абсолютной. так же велико, как то, что мы предполагаем в пчеле.

{30}

"Все должны согласиться, - замечает Бюффон, у которого несколько забавное предубеждение против пчелы, — все должны согласиться с тем, что эти мухи, рассматриваемые по отдельности, обладают гораздо меньшим гением, чем собака, обезьяна или большинство животных; что они проявляют гораздо меньше послушания, привязанности или сентиментальности; что у них, одним словом, меньше качеств, которые соотносятся с нашими; и из этого мы можем заключить, что их кажущийся интеллект проистекает только из собранного ими множества; и это объединение даже не свидетельствует об интеллекте, поскольку им не руководят никакие моральные соображения, поскольку они оказываются собранными вместе без их согласия. Следовательно, это общество - не более чем физическое скопление, predetermined природой и независимое ни от знания, ни от разума, ни от цели. Пчела-мать производит на свет десять тысяч особей одновременно, и в одном и том же месте; эти десять тысяч особей, будь они в тысячу раз глупее, чем я предполагаю, были бы вынуждены, просто ради цели существования, придумать какую-нибудь форму устройства; и, предположив, что они начали с того, что причиняли друг другу вред, они, поскольку каждая из них обладает такой же силой, как и ее собратья, вскоре закончили бы тем, что причинили друг другу наименьший возможный вред или, другими словами, оказали помощь. Создается впечатление, что они понимают друг друга и работают ради общей цели; и поэтому наблюдатель склонен наделять их доводами и интеллектом, которыми они на самом деле далеки от обладания. Он будет делать вид, что дает

отчет за каждое действие, показывает причину, стоящую за каждым движением; и отсюда легко перейти к градации, объявляя их чудесами или чудовищами, воплощающими бесчисленные идеи. Принимая во внимание, что истина заключается в том, что эти десять тысяч индивидуумов, которые были произведены одновременно, которые жили вместе и претерпели метаморфозы более или менее в одно и то же время, не могут не делать одно и то же и вынуждены, какими бы слабыми ни были чувства внутри них, перенимать общие привычки, жить в согласии и единении, заниматься своим жилищем, возвращаться в него после своих путешествий и т.д., и т.п. И на этом фундаменте возникают архитектура, геометрия, порядок, дальновидность, любовь к родине — одним словом, республика; все это, как мы видели, проистекает из восхищения наблюдателя". Там нам объясняют наших пчел совсем по-другому. И если поначалу это кажется более естественным, не по той ли простой причине, что на самом деле это почти ничего не объясняет? Я не буду ссылаться на существенные ошибки, содержащиеся в этой главе; я только спрошу, не свидетельствует ли сам по себе тот факт, что пчелы соглашались на совместное существование, принося друг другу минимально возможный вред. И не кажется ли нам этот интеллект тем более замечательным, что мы более внимательно изучаем то, каким образом эти "десять тысяч индивидуумов" избегают причинять вред друг другу и в конце концов оказывают помощь? И далее, разве это не история нас самих; и разве все, что говорит сердитый старый натуралист, не применимо в равной степени к каждому из наших человеческих обществ? И все же еще раз: если пчеле действительно нельзя приписать ни одно из чувств или идей, которые мы ей приписали, не должны ли мы очень охотно изменить почву для нашего удивления? Если мы не должны восхищаться пчелой, тогда мы будем восхищаться природой; всегда должен наступать момент, когда в восхищении нам больше нельзя будет отказать, и мы ничего не потеряем из-за того, что отступили или ждали.

Как бы то ни было, и не отказываясь от этой нашей гипотезы, преимущество которой, по крайней мере, заключается в том, что мы связываем в уме определенные действия, имеющие очевидную связь на самом деле, несомненно, что пчелы испытывают гораздо меньше обожания к самой королеве, чем к бесконечному будущему расы, которую она представляет. Они не сентиментальны; и если кто-то из их числа вернется с работы настолько тяжело раненным, что будет признан неспособным к дальнейшей службе, они безжалостно выгонят его из улья. И все же нельзя сказать, что они совершенно неспособны к какой-либо личной привязанности к своей матери. Они узнают ее среди всех. Даже когда она стара, искалечена и несчастна, стражи у дверей никогда не позволят другой королеве войти в улей, даже если она молода и плодовита. Это правда, что это один из фундаментальных принципов их государственного устройства, и они никогда не отступают, за исключением случаев обилия меда, в пользу какого-нибудь иностранного работника, который должен быть хорошо нагружен едой.

Когда королева станет полностью стерильной, пчелы вырастят определенное количество королевских принцесс, которые займут ее место. Но что станет со старой правительницей? Относительно этого у нас нет точных сведений; но иногда случалось, что пасечники находили великолепную королеву в расцвете сил своего возраста на центральной соте улья; а в каком-нибудь темном углу, прямо в глубине, изможденную, дряхлую "старую хозяйку", как называют ее в Нормандии. В таких случаях, по-видимому, пчелы должны проявлять величайшую осторожность, чтобы защитить ее от ненависти энергичной соперницы, которая жаждет ее смерти; ибо королева ненавидит королеву так яростно, что двое, случайно оказавшиеся под одной крышей, немедленно налетели бы друг на друга. Было бы приятно верить, что пчелы таким образом предоставляют своей древней повелительнице скромный приют в отдаленном

уголке города, где она может спокойно закончить свои дни. Здесь мы снова прикасаемся к одной из тысячи загадок воскового города; и это еще раз доказывает нам, что привычки и политика пчел ни в коем случае не являются узкими или жестко predetermined; и что их действия имеют мотивы гораздо более сложные, чем мы склонны предполагать.

{32}

Но мы постоянно вмешиваемся в то, что они должны считать незыблемыми законами природы; постоянно ставим пчел в положение, которое можно сравнить с тем, в котором оказались бы мы сами, если бы законы пространства и тяготения, света и тепла вокруг нас внезапно подавлялись. Что будут делать пчелы, когда мы силой или обманом введем в город вторую матку? Вполне вероятно, что в естественном состоянии, благодаря стражам у ворот, такого события никогда не происходило с тех пор, как они впервые пришли в мир. Но эта поразительная конъюнктура не лишает их рассудка; они по-прежнему ухитряются примирить два принципа, которые, по-видимому, рассматривают в свете божественных повелений. Первое - это принцип уникального материнства, никогда не нарушаемый, за исключением случаев бесплодия у царствующей королевы, да и то в очень исключительных случаях; второе еще более любопытно и, хотя никогда не нарушается, подвержено тому, что можно назвать почти иудейским уклонением. Это закон, который наделяет личность королевы, кем бы она ни была, своего рода неприкосновенностью. Пчелам было бы несложно пронзить незваную гостью своими мириадами ядовитых жал; она умерла бы на месте, и им достаточно было бы просто вынести труп из улья. Но хотя это жало всегда находится наготове для удара, хотя они постоянно используют его в своих драках между собой, *они никогда не обратят его против королевы*; и королева никогда не обратит свое жало на человека, животное или обычную пчелу. Она никогда не достанет из ножен свое королевское оружие — изогнутое, как у ятагана, вместо прямого, как у обычной пчелы, — за исключением того случая, когда ей предстоит сражаться с равной, другими словами, с сестрой-королевой.

Казалось бы, ни одна пчела не осмелится взять на себя ужас прямого и кровавого цареубийства. Поэтому всякий раз, когда кажется, что благой порядок и процветание республики требуют смерти королевы, они пытаются придать ее смерти некое подобие естественной кончины и, бесконечно подразделяя преступление, сделать его почти анонимным.

Следовательно, они будут, пользуясь живописным выражением пасечника, "обнимать" царственную незваную гостью; другими словами, они полностью окружают ее своими бесчисленными переплетенными телами. Таким образом, они образуют своего рода живую тюрьму, в которой пленница не может двигаться; и в этой тюрьме они будут держать ее в течение двадцати четырех часов, если потребуется, пока жертва не умрет от удушья или голода.

Но если в этот момент законная королева приблизится и, почуяв соперницу, проявит готовность напасть на нее, живые стены тюрьмы сразу же распахнутся; и пчелы, образовав круг вокруг двух врагов, будут жадно наблюдать за странной дуэлью, которая последует, хотя и оставаясь строго беспристрастными и не принимая в ней участия. Ибо написано, что против матери жало может быть обращено только матерью; только та, кто несет на своих боках почти два миллиона жизней, по-видимому, обладает правом одним ударом нанести почти два миллиона смертей.

Но если бой длится слишком долго и без какого-либо результата, если круглое оружие безвредно скользит по тяжелым кирасам, если одна из королев, похоже, стремится сбежать,

тогда, будь она законной правительницей или незнакомкой, ее немедленно схватят и поместят в живую тюрьму до тех пор, пока она снова не проявит желание напасть на своего врага. Уместно, однако, добавить, что многочисленные эксперименты, которые проводились по этому вопросу, почти неизменно приводили к победе царствующей королевы, возможно, из-за дополнительной смелости и рвения, которые она черпает из знания того, что она дома, со своими подданными вокруг нее, или из-за того факта, что пчелы, какими бы беспристрастными они ни были во время борьбы, возможно, проявляют некоторый фаворитизм в способах заключения соперниц в тюрьму; их мать, по-видимому, почти не страдает от заключения, тогда как чужак почти всегда выходит из нее в заметно помятом и ослабленном состоянии. .

{33}

Существует один простой эксперимент, который доказывает готовность, с которой пчелы узнают свою матку, и глубину привязанности, которую они к ней питают. Удалите ее из улья, и вскоре проявятся все явления тоски и огорчения, которые я описал в предыдущей главе. Замените ее через несколько часов, и все ее дочери поспешат к ней, предлагая мед. Одна секция образует дорожку, по которой она может пройти; другие, низко наклонив голову и высоко подняв живот, будут описывать перед ней большие полукруги, наполненные звуком; несомненно, они будут петь приветственные песни, которые предписывают их ритуалы для моментов высшего счастья или торжественного уважения.

Но пусть никто не воображает, что иностранная королева может безнаказанно быть заменена законной матерью. Пчелы сразу же обнаружат обман; незваная гостья будет схвачена и немедленно заключена в ужасную, шумную тюрьму, непреклонные стены которой будут, так сказать, разрушаться до тех пор, пока она не умрет; ибо в данном конкретном случае вряд ли когда-либо случается, чтобы незнакомец вышел живым.

И здесь любопытно отметить, к какой дипломатии и изощренной стратагеме вынужден прибегать человек, чтобы ввести в заблуждение этих маленьких проницательных насекомых и подчинить их своей воле. В своей непоколебимой преданности они будут принимать самые неожиданные события с трогательным мужеством, рассматривая их, вероятно, как какой-то новый и неизбежный роковой каприз природы. И действительно, несмотря на всю эту дипломатию, в отчаянной неразберихе, которая может последовать за одним из этих рискованных мероприятий, человек всегда и почти эмпирически полагается на замечательное здравомыслие пчел; на неисчерпаемое сокровище их чудесных законов и обычаев, на их любовь к миру и порядку, их преданность общественному благу и верность будущему; на ловкую силу, искреннюю бескорыстность их характера и, прежде всего, на неутомимую преданность, с которой они выполняют свой долг. Но перечисление таких процедур относится скорее к техническим трактатам по пчеловодству и завело бы нас слишком далеко.*

Чужую матку обычно приносят в улей, заключенную в маленькую клетку с железной проволокой, которую подвешивают между двумя сотами. У клетки есть дверца, сделанная из воска и меда, которую рабочие, разозлившись, начинают грызть, освобождая таким образом заключенного, которого они часто принимают без всякой недоброжелательности. Мистер Симминс, управляющий большой пасекой в Роттингдине, недавно открыл другой метод интродукции маток, который, будучи чрезвычайно простым

и почти неизменно успешным, претендует на всеобщее признание
принято пчеловодами, которые ценят свое искусство. Именно из-за
поведения королевы ее внедрение обычно
сопряжено с большими трудностями. Она почти рассеяна,
летает туда-сюда, прячется и вообще ведет себя как
незванный гость, вызывая тем самым подозрения пчел, которые
вскоре они подтверждаются освидетельствованием рабочих. Мистер Симминс
сначала полностью изолирует королеву, которую он намеревается
представить, и позволяет ей поститься в течение получаса. Затем он приподнимает
уголок внутренней крышки осиротевшего улья и помещает
странную королеву на верхушку одного из сотов. Ее ужаснула прежняя
изоляция, и она обрадовалась, обнаружив, что
находится среди пчел; и, умирая от голода, она
с готовностью принимает пищу, которую они ей предлагают. Работники,
обманутые ее заверениями, не осматривают ее, но, вероятно,
воображают, что их старая королева вернулась, и радостно приветствуют ее
. Таким образом, может показаться, что, вопреки
мнению Губера и всех других исследователей, пчелы
не способны узнавать свою матку. В любом случае,
два объяснения, которые оба одинаково правдоподобны — хотя
истина может скрываться, возможно, в третьем, которое нам еще не
известно, — только лишний раз доказывают, насколько сложной и неясной
является психология пчелы. И из этого, как и из всех
вопросов, имеющих отношение к жизни, мы можем сделать только один вывод
: пока не будет достигнуто лучшее, любопытство все еще должно править в
наше сердце.

{34}

Что касается этой личной привязанности, о которой мы говорили, то следует сказать еще одно
слово. То, что такая привязанность существует, несомненно, но несомненно также и то, что
память о ней чрезвычайно недолговечна. Осмелитесь заменить в ее королевстве мать, изгнание
которой длилось несколько дней, и ее возмущенные дочери примут ее таким образом, что
вынудят вас поспешно вырвать ее из смертельного заточения, предназначенного для
неизвестных королев. Ибо у пчел было время превратить дюжину рабочих жилищ в маточные
ячейки, и будущему расы больше ничего не угрожает. Их привязанность будет возрастать или
ослабевать в зависимости от того, насколько королева олицетворяет будущее. Таким образом,
мы часто обнаруживаем, что, когда королева-девственница совершает опасную церемонию,
известную как "брачный полет", о которой я расскажу позже, ее подданные так боятся потерять
ее, что все они сопровождают ее в этом трагическом и далеком поиске любви. Однако они
никогда этого не сделают, если им предоставить фрагмент гребня, содержащий выводковые
ячейки, откуда они смогут выводить других маток. Более того, их привязанность даже может
превратиться в ярость и ненависть, если их повелительница не выполнит свой долг перед тем
абстрактным божеством, которое мы должны были бы назвать будущим обществом, к которому
пчелы, по-видимому, относятся гораздо серьезнее, чем мы. Например, иногда случается, что
пасечники по разным причинам препятствуют присоединению королевы к рою, вставляя в улей

решетку; проворные и стройные труженицы пролетают сквозь нее, ничего не замечая, но для бедной рабыни любви, более тяжелой и тучной, чем ее дочери, она представляет собой непреодолимую преграду. Пчелы, когда обнаружат, что матка не последовала за ними, вернутся в улей и будут ругать несчастную пленницу, суетиться и плохо обращаться с ней, обвиняя ее, вероятно, в лени или подозревая в слабоумии. При их втором отъезде, когда они обнаруживают, что она все еще не последовала за ними, ее недобросовестность становится для них очевидной, и их нападки становятся более серьезными. И, наконец, когда они выступают еще раз, и все с тем же результатом, они почти всегда будут осуждать ее как непоправимо неверную своей судьбе и будущему расы, и предадут ее смерти в королевской тюрьме.

{35}

Следовательно, пчелы подчиняют все вещи будущему; и их дальновидность, гармоничное сотрудничество, умение интерпретировать события и использовать их наилучшим образом должны вызывать наше самое искреннее восхищение, особенно когда мы вспоминаем, в каком поразительном и сверхъестественном свете наше недавнее вмешательство должно представляться им. Возможно, можно сказать, что в последнем приведенном нами примере они очень ложно объясняют неспособность королевы следовать за ними. Но были бы ли бы наши способности различения настолько тоньше, если бы разум совершенно иного порядка, чем наш собственный, обслуживаемый телом столь колоссального размера, что его движения были почти столь же незаметны, как движения природного явления, отвлекал бы себя, расставляя для нас ловушки такого рода? Разве нам не потребовались тысячи лет, чтобы изобрести достаточно правдоподобное объяснение молнии? Существует определенная слабость, которая овладевает каждым интеллектом в тот момент, когда он выходит из своей собственной сферы и оказывается лицом к лицу с событиями, происходящими не по его собственной инициативе. И, кроме того, вполне возможно, что если бы это испытание шпалерой проводилось среди пчел более регулярно и широко, они в конце концов обнаружили бы ловушку и предприняли шаги, чтобы избежать ее. Они освоили тонкости работы с подвижными сотами, с секциями, которые вынуждают их хранить излишки меда в маленьких коробочках, сложенных симметрично; и в случае с еще более необычным нововведением - восковой основой, где ячейки обозначены только тонкой восковой окружностью, они могут сразу оценить преимущества этой новой системы; они самым тщательным образом растягивают воск и, таким образом, без потери времени или труда сооружают идеальные ячейки. До тех пор, пока событие, с которым им приходится сталкиваться, не окажется ловушкой, придуманной каким-нибудь хитрым и злобным богом, пчелам всегда можно доверять в поиске наилучшего, более того, единственного человеческого решения. Позвольте мне привести пример; событие, которое, хотя и происходит в природе, все же само по себе совершенно ненормально. Я имею в виду способ, которым пчелы избавляются от мыши или слизняка, которые случайно могут попасть в улей. Незванный гость убит, им приходится иметь дело с телом, которое очень скоро отравит их жилище. Если они не смогут изгнать или расчленить его, они продолжают методично и герметично замуровывать его в настоящую гробницу из прополиса и воска, которая будет фантастически возвышаться над обычными памятниками города. В одном из моих ульев в прошлом году я обнаружил три такие гробницы бок о бок, возведенные с перегородками, похожими на ячейки гребенки, чтобы воск не пропадал даром. Эти надгробия предусмотрительные могильщики воздвигли над останками трех улиток, которых ребенок положил в улей. Как правило, когда имеешь дело с улитками, они довольствуются тем, что заклеивают воском отверстие раковины. Но в данном случае раковины были более или менее треснуты и разбиты; и поэтому они сочли

более простым закопать улитку целиком; и далее, чтобы не затруднять кровообращение в вестибюле, соорудили несколько галерей, точно соответствующих не их собственному обхвату, а обхвату самцов, которые почти вдвое крупнее их самих. Разве этот пример и следующий за ним не дают основания нам полагать, что со временем они обнаружат причину неспособности королевы последовать за ними через решетку? У них очень хорошее чувство пропорции и пространства, необходимого для перемещения тел. В регионах, где водится отвратительный сфинкс с мертвой головой, ахеронтия атропос, они сооружают маленькие восковые столбики у входа в улей, таким образом ограничивая пространство, чтобы предотвратить прохождение огромного брюха ночного мародера.

{36}

Но хватит об этом; если бы я стал приводить все примеры, я бы никогда этого не сделал. Возвращаясь к королеве, чье положение в улье и роль, которую она в нем играет, мы наиболее точно опишем, объявив ее плененным сердцем города и центром, вокруг которого вращается его интеллект. Какой бы уникальной правительницей она ни была, она также является королевской служанкой, ответственным представителем любви и ее беззаветным хранителем. Ее народ служит ей и почитает ее; но они никогда не забывают, что они отдают дань уважения не ее личности, а миссии, которую она выполняет, и судьбе, которую она олицетворяет. Нам было бы нелегко найти человеческую республику, схема которой включала бы в себя больше желаний нашей планеты; или демократию, которая предлагала бы независимость, более совершенную и рациональную, в сочетании с подчинением, более логичным и более полным. И, конечно, нигде мы не должны обнаружить более болезненной и абсолютной жертвы. Пусть никто не воображает, что я восхищаюсь этой жертвой в той же степени, в какой восхищаюсь ее результатами. Очевидно, следовало бы пожелать, чтобы эти результаты были достигнуты ценой меньшего отречения и страданий. Но однажды принятый принцип — а это, возможно, необходимо в схеме нашего земного шара, — его организация заставляет нас удивляться. Какой бы ни была человеческая правда по этому поводу, жизнь в улье не рассматривается как череда более или менее приятных часов, из которых разумно омрачать только те моменты, которые необходимы для поддержания существования. Пчелы рассматривают это как великую общую обязанность, беспристрастно распределенную между ними всеми и направленную к будущему, которое уходит все дальше и дальше в прошлое с тех пор, как возник мир. И ради этого будущего каждая отказывается более чем от половины своих прав и радостей. Королева прощается со свободой, дневным светом и чашечкой цветов; работницы отдают пять или шесть лет своей жизни и никогда не познают любви или радостей материнства. Мозг королевы превращается в кашицу, чтобыгодились репродуктивные органы; у рабочих эти органы атрофируются, что идет на пользу их интеллекту. Также было бы несправедливо утверждать, что воля не играет никакой роли во всех этих отказах. Мы видели, что личинка каждой работницы может превратиться в матку, если ее поселить и кормить по королевскому плану; и точно так же каждая королевская личинка могла бы превратиться в работницу, если бы ее питание было изменено, а клетка уменьшена. Эти таинственные выборы происходят каждый день в золотистой тени улья. Ими управляет не случайность, а мудрость, чью глубокую преданность, серьезность и неусыпную бдительность может предать только человек: мудрость, которая создает и разрушает, а также внимательно следит за всем, что происходит внутри города и за его пределами. Если внезапно появится изобилие цветов, или матка состарится, или станет менее плодотворной; если популяция увеличится и вам будет не хватать места, вы обнаружите, что пчелы перейдут к созданию маточных ячеек. Но эти клетки могут быть уничтожены, если урожай

не удастся собрать или улей увеличится. Часто они сохраняются до тех пор, пока молодая королева не совершит или не преуспее в своем брачном полете, — чтобы быть сразу же уничтоженными, когда она вернется, волоча за собой, как трофей, безошибочный признак своего оплодотворения. Кто скажет, где пребывает мудрость, которая может таким образом уравновесить настоящее и будущее и предпочесть то, что еще не видно, тому, что уже видно? Где анонимное благоразумие, которое отбирает и отбрасывает, возвышает и опускает; что из стольких работников получается столько королев, а из стольких матерей может получиться народ девственниц? Мы уже говорили в другом месте, что это поселилось в "Духе Улья", но где искать этот дух улья, если не в собрании работников? Чтобы убедиться в том, что он живет там, нам, возможно, не нужно было так внимательно изучать обычаи этой королевской республики. Достаточно было поместить под микроскоп, как это сделали Дюжарден, Брандт, Жирар, Фогель и другие энтомологи, маленькую неотесанную и потрепанную заботами головку труженицы-девственницы рядом с несколько пустоватым черепом королевы и великолепным черепом самца, сверкающим двадцатью шестью тысячами глаз. В этой крошечной головке мы должны найти работу самого обширного и великолепного мозга улья: самого прекрасного и сложного, самого совершенного, который, в другом порядке и с другой организацией, можно найти в природе после мозга человека. И здесь, как и везде, где нам известна схема мира, там, где есть мозг, царят авторитет и победа, истинная сила и мудрость. И здесь снова речь идет о почти невидимом атоме этой таинственной субстанции, который организует и подчиняет материю и способен создать свое собственное маленькое торжествующее и постоянное место посреди колоссальных, инертных сил небытия и смерти.*

*Мозг пчелы, согласно расчету

Дюжарден составляет 1-174-ю часть
веса насекомого, а муравья - 1-296-ю. С другой стороны,
плодоножечные части, развитие которых обычно идет в ногу с
триумфами интеллекта над инстинктом, у пчелы
несколько менее важны, чем у муравья.
Из этих оценок, которые, конечно,
гипотетичны и имеют дело с чрезвычайно
неясным вопросом, по—видимому, следует, что интеллектуальная ценность пчелы и муравья
должна быть более или менее равной.

{37}

А теперь вернемся к нашему роящемуся улью, где пчелы уже подали сигнал к вылету, не дожидаясь окончания этих наших размышлений. В момент подачи этого сигнала создается впечатление, что один внезапный безумный импульс одновременно широко распахнул все ворота в городе; и черная толпа выходит, или, скорее, изливается двойной, или тройной, или учетверенной струей, в зависимости от количества выходов; напряженным, прямым, вибрирующим, непрерывным потоком, который сразу растворяется и тает в пространстве, где мириады прозрачных, яростных крыльев ткнут ткань, пульсирующую звуком. И это на несколько мгновений затрепещет прямо над ульем, с потрясающим шелестом тончайшего шелка, который бесчисленные наэлектризованные руки могли бы непрерывно рвать и сшивать; оно плывет волнообразно, оно дрожит и трепещет, как вуаль радости, которую невидимые пальцы поддерживают в небе, и колышется взад и вперед, от цветов к синеве, ожидая возвышенного

пришествия или ухода. И, наконец, один угол опускается, другой приподнимается; сияющая мантия объединяет свои четыре залитых солнцем угла; и подобно чудесному ковру, о котором говорится в сказке, который порхает в пространстве, повинаясь приказу своего хозяина, он направляет свой прямой курс, слегка наклоняясь вперед, как будто скрывая в своих складках священное присутствие будущего, к иве, грушевому дереву или липе, на которые опустилась королева; и вокруг нее каждая ритмичная волна останавливается, словно на золотом гвозде, и подвешивает свою ткань из жемчуга и светящихся крыльев.

А затем снова наступает тишина; и в одно мгновение этот могучий шум, этот ужасный занавес, очевидно, наполненный невыразимой угрозой и гневом, этот ошеломляющий золотой град, обрушившийся на каждый предмет поблизости, — все это становится просто большим, безобидным, мирным скоплением пчел, состоящим из тысяч маленьких неподвижных групп, которые терпеливо ждут, свисая с ветки дерева, возвращения разведчиков, отправившихся на поиски укрытия.

{38}

Это первая стадия того, что известно как "первичный рой", во главе которого всегда находится старая королева. Как правило, они селятся на кусте или дереве, ближайшем к улью; потому что королева, помимо того, что ее отягощают яйца, живет в постоянной темноте со времени своего брачного полета или роения в прошлом году; и, естественно, она неохотно выходит далеко в космос, фактически почти забыв об использовании своих крыльев.

Пчеловод ждет, пока масса полностью соберется; затем, надев на голову большую соломенную шляпу (ибо самая безобидная пчела, запутавшись в волосах, решит, что попала в ловушку, и безошибочно пустит в ход свое жало), но, если он опытен, не надевает ни маски, ни вуали; приняв меры предосторожности, только погрузив руки по локоть в холодную воду, он приступает к сбору роя, энергично встряхивая ветку, на которую опираются пчелы над перевернутым ульем. В этот улей гроздь упадет так же тяжело, как перезрелый плод. Или, если ветка слишком толстая, он может погрузить ложку в массу и класть туда, куда пожелает, живые ложки, как если бы он разливал кукурузу. Ему не нужно бояться пчел, которые жужжат вокруг него, садясь на его лицо и руки. Воздух наполняется их песней экстаза, которая сильно отличается от их гневного пения. Ему не нужно бояться, что рой разделится, или станет свирепым, или рассеется, или попытается сбежать. Повторяю, это день, когда дух праздника, казалось бы, одушевляет этих загадочных работников, дух уверенности, которую, по-видимому, ничто не может потревожить. Они оторвались от богатства, которое им приходилось защищать, и больше не признают своих врагов. Они становятся безобидными из-за своего счастья, хотя почему они счастливы, мы не знаем, за исключением того, что они подчиняются своему закону. Момент такого слепого счастья природа время от времени дарит каждому живому существу, когда оно стремится достичь своей цели. Нам также не нужно удивляться, что здесь пчелы - ее жертвы; мы сами, изучавшие ее движения все эти прошедшие столетия, и с мозгом более совершенным, чем у пчелы, мы тоже ее жертвы, и даже пока не знаем, доброжелательна она, или безразлична, или только подло жестока.

Там, где приземлилась королева, останется рой; и если бы она спустилась в улей одна, пчелы последовали бы за ней длинными черными вереницами, как только до них дошли сведения об убежище матери. Большинство поспешит к ней с величайшим рвением; но многие на мгновение остановятся на пороге неведомой обители и там будут описывать круги

торжественного ликования, с которым они привыкли отмечать счастливые события. "Они хватаются за оружие", - говорят французские крестьяне. И тогда незнакомый дом сразу же будет принят, и его самые отдаленные уголки исследованы; его положение на пасеке, его форма, его цвет будут схвачены и сохранены в этих тысячах благоразумных и верных маленьких воспоминаний. Внимательно изучаются близлежащие достопримечательности, основан новый город, и его место закрепляется в сознании и сердце всех его жителей; стены наполняются любовным гимном королевского присутствия, и начинается работа.

{39}

Но если рой не будет собран человеком, его история на этом не закончится. Он останется подвешенным на ветке до возвращения рабочих, которые, действуя как разведчики, так сказать, крылатые квартирмейстеры, в самый первый момент скопления разлетелись во все стороны в поисках ночлега. Они возвращаются одна за другой и отчитываются о своей миссии; и поскольку для нас явно невозможно понять мысли пчел, мы можем только по-человечески интерпретировать зрелище, которое они представляют. Поэтому мы можем считать вероятным, что самое пристальное внимание уделяется донесениям различных разведчиков. Возможно, один из них настаивает на преимуществе какого-нибудь замеченного им дупла дерева; другой отдает предпочтение расщелине в полуразрушенной стене, углублению в гроте или заброшенной норе. Собрание часто делает паузу и совещается до следующего утра. Затем, наконец, выбор сделан и одобрен всеми. В определенный момент вся масса приходит в движение, разъединяется, приходит в движение, а затем, в едином постоянном и стремительном полете, который на этот раз не знает препятствий, она направит свой прямой курс, над изгородями и кукурузными полями, над стогами сена и озерами, над рекой и деревней, к своей определенной и всегда далекой цели. Действительно, человеку редко удается пройти эту вторую стадию. Рой возвращается в природу; и мы теряем след его судьбы.

III — ОСНОВАНИЕ ГОРОДА

{40}

ДАВАЙТЕ лучше рассмотрим работу роя, который пасечник соберет в свой улей. И прежде всего, давайте не будем забывать о жертве, которую принесли эти пятьдесят тысяч дев, которые, как поет Ронсар, —

"В маленьком теле есть такое верное сердце..."

и давайте еще раз восхитимся мужеством, с которым они начинают новую жизнь в пустыне, в которой они пали. Они забыли великолепие и богатство своего родного города, где жизнь была так замечательно организована и определена, где аромат каждого цветка, напоминающий солнечный свет, позволял им улыбаться надвигающейся зиме. Там, спящие в глубине своих колыбелей, они оставили тысячи и тысячи дочерей, которых они больше никогда не увидят. Они отказались не только от огромного количества пыльцы и прополиса, которые они собрали вместе, но и от более чем 120 фунтов меда; количество, более чем в двенадцать раз превышающее вес всей популяции и почти в 600 000 раз превышающее вес отдельной пчелы. Для человека это означало бы 42 000 тонн провизии, огромный флот могучих кораблей, нагруженных пищевыми продуктами, более ценными, чем все известные нам; ибо для пчел мед — это разновидность жидкой жизни, разновидность хиллов, которые сразу усваиваются, почти без отходов.

Здесь, в новой обители, нет ничего; ни капли меда, ни кусочка воска; ни ориентира, ни точки опоры. Есть только унылая пустота огромного памятника, у которого нет ничего, кроме стен и крыши. Внутри гладких и округлых стен царит только тьма; и огромная арка наверху возвышается над небытием. Но бесполезные сожаления пчеле неизвестны; во всяком случае, она не позволяет им мешать ее действию. Он далек от того, чтобы быть поверженным испытанием, перед которым пало бы любое другое мужество, и проявляет больший пыл, чем когда-либо. Едва улей был установлен на свое место или рассеялся беспорядок, возникший после бурного падения пчел, как мы видим самое четкое, самое неожиданное разделение в этой запутанной массе. Большая часть, построившись в сплошные колонны, подобно армии, подчиняющейся определенному приказу, продолжит взбираться по вертикальным стенам улья. Достигнув купола, тот, кто прибудет первым, будет цепляться когтями своих передних ног, те, кто последует, будут цепляться за первого, и так последовательно, пока не будут образованы длинные цепи, которые служат мостом к толпе, которая поднимается и поднимается. И постепенно эти цепочки, по мере увеличения их числа, поддерживая друг друга и непрестанно переплетаясь, превращаются в гирлянды, которые, в свою очередь, при непрерывном и постоянном подъеме превращаются в толстый треугольный занавес или, скорее, в своего рода компактный и перевернутый конус, вершина которого достигает вершины купола, в то время как его расширяющееся основание опускается до половины или двух третей всей высоты улья. И затем, когда последняя пчела, которую внутренний голос побудил присоединиться к этой группе, присоединилась к занавесу, подвешенному во тьме, восхождение прекращается; все движение в куполе медленно затихает; и в течение долгих часов этот странный перевернутый конус будет ждать в тишине, которая кажется почти ужасающей, в тишине, которую можно было бы считать религиозной, проявления тайны воска.

Тем временем остальные пчелы — то есть те, что остались внизу, в улье, — не проявили ни малейшего желания присоединиться к остальным наверху и не обращают внимания на формирование чудесного занавеса, на складках которого вскоре должен появиться волшебный дар. Они довольствуются осмотром здания и выполнением необходимых работ. Они тщательно подметают пол и убирают одну за другой веточки, песчинки и опавшие листья; ибо пчелы почти фанатично чистоплотны, и когда в разгар зимы сильные морозы слишком надолго задерживают то, что пасечники называют "чистоплотным полетом", они, вместо того чтобы загрязнять улей, тысячами погибают от ужасной кишечной болезни. Только самцы неизлечимо беспечны и бесстыдно пачкают поверхность гребня своим пометом, который рабочие вынуждены подметать, спеша за ними.

Когда уборка закончилась, пчелы из группы профанов, которые не образуют части конуса, пребывая в своего рода экстазе, принялись за тщательное обследование нижней окружности общего жилища. Просматривается каждая щель, заполняется, покрывается прополисом; и начинается лакировка стен сверху донизу. У ворот назначены охранники, и очень скоро определенное количество работников отправится на поля и вернется со своим грузом пыльцы.

{41}

Прежде чем приподнять складки таинственного занавеса, под покровом которого заложены подлинные основы дома, давайте попытаемся составить некоторое представление об уверенности видения, точном расчете и трудолюбии, которые наш маленький народ эмигрантов будет призван проявить, чтобы приспособить это новое жилище к их требованиям. В окружающей их пустоте они должны наметить планы своего города и логически обозначить место для зданий, которые должны быть возведены как можно экономичнее и быстрее, поскольку королева, жаждущая отложить яйца, уже разбрасывает их по земле. И в этом лабиринте сложных зданий, существующих пока только в воображении, необходимо учитывать законы вентиляции, стабильности, основательности; нельзя упускать из виду стойкость воска, или характер хранящейся пищи, или привычки королевы; должен быть обеспечен свободный доступ ко всем частям и уделяться пристальное внимание распределению запасов и домов, проходов и улиц, — это, однако, в какой-то мере предопределено, план уже разработан, он органически наилучший, — и, кроме того, есть бесчисленные проблемы, перечисление которых заняло бы слишком много времени.

Итак, форма улья, который человек предлагает пчеле, отличается бесконечным разнообразием: от полого дерева или глиняного сосуда, которые все еще встречаются в Азии и Африке, и знакомых колоколообразных конструкций из соломы, которые мы находим в огородах наших фермеров или под их окнами, затерянных среди зарослей подсолнухов, флоксов и мальвы, до того, что действительно можно назвать фабрикой образцового пасечника наших дней. Это сооружение, которое может вместить более трехсот фунтов меда, в три или четыре этажа расположенных друг над другом сот, заключенных в рамку, которая позволяет их снимать и обрабатывать, извлекать урожай с помощью центробежной силы с помощью турбины, а затем возвращать их на свое место, как книгу в хорошо упорядоченной библиотеке.

И в один прекрасный день трудолюбие или каприз человека поселят послушный рой в одном из этих приводящих в замешательство жилищ. И там маленькое насекомое должно сориентироваться, найти свой путь, обустроить свой дом; изменить кажущиеся неизменными планы, продиктованные природой вещей. В этом незнакомом месте необходимо определить местоположение зимних хранилищ, которые не должны выходить за пределы зоны тепла, исходящего от наполовину окоченевших обитателей; необходимо точно определить точку, где должны концентрироваться выводковые клетки, под страхом катастрофы, если они окажутся слишком высокими или слишком низкими, слишком близко или далеко от двери. Возможно, рой только что покинул ствол упавшего дерева, содержащий одну длинную, узкую, вдавленную горизонтальную галерею; и теперь он находится в здании в форме башни, крыша которого теряется во мраке. Или, возможно, возьмем более обычный случай, который даст некоторое представление о сюрпризе, обычно ожидающем пчел: после того, как они прожили столетия под соломенным куполом наших деревенских ульев, их внезапно пересаживают в нечто вроде массивного шкафа или сундука, в три-четыре раза большего, чем место их рождения; и

устанавливают посреди запутанных лесов из наложенных друг на друга рамок, некоторые из которых идут параллельно входу, а некоторые перпендикулярно; все это образует запутанную сеть, скрывающую поверхности их жилища.

И все же, несмотря на все это, не существует ни единого случая, когда рой отказывался бы от своих обязанностей или позволял себе быть сбитым с толку или обескураженным странностью своего окружения, за исключением только случая, когда новое жилище абсолютно непригодно для жизни или пропитано дурными запахами. И даже тогда пчелы не будут обескуражены или сбиты с толку; даже тогда они не откажутся от своей миссии. Рой просто покинет негостеприимное жилище и отправится на поиски лучшей доли где-нибудь подальше. И точно так же о них никогда нельзя сказать, что их можно побудить взяться за какую-либо нелогичную или глупую задачу. Известно, что здравый смысл никогда их не подводил; они никогда, не имея определенного решения, не возводили наугад сооружения дикой или разнородной природы. Даже если вы поместите рой в сферу, куб или пирамиду, в овальную или многоугольную корзину, посетив пчел несколько дней спустя, вы обнаружите, что если это странное сборище маленьких независимых разумов смирилось с новым обиталищем, они сразу же, без колебаний и единодушно узнают, как выбрать наиболее благоприятное, часто, говоря человеческим языком, единственно возможное место в этом абсурдном жилище, следуя методу, принципы которого могут показаться негибкими, но результаты которого поразительно наглядны.

Установленные на одной из огромных фабрик, изобилующих рамами, о которых мы только что упоминали, эти рамы заинтересуют их только в той степени, в какой они обеспечат им основу или отправную точку для их расчесок; и они, вполне естественно, не обращают ни малейшего внимания на желания или намерения человека. Но если пасечник позаботился о том, чтобы покрыть верхнюю планку некоторых из этих рамок узкой полоской воска, он быстро поймет преимущество, которое дает это заманчивое предложение, и осторожно извлечет полоску, используя свой собственный воск в качестве припоя, и удлинит гребень в соответствии с указанным планом. Точно так же — и такой случай част в современном пчеловодстве — если все рамки улья, в которые были собраны пчелы, сверху донизу покрыть листьями воска-основы, они не будут тратить время на возведение построек поперек или рядом с ними или на производство бесполезного воска, но, обнаружив, что работа уже наполовину закончена, они удовлетворятся углублением и удлинением каждой из ячеек, выполненных в листе, тщательно выпрямляя их там, где есть малейшее отклонение от строжайшей вертикали. Следовательно, действуя таким образом, они через неделю овладеют городом, таким же роскошным и хорошо построенным, как тот, который они покинули; тогда как, если бы они были предоставлены своим собственным ресурсам, им потребовалось бы два или три месяца, чтобы построить такое огромное количество жилищ и складов блестящего воска.

{43}

Эту способность к присвоению вполне можно рассматривать как выходящую за пределы инстинкта; и действительно, не может быть ничего более произвольного, чем различие, которое мы проводим между инстинктом и интеллектом в собственном смысле этого слова. Сэр Джон Лаббок, чьи наблюдения за муравьями, пчелами и осами так интересны и так личностны, неохотно приписывает пчеле какую-либо способность различать или рассуждать с того момента, как она оставляет рутину своей обычной работы. Такое его отношение может быть в какой-то мере обусловлено бессознательным пристрастием в пользу муравьев, чьи повадки он

более подробно описал; ибо энтомолог всегда склонен считать то насекомое более разумным, которому он более всего посвятил себя, и мы должны быть осторожны с этим небольшим личным пристрастием. В качестве доказательства своей теории сэр Джон приводит в качестве примера эксперимент, доступный всем. Если вы поместите в бутылку полдюжины пчел и столько же мух и поставите бутылку горизонтально, дном к окну, вы обнаружите, что пчелы будут упорствовать, пока не умрут от истощения или голода, в своих попытках обнаружить выход через стекло; в то время как мухи менее чем за две минуты все вылетят через горлышко с противоположной стороны. Из этого сэр Джон Лаббок делает вывод, что интеллект пчелы чрезвычайно ограничен и что муха проявляет гораздо большее мастерство в том, чтобы выпутаться из затруднения и найти свой путь. Этот вывод, однако, не показался бы полностью безупречным. Поверните прозрачный шар двадцать раз, если хотите, держа то основание, то шейку к окну, и вы увидите, что пчелы будут поворачиваться вместе с ним двадцать раз, как всегда, лицом к свету. Именно их любовь к свету, именно сам их интеллект являются причиной их гибели в этом эксперименте английского ученого. Они, очевидно, воображают, что выход из каждой тюрьмы должен быть там, где свет сияет ярче всего; и они действуют в соответствии и упорствуют в слишком логичных действиях. Для них стекло - сверхъестественная тайна, с которой они никогда не встречались в природе; у них не было опыта общения с этой внезапно ставшей непроницаемой атмосферой; и чем выше их интеллект, тем более неприемлемым, более непостижимым будет казаться странное препятствие. В то время как безмозглые мухи, безразличные к логике, как к загадке хрусталика, игнорирующие зов света, дико порхают туда-сюда и, встречая здесь удачу, которая часто ожидает простых, которые находят спасение там, где погибли более мудрые, неизбежно заканчивают тем, что обнаруживают дружескую развязку, которая возвращает им свободу.

Тот же натуралист приводит еще одно доказательство отсутствия интеллекта у пчел и находит его в следующей цитате из великого американского пасечника, почтенного Лэнгстрота:

"Поскольку муха была предназначена питаться не цветами, а веществами, в которых она могла бы легко утонуть, она осторожно садится на край любого сосуда с жидкой пищей и осторожно угощается; в то время как бедная пчела, бросаясь в воду с головой, быстро погибает. Печальная судьба их несчастных товарищей ни в малейшей степени не удерживает других, кто поддается на соблазнительную приманку, от безумного набрасывания на тела умирающих и умерших, чтобы разделить такой же плачевный конец. Никто не может понять степень их увлечения, пока не увидит кондитерскую, атакованную мириадами голодных пчел. Я видел тысячи людей, выжатых из сиропов, в которых они погибли; тысячи других садились даже на кипящие сладости; полы были покрыты, а окна затемнены пчелами, одни ползали, другие летали, а третьи все еще были настолько перепачканы, что не могли ни ползти, ни летать — ни один из десяти не мог унести домой свою нечестным путем добытую добычу, и все же воздух наполнялся новыми полчищами бездумных пришельцев".

Это, однако, кажется мне не более убедительным, чем могло бы быть зрелище поля боя или разрушительных последствий алкоголизма для сверхчеловеческого наблюдателя, стремящегося установить границы человеческого понимания. На самом деле, возможно, даже меньше, ибо положение пчелы, по сравнению с нашим собственным, в этом мире странное. Он был предназначен для того, чтобы жить среди безразличной и бессознательной природы, а не рядом с экстраординарным существом, которое вечно нарушает самые неизменные законы и производит грандиозные, необъяснимые явления. При естественном порядке вещей, при

монотонной жизни леса безумие, описанное Лангстротом, было бы возможно только в том случае, если бы какая-то случайность внезапно уничтожила улей, полный меда. Но даже в этом случае не было бы ни рокового стакана, ни кипящего сахара или приторного сиропа; следовательно, не было бы никакой смерти или опасности, кроме той, которой подвергается каждое животное в поисках своей добычи.

Смогли бы мы добиться большего успеха, чем они, в сохранении присутствия духа, если бы какая-то странная сила на каждом шагу заманивала наш разум в ловушку? Давайте не будем слишком поспешно осуждать пчел за глупость, авторами которой мы являемся, или высмеивать их интеллект, который так же плохо приспособлен для того, чтобы опровергать наши изобретения, как наши собственные могли бы опровергнуть изобретения какого-нибудь высшего существа, неизвестного нам сегодня, но по этой причине не невозможного. Поскольку в настоящее время ничего подобного не известно, мы приходим к выводу, что стоим на самой вершине жизни на этой земле; но эта вера, в конце концов, ни в коем случае не является непогрешимой. Я не предполагаю, что, когда наши действия неразумны или достойны презрения, мы просто попадаем в ловушки, расставленные таким существом; хотя не исключено, что однажды это подтвердится. С другой стороны, было бы неразумно отказывать пчеле в разумности на том основании, что ей еще не удалось отличить нас от человекообразной обезьяны или медведя. Несомненно, что в нас и вокруг нас существуют влияния и силы, не менее непохожие друг на друга, различие которых так же легко ускользает от нас.

И, наконец, заканчивая это извинение, в котором я, кажется, несколько впал в ошибку, которую я приписал сэру Джону Лаббоку, разве способность к безрассудству, столь великая сама по себе, не доказывает разумность? Ибо таким образом она всегда находится в неопределенной области интеллекта, по-видимому, в самом колеблющемся и ненадежном состоянии материи. Тот же свет, который падает на интеллект, падает и на страсть, о которой никто не может сказать, дым от пламени или фитиль. В приведенном выше случае пчел подстегнуло не просто животное желание насытиться медом. Они могли бы заниматься этим на досуге в кладовых дома. Понаблюдайте за ними в аналогичных обстоятельствах; следуйте за ними; вы увидите, что, как только их мешочек наполнится, они вернутся в улей и добавят свою добычу в общий запас; посетят чудесный урожай и покинут его, возможно, тридцать раз за час. Таким образом, их замечательные труды вдохновлены единственным желанием: стремлением принести как можно больше богатства в дом своих сестер, который также является домом будущего. Когда мы обнаруживаем причину, столь же бескорыстную для человеческих безумств, мы склонны называть ее другим именем.

{44}

Однако должна быть рассказана вся правда. Среди чудес их трудолюбия, их политики, их самопожертвования существует одна вещь, которая всегда должна сдерживать и ослаблять наше восхищение; и это безразличие, с которым они относятся к несчастьям или смерти своих товарищей. В характере пчелы есть странная двойственность. В сердце улья все помогают и любят друг друга. Они так же едины, как добрые мысли, живущие в одной душе. Рани одного из них, и тысяча пожертвует собой, чтобы отомстить за нанесенный вред. Но за пределами улья они больше не узнают друг друга. Изувечьте их, раздавите — или, скорее, не делайте ничего подобного; это было бы бесполезной жестокостью, ибо факт установлен вне всякого сомнения, — но если бы вы изувечили или раздавили на соте, положенной в нескольких шагах от их

жилища, двадцать или тридцать пчел, вышедших из одного улья, те, кого вы оставили нетронутыми, даже не повернут головы. Своим языком, фантастическим, как китайское оружие, они будут спокойно продолжать поглощать жидкость, которая для них дороже жизни, не обращая внимания на агонию, последние жесты которой почти касаются их, на крики отчаяния, раздающиеся повсюду. И когда соты пусты, их тревога о том, чтобы ничего не пропало, настолько велика, что их стремление собрать мед, который прилипает к жертвам, побудит их спокойно перелезть через мертвых и умирающих, равнодушных к присутствию первых и никогда не мечтающих о помощи другим. Следовательно, в данном случае они не имеют ни малейшего представления об опасности, которой подвергаются, поскольку их совершенно не беспокоит смерть, которая окружает их, и у них нет ни малейшего чувства солидарности или жалости. Что касается опасности, то объяснение у всех наготове: пчелы не знают, что такое страх, и, за исключением только дыма, ничего на свете не боятся. Вне улья они проявляют крайнюю снисходительность и терпимость. Они будут избегать всего, что их беспокоит, и делать вид, что игнорируют его существование, пока оно не подойдет слишком близко; как будто осознают, что эта вселенная принадлежит всем, что у каждого в ней есть свое место, и ему необходимо соблюдать осторожность и покой. Но под этой снисходительностью тихо скрывается сердце, настолько уверенное в себе, что ему и в голову не приходит протестовать. Если им что-то угрожает, они изменяют свой курс, но никогда не попытаются сбежать. Однако в улье они не ограничатся таким пассивным игнорированием опасности. Они с невероятной яростью набросятся на любое живое существо, будь то муравей, лев или человек, которое осмелится осквернить священный ковчег. Это мы можем назвать гневом, нелепым упрямством или героизмом, в зависимости от того, к чему склонен наш разум.

Но об их недостатке солидарности за пределами улья и даже сочувствия внутри него я не нахожу, что сказать. Должны ли мы верить, что каждая форма интеллекта обладает своими странными ограничениями и что крошечный огонек, который с таким трудом наконец прожигает себе путь сквозь инертную материю и выходит из мозга, все еще настолько неуверен, что, если он сильнее освещает одну точку, другие погружаются в еще более черную тьму? Здесь мы обнаруживаем, что пчелы (или природа, действующая внутри них) организовали общую работу, любовь и культ будущего более совершенным образом, чем можно найти где-либо еще. Не по этой ли причине они упустили из виду все остальное? Они отдают свою любовь тому, что ждет их впереди; мы отдаем свою тому, что вокруг. И у нас, кто любит здесь, возможно, не осталось любви к тому, что находится за пределами. Ничто так сильно не меняется, как направление жалости или милосердия. Раньше мы сами были бы гораздо менее шокированы, чем сегодня, бесчувственностью пчел; и многим древним народам такое поведение не показалось бы заслуживающим порицания. И далее, можем ли мы сказать, сколько из того, что мы делаем, шокировало бы существо, которое могло бы наблюдать за нами, как мы наблюдаем за пчелами?

IV — ЖИЗНЬ ПЧЕЛЫ

{45}

ДАВАЙТЕ теперь, чтобы составить более четкое представление об интеллектуальной мощи пчел, перейдем к рассмотрению их методов взаимодействия. Не может быть никаких сомнений в том, что они понимают друг друга; и действительно, было бы совершенно невозможно, чтобы такая значительная республика, где труды так разнообразны и так чудесно сочетаются, существовала среди тишины и духовной изоляции стольких тысяч созданий. Следовательно, они должны быть способны выражать мысли и чувства либо с помощью фонетического словаря, либо, что более вероятно, с помощью какого-то тактильного языка или магнетической интуиции, соответствующих, возможно, чувствам и свойствам материи, совершенно неизвестным нам самим. И такая интуиция вполне могла бы заключаться в таинственных антеннах, содержащих у рабочих, по подсчетам Чешира, двенадцать тысяч тактильных волосков и пять тысяч "обонятельных углублений", с помощью которых они исследуют темноту и постигают ее суть. Ибо взаимопонимание пчел не ограничивается их обычными занятиями; необычное также имеет название и место в их языке; о чем свидетельствует то, каким образом новости, хорошие или плохие, нормальные или сверхъестественные, немедленно распространяются по улью; например, потеря или возвращение матери, появление врага, вторжение незнакомой королевы, приближение банды мародеров, обнаружение клада и т.д. И настолько характерно их отношение, настолько существенно отличается их ропот на каждом из этих особых событий, что опытный пасечник может без труда определить, что беспокоит толпу, которая рассеянно ходит взад и вперед в тени.

Если вы хотите получить более точные доказательства, вам достаточно понаблюдать за пчелой, которая только что обнаружила несколько капель меда на вашем подоконнике или на углу вашего стола. Она немедленно набросится на него; и с такой жадностью, что у вас будет время, не боясь потревожить ее, пометить ее крошечный поясок легким прикосновением краски. Но все это ее обжорство лежит на поверхности; мед не попадает в собственно желудок, в то, что мы могли бы назвать ее личным желудком, а остается в мешочке, первом желудке — желудке сообщества, если можно так выразиться. Когда резервуар наполнится, пчела улетит, но не свободным и бездумным движением мухи или бабочки; напротив, она на несколько мгновений отлетит назад, нетерпеливо кружа над столом или окном, повернув голову в сторону комнаты.

Она ведет разведку, фиксируя в своей памяти точное местоположение сокровища. После этого она отправится в улей, выбросит свою добычу в одну из ячеек для припасов, а через три-четыре минуты вернется и возобновит работу у окна провидения. И таким образом, пока сохраняется мед, она будет приходить и уходить с интервалом в каждые пять минут, до вечера, если потребуются; без перерыва и отдыха; совершая свои регулярные путешествия от улья к окну, от окна обратно к улью.

{46}

Многие из тех, кто писал о пчелах, сочли нужным приукрасить правду; у меня самого нет такого желания. Для того чтобы исследования, подобные этому описанию, представляли какой-либо интерес, важно, чтобы они оставались абсолютно искренними. Если бы мне навязали вывод, что пчелы неспособны сообщать друг другу новости о событиях, происходящих вне улья, я бы, полагаю, в противовес легкому разочарованию, которое повлекло бы за собой это открытие,

получил некоторую степень удовлетворения, еще раз осознав, что человек, в конце концов, единственное по-настоящему разумное существо, населяющее наш земной шар. И также наступает период в жизни, когда мы испытываем больше радости, говоря то, что является правдой, чем говоря то, что просто замечательно. Здесь, как и в любом другом случае, принцип гласит, что, если голая истина в данный момент кажется менее интересной, менее великой и благородной, чем воображаемые приукрашивания, которые в нашей власти придать ей, вина должна лежать на нас самих, которые все еще неспособны осознать удивительную связь, в которой эта истина всегда должна находиться с нашим существом и с универсальным законом; и в этом случае не истина, а наш интеллект нуждается в приукрашивании и облагораживании.

Поэтому я откровенно признаюсь, что отмеченная пчела часто возвращается одна. Должны ли мы поверить, что у пчел существует такое же различие в характерах, как и у людей; что и среди них одни сплетничают, а другие склонны к молчанию? Друг, который стоял рядом и наблюдал за моим экспериментом, заявил, что, очевидно, простой эгоизм или тщеславие заставили так много пчел воздерживаться от раскрытия источника своего богатства и от того, чтобы делиться с другими славой достижения, которое должно казаться улью чудом. Это были поистине печальные пороки, которые не издавали сладкого запаха, такого благоухающего и верного, который исходит из дома многих тысяч сестер. Но, какова бы ни была причина, часто случается и так, что пчела, которой улыбнулась удача, возвращается к меду в сопровождении двух или трех друзей. Я знаю, что сэр Джон Лаббок в приложении к своей книге "Муравьи, пчелы и осы" заносит результаты своих исследований в длинные и подробные таблицы; и из них мы приходим к выводу, что крайне редко одиночная пчела следует за той, кто сделала открытие. Ученый натуралист не называет расу пчел, которую он отобрал для своих опытов, и не сообщает нам, были ли условия особенно неблагоприятными. Что касается меня, я могу только сказать, что мои собственные таблицы, составленные с большой тщательностью — и были приняты все возможные меры предосторожности, чтобы пчел не привлекал запах меда напрямую, — показывают, что в среднем одна пчела приносит других в четырех случаях из десяти.

Однажды я даже наткнулся на необыкновенную маленькую итальянскую пчелку, пояс которой я пометил синей краской. Во время своей второй поездки она привезла с собой двух своих сестер, которых я заключил в тюрьму, не мешая ей. Она снова ушла и на этот раз вернулась с тремя подругами, которых я снова запер, и так до конца дня, когда, пересчитав моих пленников, я обнаружил, что она сообщила новость не менее чем восемнадцати пчелам.

На самом деле, если вы сами проведете этот эксперимент, вы обнаружите, что общение, если не общее, то, по крайней мере, частое. Обладание этой способностью настолько хорошо известно американским пчелоохотникам, что они пользуются ею, когда занимаются поиском гнезд. М-р Джосайя Эмери замечает по этому поводу (цитируется Романесом в его книге "Интеллект животных"): "Отправляясь в поле или лес на расстоянии от ручных пчел с их коробочкой меда, они собирают с цветов и сажают в тюрьму одну или несколько пчел, и после того, как они достаточно наедятся, выпускают их, чтобы они вернулись домой с их легко добытой ношей. Терпеливо ожидая более или менее продолжительное время, в зависимости от расстояния до пчелиного дерева, охотник почти никогда не упускает случая увидеть, как пчела или пчелы возвращаются в сопровождении других пчел, которых таким же образом сажают в тюрьму, пока они, в свою очередь, не насытятся; затем одну или нескольких выпускают в местах, удаленных друг от друга, и отмечают направление, в котором пчела летит; и таким образом, с

помощью своего рода триангуляции, положение пчелиного дерева устанавливается приблизительно ".

{47}

Вы также заметите в своих экспериментах, что друзья, которые, по-видимому, повинуются воле судьбы, не всегда летают вместе и что часто между разными прилетами проходит интервал в несколько секунд. Следовательно, что касается этих сообщений, мы должны задать себе вопрос, который сэр Джон Лаббок решил в том, что касается муравьев.

Следуют ли товарищи, которые слетаются к сокровищу, только за пчелой, которая первой сделала открытие, или они были посланы ею, и находят ли они его, следуя ее указаниям, ее описанию места, где оно находится? Очевидно, что между этими двумя гипотезами, которые непосредственно относятся к размерам и работе интеллекта пчелы, существует огромная разница. Английскому ученому удалось с помощью сложного и изобретательного устройства проходов, коридоров, рвов, полных воды, и летающих мостов установить, что муравьи в таких случаях всего лишь следуют по следу насекомого-первопроходца. С муравьями, которых можно заставить проходить, где заблагорассудится, такие эксперименты возможны; но для пчелы, чьи крылья открывают все пути, необходимо придумать какой-нибудь другой прием. Я представил себе следующее, которое, хотя и не дало определенного результата, все же могло бы при более благоприятных условиях и при более тщательной организации привести к определенным и удовлетворительным выводам.

Мой рабочий кабинет в деревне находится на втором этаже, над довольно высокой комнатой; следовательно, достаточно высоко, чтобы находиться вне пределов обычного полета пчел, за исключением тех времен, когда цветут каштаны и липы. И больше недели, прежде чем я начал этот эксперимент, я держал на своем столе открытую соточку с медом, но аромат не привлек ни одной пчелы. Затем я подошел к стеклянному улью, который находился недалеко от дома, взял итальянскую пчелу, принес ее в свой кабинет, посадил на соту и пометил, пока она кормилась.

Удовлетворившись этим, она улетела и вернулась в улей. Я последовал за ней и увидел, как она прошла сквозь толпу, опустила голову в пустую ячейку, выплюнула мед и приготовилась снова отправиться в путь. У двери улья я поставил стеклянный ящик, разделенный ловушкой на два отделения. Пчела залетела в эту коробку; и поскольку она была одна, и, казалось, ни одна другая пчела не сопровождала ее и не следовала за ней, я заключил ее в клетку и оставил там. Затем я повторил эксперимент последовательно с двадцатью разными пчелами. Когда отмеченная пчела вернулась одна, я заточил ее, как заточил первую. Но восемь из них подошли к порогу улья и вошли в ящик в сопровождении двух или трех друзей. С помощью ловушки я смог отделить помеченную пчелу от ее товарищей и держать ее пленницей в первом отсеке. Затем, пометив ее спутников другим цветом, я распахнул второе отделение и освободил их, а сам быстро вернулся в свой кабинет, чтобы дожидаться их прибытия. Теперь очевидно, что если бы прошла вербальная или магнетическая коммуникация с указанием места, описанием пути и т.д., определенное количество пчел, получив эту информацию, должно было бы найти дорогу в мою комнату. Я вынужден признать, что произошел всего один случай. Было ли это простой случайностью, или она следовала полученным инструкциям? Эксперимент был недостаточным, но обстоятельства помешали мне продолжить его. Я выпустил "пойманных на приманку" пчел, и вскоре мой кабинет был осажден гудящей толпой, которой они показали путь к сокровищу.

Нам не нужно беспокоиться об этой моей незавершенной попытке, поскольку многие другие любопытные черты заставляют нас признать существование среди пчел духовного общения, которое выходит за рамки простого "да" или "нет" и которое проявляется в случаях, когда простого примера или жеста было бы недостаточно. К таковым, например, относятся поразительная гармония их работы в улье, необычайное разделение труда, регулярность, с которой один работник сменяет другого, и т.д. Я часто отмечал пчел, которые отправлялись за кормом утром, и обнаружил, что днем, если цветов не было особенно много, они были заняты обогревом и обмахиванием выводковых ячеек или, возможно, составляли часть таинственного неподвижного занавеса, посреди которого работали восковщики и скульпторы. Точно так же я заметил, что рабочие, которых я видел собирающими пыльцу в течение всего одного дня, на следующий день не приносят пыльцы обратно, а занимаются исключительно поиском нектара, и наоборот.

{48}

И далее, мы могли бы упомянуть то, что меcье Жорж де Лаэн, знаменитый французский пасечник, называет "Распределением пчел по медоносным растениям". День за днем, в первый час восхода солнца, исследователи зари возвращаются, и улей просыпается, чтобы получить благие вести с земли. "Сегодня на берегах канала цветут липы". "В траве у дороги пестрит белый клевер". "Шалфей и лотос вот-вот распустятся". "Резеда, лилии переполнены пыльцой". После чего пчелы должны быстро организовать и распределить работу. Пять тысяч самых выносливых отправятся к липам, в то время как три тысячи юниоров пойдут освежать белый клевер. Те, кто вчера поглощал нектар из венчиков, сегодня оставят в покое свой язык и железы своего мешочка и будут собирать красную пыльцу с резеды или желтую пыльцу с высоких лилий; ибо никогда вы не увидите пчелу, собирающую или смешивающую пыльцу другого цвета или вида; и действительно, одним из главных предварительных занятий улья является методичное распределение этой пыльцы в кладовых в строгом соответствии с ее происхождением и цветом. Так скрытый гений отдает свои команды. Рабочие немедленно отправляются в путь длинными черными шеренгами, из которых каждый устремляется прямо к своей задаче. "Пчелы, - говорит Де Лайенс, - по-видимому, прекрасно осведомлены о местности, относительной ценности медоносных растений и расстоянии каждого медоносного растения в определенном радиусе от улья.

"Если мы внимательно заметим различные направления, в которых летают эти собиратели, и подробно понаблюдаем за урожаем, который они собирают с различных растений вокруг, мы обнаружим, что рабочие распределяются по цветкам пропорционально не только количеству цветков одного вида, но и их медоносной ценности. Более того, они ежедневно подсчитывают способы получения как можно большего количества сахаристой жидкости. Весной, например, после того, как распустятся ивы, когда поля еще голые, а первые цветы в лесах являются единственным источником питания пчел, мы увидим, как они жадно облетают утесник и фиалки, медуницы и анемоны. Но несколько дней спустя, когда поля с капустой и рапсом зацветут в достаточном изобилии, мы обнаружим, что пчелы почти полностью оставляют растения в лесу, хотя они все еще в полном цвету, и ограничат свои посещения только цветами капусты и рапса. Таким образом, они изо дня в день регулируют их распределение по растениям, чтобы собрать наибольшее количество сахаристой жидкости за минимально возможное время.

"Следовательно, относительно пчелиной колонии можно справедливо утверждать, что как при сборе урожая, так и во внутреннем хозяйстве она способна установить рациональное распределение числа рабочих, никогда не нарушая принципа разделения труда".

{49}

Но что нам делать, спросят некоторые, с интеллектом пчел? Какое нам дело до того, будет ли он немного меньше или немного больше? Зачем взвешивать с такой бесконечной тщательностью крошечный фрагмент почти невидимой материи, как если бы это была жидкость, от которой зависела судьба человека? Я считаю, нисколько не преувеличивая, что наш интерес здесь самый значительный. Обнаружение признаков истинного интеллекта вне нас самих дает нам что-то вроде эмоций, которые испытал Робинзон Крузо, увидев отпечаток человеческой ноги на песчаном пляже своего острова. Мы кажемся менее одинокими, чем нам казалось. И действительно, в нашем стремлении понять интеллект пчел мы изучаем в них то, что наиболее ценно в нашей собственной субстанции: атом необычайной материи, который обладает, где бы он ни находился, великолепной способностью преобразовать слепую необходимость, организовывать, украшать и умножать жизнь; и, что поразительнее всего, способностью удерживать в напряжении упрямую силу смерти и могучую, безответственную волну, которая погружает почти все существующее в вечную бессознательность.

Будь мы единственными обладателями частицы материи, которую, будучи поддерживаемой в особом состоянии цветения или накаливания, мы называем интеллектом, мы имели бы до некоторой степени право смотреть на себя как на привилегированных существ и воображать, что в нас природа достигла какой-то цели; но здесь, у перепончатокрылых, мы обнаруживаем целую категорию существ, у которых достигнута более или менее идентичная цель. И этот факт, хотя, возможно, он ничего не решает, все же занимает почетное место в массе мелких фактов, которые помогают пролить свет на наше положение в этом мире. Это даже дает, если рассматривать с определенной точки зрения, новое доказательство самой загадочной стороны нашего существа; ибо наложения судеб, которые мы находим в улье, обозреваются нами с высоты, более высокой, чем любая, которой мы можем достичь при созерцании судеб человека. Там мы видим перед собой, в миниатюре, большие и простые линии, которые в нашей собственной непропорциональной сфере у нас никогда не бывает возможности распутать и проследить до конца. Дух и материя присутствуют здесь, раса и индивидуум, эволюция и постоянство, жизнь и смерть, прошлое и будущее; все собрано вместе в уединении, которое наша рука может поднять и охватить одним взглядом. И не можем ли мы разумно спросить себя, могут ли простые размеры тела и пространство, которое оно заполняет во времени и пространстве, изменить до такой степени, насколько мы представляем себе тайную идею природы; идею, которую мы пытаемся обнаружить в маленькой истории улья, которая через несколько дней уже древняя, не менее чем в великой истории человека, три поколения которого перекрывают долгий век?

{50}

Тогда давайте продолжим рассказ о нашем улье; давайте продолжим его там, где мы его оставили; и поднимем, как можно выше, складку украшенного гирляндами занавеса, посреди которого над роем начинает пробиваться странный пот, белый, как снег, и более воздушный, чем пух крыла. Ибо воск, который сейчас рождается, не похож на тот, который мы знаем; он безупречен, у него нет веса; он действительно кажется душой меда, который сам по себе

является духом цветов. И это неподвижное заклинание вызвало его к жизни, чтобы позже он мог служить нам — несомненно, в память о своем происхождении, где он един с лазурным небом и пропитан благоуханием великолепия и чистоты — как благоухающий свет последнего из наших алтарей.

{51}

Проследить за различными фазами выделения и использования воска начинающим формироваться роем - дело очень трудное. Все происходит в самых черных глубинах скопления, скопление которых, становясь все плотнее и плотнее, создает температуру, необходимую для этого выделения, которое является привилегией самых молодых пчел. Губер, который был первым, кто изучил эти явления, проявив невероятное терпение и подвергая себя порой очень серьезной опасности, посвящает им более двухсот пятидесяти страниц; которые, хотя и представляют значительный интерес, неизбежно несколько запутанны. Но я не рассматриваю этот предмет технически; и, ссылаясь при необходимости на замечательные исследования Хубера, я ограничусь общим изложением того, что является очевидным для любого, кто может собрать рой в стеклянный улей.

Прежде всего, мы должны признать, что пока не знаем, с помощью какого алхимического процесса мед превращается в воск в загадочных телах наших подвешенных пчел. Мы можем только сказать, что они будут оставаться подвешенными таким образом в течение периода, продолжающегося от восемнадцати до двадцати четырех часов, при такой высокой температуре, что можно почти поверить, что в дупле улья горит огонь; а затем белые и прозрачные чешуйки появятся у отверстия четырех маленьких кармашков, которые есть у каждой пчелы под брюшком.

Когда тела большинства из тех, кто образует перевернутый конус, будут таким образом украшены табличками из слоновой кости, мы увидим, как одна из пчел, словно внезапно вдохновленная, резко отделяется от массы и взбирается по спинам пассивной толпы, пока не достигнет внутренней вершины купола. К этому она будет крепко привязываться, выбивая повторяющимися ударами головы тех из своих соседей, которые, как может показаться, стесняют ее движения. Затем ртом и когтями она хватает одну из восьми чешуек, свисающих с ее брюшка, и сразу же приступает к обрезке и строганию, вытягивает ее, разминает своей слюной, сгибает и расплющивает, раскатывает и выпрямляет с мастерством плотника, обращающегося с податливой панелью. Когда, наконец, ей покажется, что обработанное таким образом вещество обладает требуемыми размерами и консистенцией, она прикрепит его к самой высокой точке купола, заложив таким образом первый или, скорее, краеугольный камень нового города; ибо здесь мы имеем перевернутый город, свисающий с неба, а не поднимающийся из недр земли, как город людей.

К этому краеугольному камню, зависящему в пустоте, она добавит другие кусочки воска, которые по очереди достанет из-под своих колец из рога; и, наконец, в последний раз лизнув языком, в последний раз взмахнув антеннами, она уйдет так же внезапно, как и появилась, и исчезнет в толпе. Другая сразу же займет ее место, продолжит работу с того места, где ее оставила первая, добавит от себя, изменит и приспособит все, что может показаться противоречащим идеальному плану племени, затем в свою очередь исчезнет, и ее сменит третья, четвертая и пятая, все они появятся неожиданно, внезапно, один за другим, ни один не завершит работу, но каждый внесет свою лепту в задачу, в которой все объединяются.

{52}

С верхней части склепа свисает небольшой кусочек воска, пока еще бесформенный. Как только его толщина будет сочтена достаточной, мы увидим, как из массы появляется еще одна пчела, ее внешний вид заметно отличается от внешнего вида основательниц, которые были до нее. И ее манеры демонстрируют такую непоколебимую убежденность, за ее движениями с таким нетерпением следит вся толпа, что мы почти можем вообразить, что какого-нибудь прославленного инженера вызвали, чтобы он проследил в пустоте местоположение первой ячейки, от которой математически должны зависеть все остальные. Эта пчела принадлежит к классу рабочих скульпторов или резчиков по дереву; она сама не производит воск и довольствуется материалами, которые предоставляют другие. Она находит первую ячейку, на мгновение зачерпывает в блок, накладывает воск, который она удалила из полости, по краям вокруг нее; а затем, подобно создательницам, резко уходит и бросает свою модель. Ее место сразу же занимает нетерпеливая работница, которая продолжает работу, которую закончит третья, в то время как другие поблизости атакуют остальную поверхность и противоположную сторону стены; каждый из них подчиняется общему закону прерывистого и последовательного труда, как если бы это был неотъемлемый принцип улья, согласно которому гордость за труд должна быть распределена, а каждое достижение анонимным и общим для всех, чтобы оно могло таким образом стать более братским.

{53}

Вскоре можно будет угадать очертания зарождающегося гребня. По форме он все равно будет линзовидным, поскольку составляющие его маленькие призматические трубочки неодинаковой длины и пропорционально уменьшаются по мере удаления от центра к краям. По толщине и внешнему виду в настоящее время он более или менее напоминает человеческий язык, стороны которого могут быть образованы шестиугольными ячейками, смежными и расположенными спина к спине.

Построив первые кельи, основательницы приступают к нанесению второго куса воска на крышу; и так постепенно - третьего и четвертого. Эти блоки следуют друг за другом через равные промежутки времени, настолько тщательно рассчитанные, что, когда гораздо позже сот полностью разовьется, пчелам будет достаточно места для передвижения между его параллельными стенками.

Следовательно, их план должен включать конечную толщину каждого сота, которая будет составлять от восьмидесяти восьми до девяноста двух сотых дюйма, и в то же время ширину проходов между ними, которая должна составлять около половины дюйма, или, другими словами, вдвое больше высоты пчелы, поскольку между сотами должно быть место для прохода вплотную.

Пчелы, однако, не безошибочны, и их уверенность не кажется механической. Временами они совершают серьезные ошибки, когда обстоятельства представляют необычные трудности. Они часто оставляют слишком много места или слишком мало между гребнями. Это они исправят, насколько смогут, либо косо повернув расческу, которая слишком близко подходит к другой, либо вставив в щель неровную расческу. "Пчелы иногда совершают ошибки, - замечает по этому поводу Реомюр, - и здесь мы можем обнаружить еще один факт, который, по-видимому, доказывает, что они рассуждают разумно".

Мы знаем, что пчелы строят четыре вида ячеек. Прежде всего, маточные ячейки, которые являются исключительными и имеют форму желудя; затем большие ячейки, предназначенные для выращивания самцов и хранения провизии, когда цветков становится слишком много; и маленькие ячейки, служащие колыбелями для рабочих и обычными кладовыми, которые обычно занимают около четырех пятых застроенной поверхности улья. И, наконец, чтобы упорядоченно соединить большие ячейки с маленькими, пчелы сооружают определенное количество так называемых переходных ячеек. Они по необходимости должны быть неправильной формы; но размеры второго и третьего типов настолько безошибочно точны, что в то время, когда была установлена десятичная система и в природе искали фиксированную меру, которая могла бы служить отправной точкой и неоспоримым эталоном, Реомюр предложил выбрать для этой цели пчелиную ячейку.*

* Возможно, и к лучшему, что этот стандарт не был принят. Ибо, хотя диаметр ячеек превосходно регулярность, как и все, производимое живым организмом, не является *математически* неизменной в одном и том же улье.

Далее, как указал мсье Морис Жирар, апофема ячейки различается у разных рас пчел, так что стандарт будет меняться от улья к улью в зависимости от вида населявших его пчел.

Каждая из ячеек представляет собой шестиугольную трубку, расположенную на пирамидальном основании; и два слоя этих трубочек образуют гребенку, их основания расположены напротив друг друга таким образом, что каждый из трех ромбов или лепешек, которые с одной стороны составляют пирамидальное основание одной ячейки, в то же время составляют пирамидальное основание трех ячеек с другой. Именно в этих призматических трубочках хранится мед; и чтобы предотвратить его вытекание в период созревания, что безошибочно произошло бы, если бы трубочки были такими строго горизонтальными, какими они кажутся, пчелы слегка наклоняют их под углом 4 или 5 градусов.

"Помимо экономии воска, - говорит Реомюр, рассматривая эту чудесную конструкцию во всей ее полноте, - помимо экономии воска, которая достигается за счет расположения ячеек, итого факта, что такое расположение позволяет пчелам заполнять соты, не оставляя ни единого свободного места, есть и другие преимущества в отношении надежности работы. Угол в основании каждой ячейки, вершина пирамидальной полости, подкрепляется гребнем, образованным двумя гранями шестиугольника другой ячейки. Два треугольника, или продолжения граней шестиугольника, которые заполняют один из сходящихся углов полости, заключенной в три ромба, образуют своим соединением плоский угол со стороны, которой они касаются; каждый из этих углов, вогнутый внутри ячейки, поддерживает на своей выпуклой стороне один из листов, используемых для формирования шестиугольника другой ячейки; лист, давящий на этот угол, сопротивляется силе, стремящейся вытолкнуть его наружу; и таким образом углы укрепляются. Все преимущества, которые можно было бы пожелать в отношении

прочности каждой ячейки, обеспечиваются ее собственным образованием и положением по отношению к другим ".

{55}

"Есть только три возможных рисунка клеток, - говорит доктор Рид, - которые могут сделать их все равными и схожими, без каких-либо бесполезных промежутков. Это равносторонний треугольник, квадрат и правильный шестиугольник. Математики знают, что не существует четвертого возможного способа, при котором плоскость была бы разрезана на небольшие промежутки, которые были бы равными, подобными и правильными, без бесполезных пробелов. Из трех фигур шестиугольник является наиболее подходящим по удобству и прочности. Пчелы, как будто они знают это, делают свои ячейки правильными шестиугольниками.

"Опять же, было продемонстрировано, что за счет того, что дно ячеек состоит из трех плоскостей, сходящихся в одной точке, достигается немалая экономия материала и рабочей силы. Пчелы, как будто знакомые с этими принципами геометрии тела, следуют им наиболее точно. Это любопытная математическая задача, под каким точным углом должны пересекаться три плоскости, составляющие дно ячейки, чтобы добиться максимально возможной экономии или наименьших затрат материала и труда.* Это одна из задач, относящихся к высшим разделам математики. Соответственно, она была решена некоторыми математиками, в частности гениальным Маклорином, с помощью флуктуационного расчета, который можно найти в Трудах Лондонского королевского общества. Он точно определил требуемый угол и обнаружил, используя наиболее точные измерения, которые допускал испытуемый, что это тот самый угол, под которым действительно сходятся три плоскости на дне ячейки медового сота ".

* Реомюр предложил знаменитому математику Кенигу следующую задачу: "Из всех возможных шестиугольных ячеек с пирамидальное основание, составленное из трех равных и схожих ромбов, чтобы найти тот, для возведения которого потребовалось бы меньше всего материала." Ответ Кенига был таков: ячейка, в основании которой были три ромба, большой угол которых составлял $109^{\circ} 26'$, а маленький $70^{\circ} 34'$. Другой ученый, Маральди, как можно точнее измерил углы ромбов, построенных пчелами, и обнаружил, что больший из них равен $109^{\circ} 28'$, а остальные $70^{\circ} 32'$. Таким образом, между двумя решениями была разница всего в $2'$. Вероятно, что ошибка, если она вообще имела место, должна быть отнесена на счет Маральди, а не на счет пчел; поскольку ни один инструмент не может измерить углы ячеек, которые не очень четко определены, с безошибочной точностью.

Задача, предложенная Кенигу, была поставлена другому математику, Кремеру, чье решение оказалось еще ближе к решению пчелы, а именно: $109^{\circ} 28 \frac{1}{2}'$ для большого угла и $70^{\circ} 31 \frac{1}{2}'$ для малого.

{56}

Я сам не верю, что пчелы занимаются этими заумными расчетами; но, с другой стороны, мне кажется столь же невозможным, чтобы такие поразительные результаты могли быть получены только благодаря случайности или простой силе обстоятельств. Осы, например, тоже строят соты с шестиугольными ячейками, так что для них проблема была идентичной, и они решили ее гораздо менее изобретательным способом. Их соты имеют только один слой ячеек, поэтому у них нет общего основания, которое служит пчелам для двух противоположных слоев. Таким образом, осиный гребень не только менее правильный, но и менее прочный; и сконструирован настолько расточительно, что, помимо потери материала, им приходится жертвовать примерно третью доступного пространства и четвертью затрачиваемой энергии. Опять же, мы находим, что *trigonae* и *meliponae*, которые являются настоящими и одомашненными пчелами, хотя и относятся к менее развитой цивилизации, возводят только один ряд ячеек для выращивания и поддерживают свои горизонтальные, наложенные друг на друга соты на бесформенных и дорогостоящих столбиках из воска. Их кормовые ячейки представляют собой просто большие горшки, собранные вместе без какого-либо порядка; и в том месте между сферами, где они могли бы пересекаться и вызывать выгодную экономию пространства и материала, *meliponae* неуклюже вставляют секцию ячеек с плоскими стенками. В самом деле, сравнивать одно из их гнезд с математическими городами наших собственных мушек - все равно что воображать деревушку, состоящую из примитивных хижин, стоящих бок о бок с современным городом; безжалостная регулярность которого является логичным, хотя, возможно, несколько лишенным очарования результатом гениальности человека, который сегодня более яростно, чем когда-либо прежде, стремится покорить пространство, материю и время.

{57}

Существует теория, первоначально предложенная Бюффоном, а теперь возрожденная, которая предполагает, что пчелы не имеют ни малейшего намерения строить шестиугольники с пирамидальным основанием, но что их желание состоит всего лишь в том, чтобы создать круглые ячейки в воске; только поскольку их соседи и те, кто работает на противоположной стороне соты, роют в тот же момент и с теми же намерениями, точки, где сходятся ячейки, неизбежно должны стать шестиугольными. Кроме того, говорят, именно это происходит с кристаллами, чешуей определенных видов рыб, мыльными пузырями и т.д., как это происходит в следующем эксперименте, предложенном Бюффоном. "Если, - сказал он, - вы наполните блюдо горошком или любой другой фасолью цилиндрической формы, нальете в него столько воды, сколько позволит пространство между фасолью, тщательно закройте его и затем вскипятите воду, вы обнаружите, что все эти цилиндры превратились в шестигранные столбики. И причина очевидна, она действительно чисто механическая; каждый из цилиндрических бобов стремится по мере набухания занимать максимально возможное пространство внутри данного пространства; из чего следует, что взаимное сжатие заставляет их все становиться шестиугольными. Точно так же каждая пчела стремится занять как можно больше места в пределах данного пространства, в результате чего, поскольку ее тело имеет цилиндрическую форму, ячейки становятся шестиугольными по той же причине, что и раньше, а именно из-за возникновения взаимных препятствий".

{58}

Эти взаимные препятствия, по-видимому, способны к чудесным результатам; несомненно, по тому же принципу, по которому пороки человека порождают всеобщую добродетель,

посредством чего человеческий род, часто вызывающий ненависть у отдельных людей, перестает быть таковым в массе. Прежде всего, мы могли бы ответить вместе с Броэмом, Кирби, Спенсом и другими, что эксперименты с горошинами и мыльными пузырями ничего не доказывают; по той причине, что в обоих случаях давление создает только неправильные формы и никоим образом не объясняет существование призматического основания ячеек. Но прежде всего мы могли бы ответить, что существует множество способов справиться с жесткой необходимостью; что оса, смирная пчела, *trigonae* и *meliponae* Мексики и Бразилии достигают совершенно разных и явно худших результатов, хотя обстоятельства и их собственные намерения абсолютно идентичны намерениям пчел. Далее можно было бы настаивать на том, что если пчелиная ячейка действительно следует закону, который управляет кристаллами, снегом, мыльными пузырями, а также вареным горохом Бюффона, то она также, благодаря своей общей симметрии, расположению противоположных слоев и углу наклона, подчиняется многим другим законам, которых нет в материи. Не можем ли мы сказать также о человеке, что весь его гений заключается в том, как он справляется с родственными потребностями? И если нам кажется, что его способ обращения с ними - лучший, какой только может быть, причина может крыться только в отсутствии судьбы, превосходящего нас самих. Но хорошо, что аргументы уступают место фактам; и действительно, на возражение, основанное на эксперименте, лучшим ответом из всех должен быть контрэксперимент.

Чтобы убедиться, что шестиугольная архитектура действительно написана в духе пчеловодства, я однажды отрезал и вынул диск размером с пятифранковую монету из центра соты, в том месте, где были как выводковые ячейки, так и соты, наполненные медом. Я вырезал окружность этого диска в точке пересечения пирамидальных ячеек; в основание одной из этих секций вставил кусок жести, точно соответствующий ее размерам и обладающий достаточной прочностью, чтобы пчелы не могли согнуть или скрутить его. Затем я вернул обломок расчески, должным образом снабженный пластинкой олова, на то место, откуда я его извлек; так что, хотя с одной стороны расчески не было никаких аномалий, повреждение было устранено, на другой было что-то вроде глубокой впадины, занимавшей пространство примерно в тридцать ячеек, с кусочком олова в качестве основания. Поначалу пчелы были сбиты с толку; они слетались целыми стаями, чтобы осмотреть эту любопытную пропасть; день за днем они взволнованно бродили взад и вперед, очевидно, не в силах принять решение. Но поскольку я обильно кормил их каждый вечер, наступил момент, когда у них больше не осталось свободных ячеек для хранения провизии. После этого они, вероятно, призвали своих великих инженеров, выдающихся скульпторов и мастеров восковых фигур и предложили им обратить эту бесполезную полость в прибыльное дело.

Изготовители воска собрались вокруг и образовали плотную гирлянду, чтобы можно было поддерживать необходимое тепло, другие пчелы спустились в отверстие и приступили к прочному прикреплению металла и соединению его со стенками соседних ячеек с помощью маленьких восковых крючков, которые они регулярно распределяли по его поверхности. Затем в верхнем полукруге диска они начали сооружать три или четыре ячейки, соединяя их с крючками. Каждая из этих переходных, или аккомодационных, ячеек была более или менее деформирована сверху, чтобы ее можно было припаять к соседней ячейке на гребенке; но ее нижняя часть уже нанесла на жести три очень четких угла, от которых отходили три маленькие прямые линии, которые правильно обозначали первую половину следующей ячейки.

Через сорок восемь часов, несмотря на то, что одновременно в полости могли работать только три пчелы, вся поверхность банки была покрыта очерченными ячейками. Они, конечно, были менее правильными, чем у обычного гребня; поэтому королева, осмотрев их, мудро отказалась откладывать туда яйца, поскольку поколение, которое могло бы из них вырасти, неизбежно было бы деформированным. Однако каждая ячейка представляла собой идеальный шестиугольник; в ней не было ни одной кривой линии, ни одной изогнутой фигуры или угла. И все же все обычные условия были изменены; ячейки не были вынуты из блока, согласно описанию Хубера, и не были сконструированы внутри воскового колпака, и из круглых вначале они впоследствии были преобразованы в шестиугольники под давлением соседних ячеек, как объяснил Дарвин. Здесь также не могло быть и речи о взаимных препятствиях, поскольку ячейки были сформированы одна за другой, и их первые линии были нанесены на то, что практически было голым столом. Таким образом, казалось бы неоспоримым, что шестиугольник является не просто результатом механической необходимости, но что он занимает свое истинное место в планах, опыте, интеллекте и воле пчелы. Я могу привести здесь еще один любопытный пример проницательности рабочих: ячейки, которые они строили на олове, не имели другого основания, кроме самого металла. Инженеры корпуса, очевидно, решили, что жестянка сможет должным образом сохранить мед; и рассудили, что, поскольку вещество непроницаемо, им не нужно тратить материал, который они так высоко ценят, покрывая металл слоем воска. Но вскоре после того, как в две из этих ячеек было помещено несколько капель меда, пчелы, попробовав его, обнаружили, что соприкосновение металла оказывает ухудшающее действие. После этого они еще раз обдумали этот вопрос и покрыли воском всю поверхность банки.

{59}

Если бы мы хотели пролить свет на все секреты этой геометрической архитектуры, нам пришлось бы еще рассмотреть не один любопытный вопрос; например, форму первых ячеек, которые, будучи прикреплены к крыше, изменены таким образом, чтобы касаться крыши в максимально возможном количестве точек.

Планировка основных магистралей определяется параллельностью гребенок; но мы не можем не восхищаться хитроумной конструкцией аллей и проходов через гребенку и вокруг нее, продуманных настолько искусно, чтобы обеспечить короткие пути во всех направлениях и предотвратить скопление транспорта, обеспечивая при этом свободную циркуляцию воздуха. И, наконец, нам следовало бы изучить конструкцию переходных ячеек, в которых мы видим единое действие инстинкта, побуждающего пчел в данный момент увеличивать размеры своих жилищ. Этот шаг может быть продиктован тремя причинами: необычайный урожай может потребовать больших емкостей, рабочие могут посчитать популяцию достаточно многочисленной или, возможно, возникла необходимость в рождении самцов. Мы также не можем в таких случаях не удивляться изобретательной экономии, безошибочной, гармоничной убежденности, с которой пчелы переходят от малого к большому, от большого к малому; от совершенной симметрии к, где неизбежно, прямо противоположному, возвращаясь к идеальной регулярности, как только позволяют законы живой геометрии; и все это время не теряя ни одной ячейки, не допуская, чтобы ни одна из их многочисленных структур была принесена в жертву, стала нелепой, ненадежной или варварской, или чтобы какая-либо ее часть стала непригодной для использования. Но я боюсь, что я уже коснулся многих деталей, которые будут представлять лишь слабый интерес для читателя, чьи глаза, возможно, никогда не следили за полетом пчел; или кто, возможно, рассматривал их лишь с мимолетным интересом, с которым

все мы склонны рассматривать цветок, птицу или драгоценный камень, требуя от них не более чем легкой поверхностной уверенности и забывая, что самый тривиальный секрет нечеловеческого объекта, который мы наблюдаем в природе, возможно, более тесно связан с глубокой загадкой нашего происхождения и нашего конца, чем секрет тех наших страстей, которые мы изучаем наиболее жадно. и самым страстным образом.

{60}

И я также опущу — в моем желании, чтобы это эссе не стало слишком назидательным, — замечательный инстинкт, который побуждает пчел время от времени утончать и разрушать кончики своих сот, когда их нужно увеличить или удлинить; хотя следует признать, что в этом случае "инстинкт слепого строительства" явно не объясняет их разрушения для того, чтобы они могли восстановиться, или отмены того, что было сделано, чтобы это можно было делать заново и с большей регулярностью. Я ограничусь также простым упоминанием о замечательном эксперименте, который позволяет нам с помощью кусочка стекла заставить пчел располагать свои соты под прямым углом; при этом они самым остроумным образом добиваются того, чтобы увеличенные ячейки на выпуклой стороне совпадали с уменьшенными ячейками на вогнутой стороне сота.

Но прежде чем окончательно оставить эту тему, давайте остановимся, хотя бы на мгновение, и рассмотрим таинственный способ, которым им удается действовать согласованно и объединять свой труд, когда они одновременно вырезают две противоположные стороны гребенки и поэтому не могут видеть друг друга. Поднесите готовую расческу к свету, задержите взгляд на прозрачном воске; вы увидите очень четко выполненную сеть остро вырезанных призм, целую систему совпадений, настолько безошибочных, что можно почти поверить, что они оттиснуты на стали.

Интересно, смогут ли те, кто никогда не видел внутреннего убранства улья, составить адекватное представление об устройстве и внешнем виде сот? Пусть они представят себе — возьмем крестьянский улей, где пчела полностью предоставлена самой себе, — пусть они представят себе купол из соломы или ивняка, разделенный сверху донизу пятью, шестью, восемью, иногда десятью полосками воска, напоминающими несколько большие ломти хлеба, которые проходят строго параллельными линиями от верха купола до пола, точно повторяя форму яйцевидных стенок. Между этими полосками проделано пространство примерно в полдюйма, чтобы пчелы могли стоять и проходить друг мимо друга. В тот момент, когда они начинают сооружать одну из этих полосок в верхней части улья, восковая стенка (которая является ее грубой моделью и позже будет утончена и расширена) все еще очень толстая и полностью исключает пятьдесят или шестьдесят пчел, работающих над ее внутренней поверхностью, из пятидесяти или шестидесяти, одновременно занятых вырезанием внешней, так что для одной группы совершенно невозможно увидеть другую, если только их зрение не способно проникнуть сквозь непрозрачную материю. И все же на внутренней поверхности не зачерпывается отверстие, не добавляется кусочек воска, а с математической точностью соответствует выступу или впадине на внешней поверхности, и наоборот. Как это происходит? Как получается, что один копает не слишком глубоко, а другой недостаточно глубоко? Откуда неизменное волшебное совпадение углов расположения ромбиков? Что это подсказывает пчелам, что в этот момент они должны начать, а в этот момент остановиться? И снова мы должны довольствоваться ответом, который не является ответом: "Это тайна улья".

Хубер попытался объяснить эту загадку, предположив, что давление крючков и зубьев пчел, возможно, приводит к появлению небольших выступов через равные промежутки времени на противоположной стороне соты; или что они могут быть в состоянии оценить толщину брусочка по гибкости или какому-либо другому физическому свойству воска; или, опять же, что их антенны, которые кажутся так хорошо приспособленными для исследования более тонкой, менее очевидной стороны вещей, могут служить компасом в невидимом; или, наконец, что положение каждой ячейки может быть математически выведено из расположения и размеров воска. Ячеек в первом ряду и, таким образом, отпадает необходимость в дальнейших измерениях. Но этих объяснений, очевидно, недостаточно; первые представляют собой всего лишь гипотезы, которые не могут быть проверены, остальные лишь передают тайну. И как бы ни было полезно пересаживать тайну как можно чаще, было бы неразумно воображать, что тайна перестала существовать из-за того, что мы сменили ее дом.

{61}

Теперь давайте покинем эти унылые строительные площадки, эту геометрическую пустыню ячеек. Расчесывания начаты, и они становятся пригодными для жилья. Хотя здесь есть бесконечно малое, что без видимой надежды добавляется к бесконечно малому; хотя наш глаз с его ограниченным зрением смотрит и ничего не видит, работа воска, не останавливающаяся ни днем, ни ночью, будет продвигаться с невероятной быстротой. Нетерпеливая королева уже не раз расхаживала по частоколам, которые белеют в темноте; и как только первый ряд жилищ завершен, она вступает во владение со своим эскортом советников, опекунов или слуг — ибо мы не знаем, руководит ли она или ее ведут, почитают ли ее или за ней присматривают. Когда достигнуто место, которое она или ее настойчивые советники могут счесть благоприятным, она выгибает спину, наклоняется вперед и засовывает конец своего длинного веретенообразного брюшка в одну из ячеек; маленькие нетерпеливые головки ее сопровождения тем временем образуют вокруг нее страстный круг, наблюдая за ней своими огромными черными глазами, поддерживая ее, лаская ее крылья и размахивая своими лихорадочными усиками, как бы поощряя, подстрекательствуя или поздравляя. Вы можете легко определить место, где будет находиться королева, по своего рода звездчатой кокарде или овальной броши, возможно, такого же внушительного вида, какие носили наши бабушки, центральный камень которой она образует. И здесь можно упомянуть любопытный факт, что рабочие всегда избегают поворачиваться спиной к королеве. Как только она приближается к группе, они неизменно выстраиваются так, чтобы смотреть на нее глазами и антеннами, и расхаживают перед ней задом наперед. Это знак уважения или заботы, который, каким бы невероятным это ни казалось, тем не менее постоянен и распространен. Но вернемся к королеве. Во время легкого спазма, который явно сопровождает выброс яйцеклетки, одна из ее дочерей часто обнимает ее и, кажется, что-то шепчет ей, прижимаясь лбом ко лбу и ртом ко рту. Но королева, несколько не обеспокоенная этой несколько смелой демонстрацией, не торопится, спокойно, безмятежно, всецело поглощенная миссией, которая показалась бы ей любовным наслаждением, а не трудом. И через несколько секунд она очень тихо встанет, сделает шаг назад, слегка повернется на себя и перейдет в следующую камеру, в которую она сначала, прежде чем ввести свой живот, опустит голову, чтобы убедиться, что все в порядке и что она не откладывает дважды в одну и ту же камеру; а тем временем двое или трое из ее сопровождающих войдут в камеру, которую она покинула, чтобы посмотреть, должным ли образом выполнена работа, и позаботиться о маленьком голубоватом яйце, которое она снесла, и нежно приютить его.

С этого момента и до первых осенних заморозков она не перестает откладывать яйца; она кладет, пока ее кормят, и даже во сне, если она вообще спит, она продолжает лежать. Отныне она олицетворяет всепожирающую силу будущего, которая вторгается в каждый уголок королевства. Шаг за шагом она преследует несчастных работников, которые изнуренно, лихорадочно возводят колыбели, которых требует ее плодовитость. Здесь мы имеем дело с союзом двух могущественных инстинктов; и их работа проливает свет на многие загадки улья, хотя и оставляет их неразрешенными.

Случится, например, так, что работницы отдалятся от нее и получат определенный старт; после чего, помня о своих обязанностях заботливых хозяек - позаботиться о грядущих плохих днях, они поспешат наполнить медом соты, которые они вырвали у алчного вида. Но приближается королева; материальное богатство должно уступить место плану природы; и отвлеченные работники вынуждены со всей скоростью убирать назойливое сокровище.

Но предположим, что они продвинулись на целую гребенку вперед и что перед ними больше нет той, кто олицетворяет тиранию дней, которую они никто из них не увидит; тогда мы обнаруживаем, что они нетерпеливо, поспешно строят зону больших клеток, клеток для самцов; строительство которых намного проще и гораздо быстрее. Когда королева, в свою очередь, достигнет этой неблагодарной зоны, она с сожалением отложит там несколько яиц, затем остановится, выйдет за ее пределы и будет требовать новых рабочих ячеек. Ее дочери повинуются; мало-помалу они уменьшают количество ячеек; и тогда преследование начинается заново, пока, наконец, ненасытная мать не обойдет всю окружность улья и не вернется к первым ячейкам. Они к этому времени опустеют; ибо первое поколение вступит в жизнь, чтобы вскоре выйти из своего тенистого уголка, где они родились, рассеяться по соседним цветам, наполнить лучами солнца и оживить часы улыбки; а затем, в свою очередь, пожертвовать собой новым поколениям, которые уже занимают их место в колыбелях.

{62}

А кому подчиняется пчелиная матка? Ею управляет пища, которую ей дают; ибо она не ест сама, но ее кормят, как ребенка, те самые работники, которых изводит ее плодовитость. И еда, которую раздают эти работники, прекрасно сочетается с обилием цветов, с добычей, приносимой теми, кто посещает чашечки. Таким образом, здесь, как и везде в мире, одна часть круга окутана тьмой; здесь, как и везде, высший порядок исходит извне, от неведомой силы; и пчелы, как и мы, подчиняются безымянному повелителю колеса, которое непрерывно вращается само по себе и сокрушает волю, приведшую его в движение.

Некоторое время назад я привел друга в один из моих стеклянных ульев и показал ему движение этого колеса, которое было так же легко уловимо, как большое колесо часов; показал ему во всей его неприкрытости всеобщее волнение на каждой соте, постоянную, неистовую, сбитую с толку спешку няnek вокруг выводковых клеток; живые мостки и лесенки, сделанные мастерами по изготовлению воска, бурную, непрерывную активность всего населения и их безжалостные, бесполезные усилия; пылких, лихорадочных няnek. приход и уход всех, общее отсутствие сна, кроме как в одних колыбелях, вокруг которых постоянно дежурили рабочие; отказ даже от покоя смерти в доме, который не допускает болезней и не устраивает могилы; и мой друг, перестав удивляться, вскоре отвел глаза, и в них я мог прочесть признаки не знаю какого опечаленного страха.

И действительно, за радостью, которую мы в первую очередь замечаем в улье, за ослепительными воспоминаниями о прекрасных днях, которые делают его хранилищем самых драгоценных летних драгоценностей, за блаженными путешествиями, которые привязывают его так близко к цветам и бегущей воде, к небу, к мирному изобилию всего, что создает красоту и счастье, — за всеми этими внешними радостями скрывается печаль, настолько глубокая, насколько может видеть человеческий глаз. И мы, которые смутно взираем на эти вещи своими собственными слепыми глазами, мы прекрасно знаем, что не их одних мы стремимся увидеть, не их одних мы не можем понять, но что перед нами лежит жалкая форма великой силы, которая оживляет и нас.

Пусть это будет печально, как печально все в природе, когда наш взгляд слишком пристально останавливается на них. И так будет всегда, пока мы не узнаем ее секрета, не знаем даже, существует ли он на самом деле. И если мы когда-нибудь обнаружим, что секрета нет или что секрет чудовищен, тогда возникнут другие обязанности, которым, возможно, пока нет названия. Пусть наше сердце, если оно пожелает, тем временем повторяет: "Это печально", но пусть наш разум удовлетворится добавлением: "Так оно и есть". В настоящий момент наш долг состоит в том, чтобы найти то, что, возможно, скрывается за этими печалью; и, побуждаемые этим усилием, мы не должны отводить глаза, но постоянно, пристально наблюдать за этими печалью и изучать их с мужеством и интересом, столь же острыми, как если бы они были радостями. Правильно, что прежде чем судить природу, прежде чем жаловаться, мы должны, по крайней мере, задать все вопросы, которые только можем задать.

{63}

Мы видели, что рабочие, когда они на мгновение свободны от угрожающей плодовитости королевы, спешат возвести клетки для хранения провизии, конструкция которых более экономична и вместимость больше. Мы также видели, что королева предпочитает лежать в клетках поменьше, о чем она постоянно требует. Однако, когда их не хватает или пока они не будут предоставлены, она смиряется с тем, что откладывает яйца в большие ячейки, которые находит по дороге.

Эти яйца, хотя и абсолютно идентичны тем, из которых вылупляются рабочие, дадут жизнь самцам, или трутням. Теперь, в противоположность тому, что происходит, когда рабочую особь превращают в матку, здесь ни форма, ни вместимость клетки не вызывают этого изменения; ибо из яйцеклетки, отложенной в большой клетке и впоследствии перенесенной в рабочую (наиболее сложная операция из-за микроскопических размеров и чрезвычайной хрупкости яйцеклетки, но я успешно выполнял ее четыре или пять раз), получится несомненный самец, хотя и более или менее атрофированный. Следовательно, из этого следует, что матка должна обладать способностью во время откладывания знать или определять пол яйца и приспособлять его к ячейке, над которой она склоняется. Она редко совершает ошибку. Как ей удастся из мириад яйцеклеток, содержащихся в ее яичниках, отделять мужские от женских и опускать их по желанию в уникальный яйцевод?

Здесь, в очередной раз, перед нами предстает загадка улья; и в данном случае одна из самых непостижимых. Мы знаем, что королева-девственница не стерильна; но из яиц, которые она откладывает, получаются только самцы. Только после оплодотворения брачной стаей она может производить рабочих или трутней по своему желанию. Брачный полет оставляет ее навсегда, до самой смерти, обладательницей сперматозоидов, вырванных из ее несчастного

возлюбленного. Эти сперматозоиды, количество которых доктор Лейкарт оценивает в двадцать пять миллионов, сохраняются живыми в особой железе, известной как сперматека, которая расположена под яичниками, у входа в общий яйцевод. Предполагается, что узкое отверстие меньших клеток и то, каким образом форма этого отверстия вынуждает матку наклоняться вперед, оказывают определенное давление на сперматеку, вследствие чего сперматозоиды выходят наружу и оплодотворяют яйцеклетку по мере ее прохождения. В крупных клетках такого давления не было бы, и, следовательно, сперматека не открылась бы. Другие, опять же, верят, что королева в совершенстве контролирует мышцы, которые открывают и закрывают сперматеку во влагалище; и эти мышцы, безусловно, очень многочисленны, сложны и мощны. Что касается меня, то я склоняюсь ко второй из этих гипотез, хотя я ни на минуту не претендую на то, чтобы решить, какая из них более правильная; ибо в самом деле, чем дальше мы заходим и чем пристальнее изучаем, тем яснее становится для нас, что мы просто беспризорники, потерпевшие кораблекрушение в океане природы; и время от времени из внезапной волны, которая должна быть более прозрачной, чем другие, выскакивает факт, который в одно мгновение путает все, что мы, как нам казалось, знали. Но причина, по которой я отдаю предпочтение второй теории, заключается в том, что, во-первых, эксперименты пчеловода из Бордо М. Дрори показали, что в случаях, когда из улья удалены все крупные ячейки, мать, не колеблясь, когда наступит момент откладывания яиц самцами, поместит их в рабочие ячейки; и что, наоборот, она отложит рабочие яйца в ячейки, предназначенные для самцов, если в ее распоряжении нет других. И, далее, мы узнаем из интересных наблюдений М. Фабра над *Osmiae*, дикими и олитарийными пчелами семейства *Gastrilegidae*, что *Osmia* не только заранее знает пол яйца, которое она снесет, но и что этот пол "необязателен для матери, которая выбирает его в соответствии с пространством, которым она располагает; это пространство часто определяется случайностью и не подлежит изменению; и она отложит мужское яйцо здесь, а женское там". Я не буду вдаваться в подробности экспериментов великого французского энтомолога, поскольку они чрезвычайно подробны и завели бы нас слишком далеко. Но какую бы гипотезу мы ни предпочли принять, любая из них послужит объяснением склонности королевы откладывать яйца в рабочие клетки, без необходимости приписывать ей малейшую заботу о будущем.

Не исключено, что эта мать-рабыня, которую мы склонны жалеть, действительно может быть великой влюбленной, великой сладострастницей, получающей определенное удовольствие, так сказать, послевкусие от своего единственного брачного полета, от союза мужского и женского начал, который таким образом происходит в ее существе. И здесь природа, никогда еще столь изобретательная, столь коварно предусмотрительная и разнообразная, как при расставлении своих любовных ловушек, не преминула бы предоставить определенное удовольствие в качестве приманки в интересах вида. И все же давайте на мгновение остановимся и не будем обманываться в нашем собственном объяснении. Ибо в самом деле, приписывать идею такого рода природе и считать это достаточным - все равно что бросать камень в бездонную пропасть, которую мы можем обнаружить в глубинах грота, и воображать, что звуки, которые он издает при падении, ответят на каждый наш вопрос или откроют нам что-то помимо необъятности бездны.

Когда мы говорим себе: "Это изобретение природы; она предопределила это чудо; таковы ее желания, которые мы видим перед собой!" факт заключается просто в том, что наше особое внимание было привлечено к какому-то крошечному проявлению жизни на безграничной поверхности материи, которое мы считаем бездействующим и предпочитаем описывать, с

очевидной неточностью, как ничто и смерть. Чисто случайная цепь событий позволила этому особому явлению привлечь наше внимание; но тысячи других, возможно, не менее интересных и не менее разумно информированных, исчезли, не встретив подобной удачи, и навсегда потеряли шанс вызвать наше удивление. Было бы опрометчиво утверждать что-либо помимо этого; и все, что остается, наши размышления, наш упорный поиск конечной причины, наше восхищение и надежды — все это, по правде говоря, не более чем наш слабый крик, когда в глубинах неизвестного мы сталкиваемся с тем, что еще более непознаваемо; и этот слабый крик провозглашает высшую степень индивидуального существования, достижимую для нас на этой безмолвной и непроницаемой поверхности, подобно тому, как полет кондора, песня соловья открывают им высшую степень существования, которую допускает их вид. Но призывать к этому слабому крику всякий раз, когда представляется возможность, тем не менее, является одной из наших самых несомненных обязанностей; и мы не должны позволять себе расстраиваться из-за его очевидной тщетности.

V — МОЛОДЫЕ КОРОЛЕВЫ

{64}

ЗДЕСЬ давайте закроем наш улей, где мы обнаружим, что жизнь возобновляет свое круговое движение, расширяется и множится, чтобы снова разделиться, как только она достигнет полноты своего счастья и силы; и давайте в последний раз вновь откроем город-мать и посмотрим, что происходит там после ухода роя.

Когда суматоха утихает, несчастный город, который две трети ее детей покинули навсегда, становится слабым, пустым, умирающим, подобно телу, из которого выкачали кровь. Однако осталось несколько тысяч пчел; и они, хотя, возможно, и несколько вялые, все еще непоколебимо верны долгу, возложенному на них судьбой, все еще осознают роль, которую им самим предстоит сыграть; поэтому они возобновляют свои труды, заполняют, насколько это возможно, место ушедших, удаляют все следы оргии, бережно хранят провизию, которая избежала разграбления, снова совершают вылазки к цветам и скрупулезно охраняют заложников будущего.

И несмотря на то, что момент может показаться мрачным, надежда таится повсюду, куда ни глянь. Мы могли бы оказаться в одном из замков немецкой легенды, стены которого состоят из мириад пузырьков, содержащих души людей, которые вот-вот родятся. Ибо мы находимся в обители жизни, которая предшествует жизни. Со всех сторон, спящие в своих плотно закрытых колыбелях, в этом бесконечном наложении чудесных шестигранных ячеек, лежат тысячи нимф, белее молока, которые, скрестив руки и наклонив голову вперед, ожидают часа пробуждения. В своих однообразных гробницах, которые, будучи изолированными, становятся почти прозрачными, они кажутся почти седыми гномами, погруженными в глубокую задумчивость,

или легионами дев, которых исказили складки савана, погребенных в шестиугольных призмах, которые какой-то негиббимый геометр умножил до грани бреда.

По всей площади, которую окружают вертикальные стены, и посреди этого растущего мира, который так скоро преобразится, который четыре или пять раз подряд облачится в новые одежды, а затем в тени будет плести свое собственное полотно, сотни работников танцуют и хлопают крыльями. Таким образом, они, по-видимому, вырабатывают необходимое тепло и достигают какой-то другой цели, помимо еще более неясной; ибо этот их танец содержит несколько необычных движений, продуманных настолько методично, что они должны безошибочно соответствовать какой-то цели, которую, я полагаю, еще не смог предугадать ни один наблюдатель.

Еще несколько дней, и крышки этих бесчисленных урн, которых в большом улье может быть от шестидесяти до восьмидесяти тысяч, откроются, и появятся два больших и серьезных черных глаза, увенчанных усиками, которые уже пробиваются к жизни, в то время как активные челюсти деловито расширяют отверстие изнутри. Тотчас же прибегают медсестры; они помогают молодой пчеле выбраться из ее тюрьмы, чистят ее и расчесывают щеткой, а на кончике языка преподносят первый мед новой жизни. Но пчела, прилетевшая из другого мира, все еще сбита с толку, дрожащая и бледная; у нее немощный вид маленького старичка, который, возможно, выбрался из своей могилы, или, возможно, путника, покрытого пылью путей, ведущих к жизни. Однако она совершенна с головы до ног; она сразу знает все, что должно быть известно; и, подобно детям народа, которые как бы при рождении узнают, что у них никогда не будет времени играть или смеяться, она немедленно направляется к закрытым камерам и начинает хлопать крыльями и танцевать в ритме, чтобы, в свою очередь, оживить своих похороненных сестер; она ни на мгновение не останавливается, чтобы разгадать поразительную загадку своей судьбы или своей расы.

{65}

Однако поначалу она будет избавлена от самых тяжелых работ. Должна пройти неделя со дня ее рождения, прежде чем она покинет улей; тогда она совершит свой первый "очистительный полет" и впитает воздух в свои трахеи, которые, наполняясь, расширяют ее тело и провозглашают ее невестой космоса. После этого она возвращается в улей и ждет еще неделю; а затем, когда ее сестры родятся в один день с ней, она впервые отправится навестить цветы. Теперь ею овладеет особое чувство, которое французские пасечники называют "солей искусства", но которое, возможно, правильнее было бы назвать "солнцем беспокойства". Ибо очевидно, что пчелы боятся, что эти дочери толпы, уединенной тьмы, уклоняются от голубого свода, от бесконечного одиночества света; и их радость прерывиста и соткана из ужаса. Они переступают порог и останавливаются; они уходят, они возвращаются, двадцать раз. Они парят в воздухе, их головы упорно повернуты к дому; они описывают огромные парящие круги, которые внезапно опускаются под тяжестью сожаления; и их тринадцать тысяч глаз будут вопрошать, отражать и удерживать деревья и фонтан, ворота и стены, соседние окна и дома, пока, наконец, воздушный курс, по которому они вернутся, не запечатлется в их памяти так неизгладимо, как если бы он был отмечен в пространстве двумя стальными линиями.

{66}

Здесь перед нами предстает новая тайна, которой мы хорошо сделаем, если бросим вызов; ибо, хотя она и не дает ответа, ее молчание все равно расширит поле нашего сознательного невежества, которое является самым плодородным из всего, что известно нашей деятельности. Как пчелы ухитряются находить дорогу обратно в улей, который они, возможно, не видят, который, возможно, скрыт деревьями, который в любом случае должен образовывать незаметную точку в пространстве? Как получается, что если их отвезти в коробке в место, расположенное в двух или трех милях от их дома, им почти всегда удастся найти дорогу обратно?

Не являются ли препятствия препятствием для их зрения; ориентируются ли они сами по определенным указаниям и ориентирам; или же они обладают тем особым, недостаточно понятным чувством, которое мы приписываем, например, ласточкам и голубям и называем "чувством направления"? Эксперименты Дж. Х. Фабра, Лаббока и, прежде всего, Романеса (Nature, 29 октября 1886 г.), по-видимому, показывают, что ими руководит не этот странный инстинкт. С другой стороны, я не раз замечал, что они, по-видимому, не обращают никакого внимания на цвет или форму улья. Их привлекает скорее обычный вид платформы, на которой стоит их дом, расположение входа и доски для высадки. Но даже это лишь вспомогательное средство; если бы передняя часть улья была изменена сверху донизу во время отсутствия рабочих, они все равно без колебаний направили бы к нему свой курс из дальних глубингоризонта; и только столкнувшись с неузнаваемым порогом, они, казалось бы, на мгновение остановились. Такие эксперименты, которые находятся в нашей компетенции, указывают скорее на то, что они руководствуются необычайно точной оценкой ориентиров. Кажется, они запоминают не улей, а его положение, рассчитанное до мельчайших деталей, по отношению к соседним объектам. И так чудесна эта оценка, так математически достоверна, так глубоко запечатлелась в их памяти, что если после пятимесячной спячки в каком-нибудь темном подвале улей, возвращенный на платформу, будет установлен немного правее или левее его прежнего положения, все рабочие, вернувшись после сбора первых цветов, безошибочно направят свой прямой и непоколебимый курс именно на то место, которое он занимал в прошлом году; и только после некоторого колебания и ощупывания они обнаружат дверь, которая стоит не там, где раньше. Как будто космос всю зиму бережно сохранял неизгладимый след их полета: как будто отпечаток их крошечных, кропотливых шагов все еще был выгравирован в небе.

Следовательно, если переместить улей, многие пчелы собьются с пути; за исключением случая, когда их отнесло далеко от их прежнего дома и они обнаружили полностью преобразившуюся местность, которую они прекрасно узнали в радиусе двух-трех миль; ибо тогда, если позаботиться о том, чтобы предупредить их с помощью небольшого трапа, соединяющегося с посадочной доской, у входа в улей, что произошли какие-то изменения, они сразу же отправятся искать новые ориентиры.

{67}

А теперь давайте вернемся в город, который вновь заселяется, где постоянно открываются мириады люлек, и даже кажется, что прочные стены движутся. Но этому городу по-прежнему не хватает королевы. Семь или восемь любопытных структур поднимаются из центра одной из гребенок и напоминают нам, разбросанные по поверхности обычных ячеек, круги и выпуклости, которые кажутся такими странными на фотографиях Луны. Они представляют собой

разновидность капсулы, изготовленной из сморщенного воска или наклонных желез, герметично закрытой, которая заполняет место трех или четырех рабочих ячеек. Как правило, они группируются вокруг одной и той же точки; и многочисленная охрана с особой бдительностью и беспокойством следит за этим районом, который, кажется, пользуется неописуемым авторитетом. Именно здесь формируются матери. В каждую из этих капсул, прежде чем рой улетит, мать будет помещено яйцо или, что более вероятно, — хотя на этот счет у нас нет точных сведений, — одним из рабочих; яйцо, которое она возьмет из какой-нибудь соседней ячейки и которое абсолютно идентично тем, из которых вылупляются рабочие.

Через три дня из этого яйца выйдет маленькая личинка, получающая особое и очень обильное питание; и с этого момента мы можем шаг за шагом следить за действиями одного из тех великолепно вульгарных методов природы, которым, если бы мы имели дело с людьми, мы дали бы величественное название фатальности. Маленькая личинка, благодаря такому режиму, получает исключительное развитие; и в ее идеях, не в меньшей степени, чем в ее теле, происходят столь значительные изменения, что пчела, которую она произведет на свет, может почти принадлежать к совершенно другой расе насекомых.

Четыре или пять лет будут периодом ее жизни, вместо шести или семи недель обычной работницы. Ее брюшко будет в два раза длиннее, цвет более золотистый и чистый; ее жало будет изогнутым, а в ее глазах будет семь или восемь тысяч граней вместо двенадцати или тринадцатитысяч. Ее мозг будет меньше, но она будет обладать огромными яичниками и, кроме того, особым органом - сперматеккой, что сделает ее почти гермафродитом. Ей не будет принадлежать ни один из инстинктов, связанных с тяжелой жизнью; у нее не будет ни щеток, ни кармашков для выделения воска, ни корзинок для сбора пыльцы. Привычки, страсти, которые мы считаем присущими пчеле, - всего этого ей будет не доставать. Она не будет жаждать воздуха или солнечного света; она умрет, даже ни разу не попробовав цветок. Ее существование пройдет в тени, посреди беспокойной толпы; ее единственное занятие - неутолимый поиск колыбели, которую она должна заполнить. С другой стороны, она одна познает беспокойство любви. Возможно, даже дважды в своей жизни она не взглянет на свет, ибо отлет роя ни в коем случае не неизбежен; возможно, только один раз она воспользуется своими крыльями, но тогда это будет полет к своему возлюбленному. Странно видеть, как так много вещей — органы, идеи, желания, привычки, целая судьба — зависят не от зародыша, который был обычным чудом для растения, животного и человека, а от любопытной инертной субстанции: капли меда.*

В настоящее время общепризнано, что рабочие особи и королевы после вылупления из яйца получают одинаковое питание - разновидность молока, очень богатого азотом, которое выделяет специальная железа в голове кормилицы. Но через несколько дней рабочих личинок отнимают от груди и переводят на более грубую диету, состоящую из меда и пыльцы; тогда как будущая королева, пока она не станет полностью развит, обильно питается драгоценным молоком, известным как "маточное молочко".

С момента отъезда старой королевы прошло около недели. Королевские нимфы, спящие в капсулах, не все одинакового возраста, поскольку в интересах пчел, чтобы роды были четко распределены и происходили через равные промежутки времени, в соответствии с их возможным желанием иметь второй рой, третий или даже четвертый. Рабочие уже несколько часов активно истончают стенки самой зрелой клетки, в то время как молодая королева изнутри одновременно грызет округлую крышку своей тюрьмы. И вот, наконец, появляется ее голова; она вытягивается вперед; и с помощью опекунов, которые нетерпеливо спешат к ней, расчесывают ее, ласкают и моют, она полностью высвобождается и делает свои первые шаги по расческе. В момент рождения она тоже, как и работницы, дрожит и бледна, но минут через десять или около того ее ноги становятся сильнее, и ею овладевает странное беспокойство; она чувствует, что она не одна, что ее царство еще предстоит завоевать, что поблизости прячутся претенденты; и она нетерпеливо расхаживает по восковым стенам в поисках своих соперниц. Но здесь вмешиваются таинственные решения и мудрость инстинкта, духа улья или собрания рабочих. Самой удивительной чертой всего этого, когда мы наблюдаем за происходящим перед нами в стеклянном улье, является полное отсутствие колебаний, малейшего расхождения во мнениях. Здесь нет и следа дискуссий или разногласий. Атмосфера города - это атмосфера абсолютного единодушия, predetermined, которая царит над всеми; и кажется, что каждая из пчел заранее знает, что думают ее сестры. И все же этот момент - самый серьезный, самый жизненно важный за всю их историю. Им приходится выбирать между тремя или четырьмя курсами, результаты которых в отдаленном будущем будут совершенно иными; малейшая случайность также может привести к катастрофе. Они должны сочетать размножение видов — что является их страстью или врожденным долгом — с сохранением улья и его обитателей. Время от времени они будут ошибаться; они будут последовательно посылать три или четыре роя, тем самым полностью обнажая метрополию; и эти рои, слишком слабые, чтобы организоваться, возможно, погибнут при приближении зимы, застигнутые врасплох нашим климатом, который сильно отличается от их первоначального климата, о чем пчелы, несмотря ни на что, никогда не забывали. В таких случаях они страдают от так называемой "роевой лихорадки"; состояния, при котором жизнь, как при обычной лихорадке, слишком бурно реагирует на саму себя, проходит мимо своей цели, замыкает круг и обнаруживает только смерть.

{69}

Из всех стоящих перед ними решений нет ни одного, которое казалось бы императивным; и человек, довольствующийся только ролью наблюдателя, не может ни в малейшей степени предсказать, какое из них примут пчелы. Но то, что их выбор обусловлен самым тщательным обдумыванием, доказывается тем фактом, что мы способны влиять на него или даже определять, например, уменьшая или увеличивая пространство, которое мы им предоставляем; или удаляя соты, полные меда, и устанавливая вместо них пустые соты, которые хорошо снабжены рабочими ячейками.

Вопрос, который они должны рассмотреть, заключается не в том, следует ли немедленно запускать второй или третий рой, — ибо, придя к такому решению, они просто слепо и бездумно поддались бы капризу или искушению благоприятного момента, — а в мгновенном, единодушном принятии мер, которые позволят им выпустить второй рой или "заброску" через три или четыре дня после рождения первой королевы, и третий рой через три дня после вылета второго, с этой первой королевой во главе. Следовательно, следует признать, что мы

обнаруживаем здесь совершенно обоснованную систему и зрелую комбинацию планов, растянутых на период, действительно значительный по сравнению с краткостью существования пчелы.

Эти меры касаются заботы о юных королевах, которые все еще лежат замурованными в своих восковых тюрьмах. Давайте предположим, что "дух улья" высказался против отправки второго роя. Два варианта все еще остаются открытыми. Пчелы могут позволить первенцу царственных дев, тому, чье рождение мы засвидетельствовали, уничтожить своих сестер-врагов; или они могут предпочесть подождать, пока она не совершит опасную церемонию, известную как "брачный полет", от которой зависит будущее нации. Немедленная резня будет часто санкционироваться и часто отклоняться; но в последнем случае нам, конечно, нелегко определить, вызвано ли решение пчел желанием создать второй рой или их осознанием опасностей, сопутствующих брачному полету; ибо иногда случается, что из-за неожиданно ухудшающейся погоды или по какой-то другой причине, которую мы не можем предугадать, они внезапно меняют свое мнение, отказываются от установленного ими состава и уничтожают королевское потомство, которое они так тщательно сохраняли. Но в настоящее время мы предположим, что они решили обойтись без второго роя и что они принимают на себя риск брачного полета. Наша юная королева спешит к большим колыбелям, побуждаемая своим великим желанием, и стражники расступаются перед ней. Прислушиваясь только к своей яростной ревности, она бросится на первую попавшуюся клетку, в бешенстве содерет зубами и когтями воск, сорвет кокон, которым устлана клетка, и лишит спящую принцессу всякого покрова. Если ее соперницу уже можно узнать, королева поворачивается так, чтобы ее жало могло войти в капсулу, и яростно колет ее своим ядовитым оружием до тех пор, пока жертва не погибнет. Тогда она становится спокойнее, умиротворенная смертью, которая кладет конец ненависти любого существа; она вытаскивает свое жало, спешит к соседней камере, нападает на нее и открывает, проходя мимо, если находит в ней только несовершенную личинку или нимфу; и она не останавливается, пока, наконец, измученная и запыхавшаяся, ее когти и зубы безвредно не скользят по восковым стенам.

Пчелы, которые окружают ее, спокойно наблюдали за ее яростью, стояли в стороне, бездействуя, двигаясь только для того, чтобы расчистить ей путь; но как только ячейка была пробита и опустошена, они жадно слетаются к ней, вытаскивают труп изнасилованной нимфы или все еще живую личинку и выбрасывают их из улья, после чего насыщаются драгоценным маточным молочком, прилипшим к стенкам ячейки. И, наконец, когда королева станет слишком слабой, чтобы упорствовать в своей страсти, они сами завершат истребление невинных; и суверенная раса вместе с их жилищами исчезнет.

Это ужасный час для улья; единственный случай, если не считать более оправданной казни трутней, когда рабочие терпят разлад и смерть среди себя; и здесь, как это часто бывает в природе, именно любимцы привлекают к себе самые необычные стрелы насильственной смерти.

Иногда случается, что две королевы вылупляются одновременно, однако это случается редко, поскольку пчелы проявляют особую осторожность, чтобы предотвратить это. Но всякий раз, когда это все-таки произойдет, смертельная схватка начнется в тот момент, когда они выйдут из своих колыбелей; и в этом бою Хубер был первым, кто заметил необычную особенность. Каждый раз может показаться, что королевы в своих пассах обнажают свои хитриновые кирасы друг

перед другом таким образом, что обнажение жала окажется обоюдно фатальным; можно почти поверить, что подобно тому, как бог или богиня обычно вмешивались в сражения "Илиады", так и здесь вмешивается бог или богиня, возможно, божество расы; и два воина, охваченные одновременным ужасом, разделяются и улетают, чтобы вскоре встретиться и снова разойтись, если двойная катастрофа снова будет угрожать будущему их народа; пока, наконец, последней из них удастся застать врасплох свою более неуклюжую или менее осторожную соперницу и убить ее без риска для себя. Ибо закон расы требовал только одной жертвы.

Таким образом, колыбели были разрушены, а все соперницы убиты, и молодая королева принята своим народом; но она не будет по-настоящему править ими, и с ней не будут обращаться так, как обращались с ее матерью до нее, пока не совершится брачный полет; ибо до тех пор, пока она не забеременеет, пчелы будут лишь слегка обнимать ее и оказывать самое мимолетное почтение. Однако ее история редко бывает такой безоблачной, как эта, поскольку пчелы не часто отказываются от своего желания создать второй рой. В этом случае, как и прежде, исполненная тех же желаний, королева приблизится к королевским камерам; но вместо встречи с послушными слугами, поддерживающими ее усилия, она обнаружит, что ее путь преграждает многочисленная и враждебная охрана. В ярости, подгоняемая навязчивой идеей, она попытается пробиться сквозь толпу или обойти их с фланга; но повсюду расставлены часовые для защиты спящих принцесс. Она упорствует, она возвращается к обвинению, но получает отпор со все возрастающей суровостью, с ней даже обращаются несколько грубо, пока, наконец, она не начинает смутно понимать, что эти маленькие негибаемые работники отстаивают закон, перед которым этот закон должен подчиняться, что вдохновляет ее.

И, наконец, она уходит и бродит от соты к соте, ее неудовлетворенный гнев находит выход в боевой песне или гневной жалобе, знакомой каждому пчеловоду; она чем-то напоминает звук далекой серебряной трубы; настолько сильный в своей страстной слабости, что его отчетливо слышно, особенно вечером, в двух-трех ярдах от двойных стен самого тщательно закрытого улья.

На рабочих этот царственный клич оказывает магическое действие. Это пугает их, это вызывает своего рода почтительное оцепенение; и когда королева распространяет его, останавливаясь перед камерами, в которые ей запрещено входить, стражи, которые только что толкали ее, отталкивая назад, сразу же прекратят и будут ждать, склонив головы, пока крик не перестанет раздаваться. Действительно, некоторые полагают, что именно благодаря престижности этого крика, которому подражает Сфинкс Атропос, Сфинкс Атропос может проникать в улей и насыщаться медом без малейшего вмешательства со стороны пчел.

В течение двух или трех дней, иногда даже пяти, будет звучать этот возмущенный плач, этот вызов, который королева адресует своим хорошо защищенным соперницам. И по мере того, как они, в свою очередь, развиваются, в свою очередь, начинают стремиться увидеть свет, они тоже принимаются грызть крышки своих камер. Теперь республике, по-видимому, угрожает серьезный беспорядок. Но гений улья в то время, когда он принимал свое решение, был способен предсказать все последствия, которые могли последовать; и стражи получили свои инструкции: они точно знают, что нужно делать, час за часом, чтобы отразить атаки заглушенного инстинкта и привести две противоположные силы к успешному исходу. Они прекрасно понимают, что если юным королевам, которые сейчас жаждут рождения, удастся сбежать, они попадут в руки своей старшей сестры, к тому времени уже неотразимой, которая

уничтожит их одну за другой. Поэтому рабочие будут накладывать новые слои воска по мере того, как узница будет изнутри разрушать стены своей башни; и нетерпеливая принцесса будет пылко упорствовать в своей работе, почти не подозревая, что ей приходится иметь дело с заколдованным препятствием, которое все время поднимается заново из своих руин. Она слышит боевой клич своей соперницы; и уже осознав свой королевский долг и предназначение, хотя она еще не смотрела на жизнь и не знает, что такое улей, она отвечает на вызов из глубин своей тюрьмы. Но ее крик другой; он сдавленный и гулкий, потому что должен проникать сквозь стены гробницы; и когда наступает ночь, и шумы стихают, и высоко над всем царит звездное безмолвие, пасечник, приближающийся к этим чудесным городам и вопрошающе стоящий у их входа, узнает и понимает диалог, который происходит между странствующей королевой и девственницами в тюрьме.

{72}

Однако юным принцессам это длительное затворничество приносит материальную пользу, ибо, когда они наконец выходят на свободу, они становятся зрелыми, энергичными и способны летать. Но за этот период ожидания сила первой королевы также возросла, и теперь ее достаточно, чтобы она могла противостоять опасностям путешествия. Таким образом, настало время для отлета второго роя, или "слепка", во главе которого стоит первенец маток. Как только она уйдет, рабочие, оставшиеся в улье, освободят одного из пленников; и она будет проявлять те же кровожадные желания, испускать те же гневные крики, пока, наконец, через три или четыре дня она в свою очередь не покинет улей во главе третьего роя; и так последовательно, в случае "роевой лихорадки", пока материнский город не будет полностью истощен.

Сваммердам ссылается на улей, который благодаря своим роям и скоплениям своих роев смог за один сезон основать не менее тридцати колоний.

Такое необычайное размножение особенно заметно после катастрофических зим; и можно почти поверить, что пчелы, всегда находящиеся в контакте с тайными желаниями природы, осознают опасности, угрожающие их расе. Но в обычное время эта лихорадка редко возникает в сильном и хорошо управляемом улье. Многие из них роятся только один раз, а некоторые и вовсе не роятся.

После второго роя пчелы, как правило, отказываются от дальнейшего деления, вследствие либо того, что они заметили чрезмерную слабость своего собственного поголовья, либо того, что угрожающее небо побуждает их к осторожности. В этом случае они позволяют третьей королеве забить пленных; обычная жизнь сразу же возобновится и будет вестись с еще большим рвением по той причине, что все рабочие очень молоды, что улей обезлюдел и обнищал, и что до прихода зимы необходимо заполнить огромные пустоты.

{73}

Отлет второго и третьего роев похож на отлет первого, и условия идентичны, за исключением того, что пчел меньше, они менее осмотрительны и им не хватает разведчиков; а также того, что молодая и девственная матка, будучи необремененной и пылкой, улетит гораздо дальше и на первой стадии уведет рой на значительное расстояние от улья. Поведение этих второй и третьей миграций будет гораздо более опрометчивым, а их будущее - более проблематичным. Королева во главе с ними, представительница будущего, еще не забеременела. Вся их судьба зависит от последующего брачного полета. Пролетевшая мимо птица, несколько капель дождя, ошибка,

холодный ветер — любое из них может привести к непоправимой катастрофе. Пчелы настолько хорошо знают об этом, что, когда молодая королева отправляется на поиски своего возлюбленного, они часто бросают начатую работу, покидают дом дня, который уже дорог им, и всем скопом сопровождают ее, боясь упустить ее из виду, стремясь, тесно окружив ее и укрыв под своими мириадами преданных крыльев, затеряться с ней, если любовь заставит ее удалиться так далеко от улья, что пока еще незнакомая дорога возвращения станет размытой и ненадежной в каждом воспоминании.

{74}

Но закон будущего настолько силен, что ни одна из этих неопределенностей, ни одна смертельная опасность не заставят дрогнуть ни одну пчелу. Энтузиазм, проявляемый вторым и третьим роями, не меньше, чем у первого. Как только метрополия объявит о своем решении, батальон рабочих соберется вокруг каждой опасной молодой королевы, горя желанием последовать за ее судьбой, сопровождать ее в путешествии, где так много можно потерять и так мало приобрести, кроме желания удовлетворенного инстинкта. Откуда они черпают энергию, которой мы сами никогда не обладаем, благодаря чему они порывают с прошлым, как с врагом? Кто это выбирает из толпы тех, кто уйдет, и объявляет, кто останется? Нет особого класса, отделяющего тех, кто остается, от тех, кто скитается за границей; здесь будут младшие, а там — старшие; вокруг каждой королевы, которая никогда не вернется, ветераны-собиратели теснятся крошечные работники, которые впервые столкнутся с головокружением от синевы. Пропорциональная сила роя также не контролируется случайностью, сиюминутным унынием или проявлением инстинкта, мысли или чувства. Я не раз пытался установить связь между количеством пчел, составляющих рой, и числом тех, кто остается; и хотя трудности этого расчета таковы, что не позволяют достичь какой—либо математической точности, я, по крайней мере, смог сделать вывод, что это соотношение — если мы примем во внимание выводковые ячейки, или, другими словами, предстоящие рождения — достаточно постоянное, чтобы указать на действительный и таинственный расчет со стороны гения улья.

{75}

Мы не будем следить за этими стаями в их многочисленных и часто самых сложных приключениях. Иногда два роя объединяют свои силы; в других случаях две или три заключенные королевы воспользуются неразберихой, царящей в момент вылета, чтобы ускользнуть от бдительности своих опекунов и присоединиться к формирующимся группам. Иногда также одна из молодых маток, оказавшись в окружении самцов, вызывает оплодотворение во время роевого полета, а затем утаскивает всех своих соплеменников на необычайную высоту и расстояние. В практике пчеловодства эти вторичные и третичные рои всегда возвращаются в материнский улей. Королевы встретятся на гребне; рабочие соберутся вокруг и будут наблюдать за их битвой; и, когда более сильный победит более слабого, они тогда, в своем рвении к работе и ненависти к беспорядку, выгонят трупы, закроют дверь перед насилием будущего, забудут прошлое, вернуться в свои камеры и возобновят свой мирный путь к цветам, которые их ждут.

{76}

Теперь, чтобы упростить дело, мы вернемся к королеве, которой пчелы позволили убить своих сестер, и продолжим рассказ о ее приключениях. Как я уже говорил, эту резню часто

предотвращают и часто санкционируют, временами даже тогда, когда пчелы явно не намерены выпускать второй рой; ибо мы замечаем такое же разнообразие политических настроений в разных ульях пасеки, как и в разных человеческих нациях континента. Но ясно, что пчелы поступят неосмотрительно, дав свое согласие; ибо, если матка умрет или сойдет с пути во время брачного полета, занять ее место будет невозможно, поскольку личинки рабочих уже достигли возраста, когда они восприимчивы к королевскому превращению. Давайте предположим, однако, что была совершена неосторожность; и вот наша перворожденная, следовательно, уникальная правительница, признанная таковой в духе своего народа. Но она все еще девственница. Чтобы стать такой, какой была мать до нее, важно, чтобы она встретила мужчину в течение первых двадцати дней своей жизни. Если событие по какой-либо причине откладывается сверх этого срока, ее девственность становится безвозвратной. И все же мы видели, что она не бесплодна, хотя и девственна. Здесь перед нами предстает великая тайна — или предосторожность — Природы, которая известна как партеногенез и является общей для определенного числа насекомых, таких как тли, чешуекрылые рода *Psuche*, перепончатокрылые семейства *Cynipede* и т.д. Королева-девственница способна откладывать; но из всех яиц, которые она отложит в ячейках, будь то крупные или мелкие, появятся только самцы; и поскольку они никогда не работают, поскольку они живут за счет самок, поскольку они никогда не добывают пищу, кроме как за свой счет, и, как правило, неспособны обеспечить себе пропитание, результатом будет, по истечении нескольких недель, гибель последнего истощенного работника, а колония будет разорена и полностью уничтожена. Мы уже говорили, что королева произведет на свет тысячи трутней, и каждый из них будет обладать миллионами сперматозоидов, из которых невозможно, чтобы хоть один проник в организм матери. Возможно, это не более поразительно, чем тысячи других аналогичных явлений; и, действительно, когда мы рассматриваем эти проблемы, и особенно проблемы поколений, чудесное и неожиданное встает перед нами так постоянно — встречаясь гораздо чаще и, прежде всего, гораздо менее человеческим образом, чем в самых чудесных сказках, — что со временем удивление становится для нас настолько привычным, что мы почти перестаем удивляться. Этот факт, однако, достаточно любопытен, чтобы заслуживать внимания. Но, с другой стороны, как мы можем объяснить себе цель, которую природа может иметь, таким образом поощряя бесполезных трутней за счет работников, которые так необходимы? Боится ли она, что интеллект самок, возможно, побудит их чрезмерно ограничить количество своих паразитов, которые, какими бы разрушительными они ни были, все же необходимы для сохранения расы? Или это просто преувеличенная реакция на несчастье бесплодной королевы? Можем ли мы иметь здесь дело с одной из тех слепых и крайних предосторожностей, которые, игнорируя причину зла, выходят за рамки лекарства и в попытке предотвратить несчастный случай приводят к катастрофе? На самом деле — хотя мы не должны забывать, что естественная, примитивная реальность отличается от нынешней, поскольку в первоначальном лесу колонии вполне могли быть гораздо более разбросанными, чем сегодня, — на самом деле бесплодие королевы редко будет вызвано нехваткой самцов, поскольку их всегда очень много, и они слетаются издалека; скорее, из-за дождя или холода, которые слишком долго удерживали ее в улье, и еще чаще из-за несовершенного состояния ее крыльев, из-за чего она не сможет описать высокий полет в воздухе, который совершают самки. орган самца требует. Природа, однако, не обращая внимания на эти более внутренние причины, так глубоко озабочена размножением самцов, что мы иногда обнаруживаем в ульях, лишенных матерей, двух или трех работниц, одержимых таким сильным желанием сохранить расу, что, несмотря на атрофированные яичники, они все же будут пытаться откладывать; и, поскольку их органы

несколько расширяются под влиянием этого раздраженного чувства, им удастся отложить в ячейки несколько яиц; но из этих яиц, как и из яиц девственной матери, выйдут только самцы.

{77}

Здесь мы наблюдаем активное вмешательство высшей, хотя, возможно, и неосмотрительной воли, которая создает непреодолимые препятствия разумной воле жизни. В мире насекомых такие вмешательства сравнительно часты, и многое можно извлечь из их изучения; поскольку этот мир более густонаселен и более сложен, чем другие, определенные особые желания природы часто более ощутимо раскрываются нам там; и иногда ее можно даже обнаружить в разгар экспериментов, которые мы могли бы почти с уверенностью считать незавершенными. Например, у нее есть одно большое и общее желание, которое она проявляет со всех сторон; улучшение каждого вида через триумф более сильного. Эта борьба, как правило, наиболее тщательно организована. Гекатомба слабых огромна, но это не имеет большого значения, пока награда победителей действительна и несомненна. Но бывают случаи, когда можно почти вообразить, что у природы не было достаточно времени, чтобы распутать свои комбинации; случаи, когда вознаграждение невозможно, а судьба победителя не менее плачевна, чем у побежденного. И поэтому, выбирая экземпляр, который не уведет нас слишком далеко от наших пчел, я не знаю более поразительного экземпляра, чем трионгулины из *Sitaris colletes*. И будет видно, что во многих деталях эта история менее чужда истории человечества, чем можно было бы себе представить.

Эти трионгулины являются первичными личинками паразита, присущего дикой пчеле-одиночке *Colletes* с тупым языком, которая строит свои гнезда в подземных галереях. У них вошло в привычку подстергать пчелу при приближении к этим галереям; и тогда в количестве трех, четырех, пяти, а часто и больше они запрыгивают ей на спину и зарываются в ее волосы. Если бы борьба слабых против сильных происходила в этот момент, то больше нечего было бы сказать, и все шло бы в соответствии со вселенским законом. Но по неизвестной нам причине их инстинкт требует, и, следовательно, природа распорядилась так, что они должны сохранять спокойствие до тех пор, пока остаются на спине пчелы. Они терпеливо выжидают, пока она навещает цветы, сооружает и снабжает продовольствием свои клетки. Но как только снесено яйцо, все они набрасываются на него; и невинная коллетес тщательно опечатывает свою клетку, которую она должным образом снабдила пищей, никогда не подозревая, что в то же время она обеспечила смерть своего потомства.

Едва клетка закрывается, как трионгулины, сгруппировавшиеся вокруг яйцеклетки, вступают в неизбежную и благотворную борьбу естественного отбора. Более сильный и проворный захватит своего противника под кирасой и, подняв его в воздух, будет часами удерживать в своих нижних челюстях, пока жертва не испустит дух. Но пока идет эта битва, другой из трионгулинов, которому либо не приходилось встречаться с соперником, либо он уже победил, завладевает яйцом и раскалывает его. Следовательно, у окончательного победителя есть этот новый враг, которого нужно покорить; но победа дается легко, поскольку трионгулин, поглощенный удовлетворением своего внутриутробного голода, упрямо цепляется за яйцеклетку и даже не пытается защищаться. Его быстро убивают, и другой, наконец, остается один и становится обладателем драгоценного яйца, которое он так удачно отвоевал. Он жадно засовывает голову в отверстие, сделанное его предшественником, и приступает к длительной трапезе, которая превратит его в совершенное насекомое. Но природа, которая

предопределила это суровое сражение, с другой стороны, установила приз за победу с такой скупой точностью, что для питания одного трионгулина не хватит ничего, кроме целого яйца. Так что, как сообщает нам месье Майе, которому мы обязаны отчетом об этих приводящих в замешательство приключениях, нашему победителю не хватает пищи, которую его последняя жертва съела перед смертью; и, неспособный, следовательно, достичь первой стадии своего превращения, он, в свою очередь, умирает, прилипнув к коже яйца или присоединившись в сладкой жидкости к числу утонувших.

{78}

Этот случай, хотя за ним редко следят так пристально, не уникален в естественной истории. Здесь перед нами обнажена борьба между сознательной волей трионгулина, стремящегося жить, и неясной и общей волей природы, которая не только желает, чтобы трионгулин жил, но даже озабочена тем, чтобы его жизнь была улучшена и укреплена до степени, превышающей ту, к которой побуждает его его собственная воля. Но, по какой-то странной случайности, улучшение, навязанное природой, подавляет жизнь даже самых приспособленных, и ситарис Коллетес давно бы исчезла, если бы случай, действуя вопреки желаниям природы, не позволил изолированным индивидуумам избежать превосходного и дальновидного закона, который со всех сторон предписывает торжество более сильного.

Может ли тогда эта могущественная сила ошибаться, которая кажется нам бессознательной, но обязательно мудрой, видя, что жизнь, которую она организует и поддерживает, навсегда доказывает ее правоту? Может ли слабость временами преодолевать тот высший разум, к которому мы склонны прибегать, когда достигаем пределов наших собственных возможностей? И если это так, то кто должен исправить эту слабость?

Но давайте вернемся к той особой форме ее непреодолимого вмешательства, которую мы обнаруживаем в партеногенезе. И нам не мешало бы помнить, что каким бы далеким ни казался мир, в котором перед нами стоят эти проблемы, они действительно касаются нас очень близко. Кто осмелится утверждать, что в сферу человека не происходит никакого вмешательства — вмешательства, которое может быть более скрытым, но не менее чреватым опасностью? А в рассматриваемом нами случае, что, в конце концов, правильно — насекомое или природа? Что произошло бы, если бы пчелы, возможно, более послушные или наделенные более высоким интеллектом, были слишком ясно способны понимать желания природы, и следовать им до крайности; размножать самцов до бесконечности, видя, что природа властно требует самцов? Разве они не стали бы рисковать уничтожением своего вида? Должны ли мы верить, что в природе существуют намерения, которые опасно понимать слишком ясно, фатально следовать им со слишком большим рвением; и что это одно из ее желаний, которое мы не должны предугадывать и следовать всем ее желаниям? Разве не возможно, что в этом может заключаться одна из опасностей человеческой расы? Мы тоже осознаем наличие внутри нас бессознательных сил, которые, по-видимому, требуют обратного тому, к чему призывает наш интеллект. И этот наш интеллект, который, как правило, достиг своей собственной границы, не знает, куда идти, — хорошо ли, что он присоединился к этим силам и добавил к ним свой неожиданный вес?

{79}

Имеем ли мы право заключить из опасностей партеногенеза, что природа не всегда способна соразмерять средства с целью; и что то, что она намеревается сохранить, иногда сохраняется с помощью мер предосторожности, которые ей приходится изобретать вопреки своим собственным мерам предосторожности, и часто из-за внешних обстоятельств, которые она сама не предвидела? Но есть ли что-нибудь, что она действительно предвидит, что-нибудь, что она действительно намерена сохранить? Природа, могут сказать некоторые, - это слово, которым мы облачаем непознаваемое; и мало что дает нам право приписывать ей разум или цель. Это правда. Здесь мы прикасаемся к герметически закрытым сосудам, которые составляют нашу концепцию вселенной. Не желая снова и снова помечать их надписью "НЕИЗВЕСТНЫЙ", которая приводит нас в уныние и вынуждает к молчанию, мы выгравировем на них, в зависимости от их размера и величия, слова "Природа, жизнь, смерть, бесконечность, отбор, дух расы" и многие другие, точно так же, как те, кто был до нас, прикрепляли слова "Бог, Провидение, судьба, награда" и т.д. Пусть будет так, если кто-то пожелает, и не более. Но, хотя содержимое ваз остается неясным, есть польза, по крайней мере, в том факте, что надписи сегодня несут нам меньше угрозы, что поэтому мы можем приблизиться к ним и потрогать их, и приложить к ним уши и слушать со здоровым любопытством.

Но какое бы название мы ни дали этим вазам, несомненно, что по крайней мере одна из них и самая большая — та, что носит на своей боковой стороне название "Природа", — заключает в себе вполне реальную силу, самую реальную из всех, которая способна сохранить огромное и изумительное количество и качество жизни на нашем земном шаре средствами, настолько искусными, что они превосходят все, что мог изобрести человеческий гений. Можно ли поддерживать это количество и качество другими средствами? Обманываем ли мы самих себя, когда воображаем, что видим меры предосторожности там, где, возможно, на самом деле существует не более чем счастливый случай, переживший миллион неудач?

{80}

Может быть, и так; но эти счастливые случайности преподают нам урок восхищения, столь же ценный, как и те, которые мы могли бы усвоить в областях, превосходящих случайности. Если мы позволим нашему взгляду выйти за пределы существ, обладающих проблеском интеллекта и сознания, даже за пределы простейших, которые являются первыми туманными представителями зарождающегося животного царства, мы обнаружим, как это было убедительно доказано экспериментами мистера Х. Дж. Картера, знаменитого микроскописта, что самые низшие зародыши, такие как миксомицеты, проявляют волю, желания и предпочтения; и что инфузории, у которых, по-видимому, вообще нет организма, свидетельствуют об определенной хитрости. Амебы, например, будут терпеливо подстерегать новорожденных ацинет, когда они покинут материнский яичник, сознавая, что у них, должно быть, еще нет ядовитых щупалец. Так вот, у амеб нет ни нервной системы, никаких-либо различных органов. Или, если мы обратимся к растениям, которые, будучи неподвижными, кажутся подверженными любой опасности, — не останавливаясь на рассмотрении плотоядных видов, таких как друзера, которые на самом деле ведут себя как животные, — мы будем поражены гениальностью, которую проявляют некоторые из наших самых скромных цветов, изобретая, что визит пчелы безошибочно обеспечит им перекрестное оплодотворение, в котором они нуждаются. Посмотрите, каким чудесным образом *Orchis Moris*, наша скромная деревенская орхидея, сочетает в себе игру своего лепестка и сетчатки; понаблюдайте за математическим и автоматическим наклоном и прилипанием его поллиний; а также за

безошибочным двойным раскачиванием пыльников дикого шалфея, которые касаются тела посетившего насекомого в определенном месте, чтобы насекомое, в свою очередь, могло коснуться рыльца соседнего цветка в другом определенном месте; понаблюдайте также, в случае *Pedicularis Sylvatica*, за последовательными, рассчитанными движениями его рыльца; и действительно, залет пчелы в любой из этих трех цветков заставляет вибрировать каждый орган, точно так же, как умелый стрелок, попавший в черную точку на мишени, заставляет двигаться все фигурки в сложных механизмах, которые мы видим на наших деревенских ярмарках.

Мы могли бы спуститься еще ниже и показать, как показал Рескин в своей "Этике праха", характер, привычки и хитрости кристаллов; их ссоры и способ действия, когда инородное тело пытается воспротивиться их планам, которые намного древнее, чем может представить наше воображение; способ, которым они принимают врага или отталкивают его, возможную победу более слабого над более сильным, как, например, когда всемогущий кварц подчиняется скромному и коварному эпидоту и позволяет этому последнему победить его; борьбу, иногда ужасную и непредсказуемую. иногда великолепный, нечто среднее между горным хрусталем и железом; регулярное, безупречное расширение и бескомпромиссная чистота одного гиалинового блока, который отвергает все нечистое, и болезненный рост, очевидная безнравственность его собрата, который допускает разложение и жалко корчится в пустоте; также мы могли бы процитировать странные явления рубцевания и реинтеграции кристаллов, упомянутые Клодом Бернаром, и т.д. Но тайна здесь становится слишком чуждой для нас. Давайте сохраним наши цветы, которые являются последним выражением жизни, которая все же имеет некоторое родство с нашей собственной. Мы сейчас имеем дело не с животными или насекомыми, которым мы приписываем особую, разумную волю, благодаря которой они выживают. Мы полагаем, справедливо или ошибочно, что цветы не обладают такой волей; по крайней мере, мы не можем обнаружить в них ни малейшего следа органов, в которых обычно зарождаются и пребывают воля, интеллект и инициатива действий. Отсюда следует, следовательно, что все, что действует в них столь замечательным образом, должно непосредственно происходить из того, что мы в другом месте называем природой. Нас больше не интересует интеллект индивида; здесь мы обнаруживаем бессознательную, неразделенную силу, заманивающую в ловушку другие формы самой себя. Должны ли мы на этом основании отказаться верить, что эти ловушки - чистая случайность, происходящая в соответствии с заведенным порядком, который также является случайным? Мы пока не имеем права на такой вывод. Можно было бы утверждать, что эти цветы, если бы не было этих чудесных сочетаний, не выжили бы, а их место заняли бы другие, которые не нуждались в перекрестном оплодотворении; и несуществование первых не было бы замечено никем, и жизнь, которая вибрирует на земле, не казалась бы нам менее непостижимой, менее разнообразной или менее поразительной.

И все же было бы трудно не признать, что действия, которые имеют все признаки действий разума и благоразумия, создают и поддерживают эти счастливые шансы. Откуда они исходят — от самого существа или от силы, из которой это существо черпает жизнь? Я не скажу, что "это не имеет большого значения", поскольку, напротив, знать ответ было для нас чрезвычайно важно. Но, тем временем, и до тех пор, пока мы не узнаем, сам ли цветок стремится поддерживать и совершенствовать жизнь, которую вложила в него природа, или это природа прилагает усилия для поддержания и улучшения той степени существования, которую цветок приобрел, или, наконец, случайность в конечном счете управляет случайностью, множество видимостей

побуждают нас поверить, что нечто, равное нашим самым возвышенным мыслям, иногда исходит из общего источника, которым мы вынуждены восхищаться, не зная, где он находится.

Бывают моменты, когда то, что кажется нам ошибкой, исходит из этого общего источника. Но, хотя мы знаем очень мало, имеется множество доказательств того, что кажущаяся ошибка на самом деле была актом благоразумия, который мы поначалу не могли понять. Даже в том маленьком круге, который охватывают наши глаза, нам постоянно показывают, что то, что мы считали ошибкой природы вблизи, было вызвано тем, что она сочла нужным исправить предполагаемую непреднамеренность там, снаружи. Она поместила три упомянутых нами цветка в такие трудные условия, что они не в состоянии оплодотворить себя сами; поэтому она считает полезным, по причинам, недоступным нашему восприятию, чтобы они были оплодотворены своими соседями; и поскольку она повышает интеллект своих жертв, она демонстрирует справа от нас гениальность, которую не смогла продемонстрировать слева. Пути этой ее гениальности остаются для нас непостижимыми, но уровень ее всегда один и тот же. Будет казаться, что она впадает в ошибку — предполагая, что ошибка возможна, — после чего она сразу же поднимается снова в органе, которому поручено исправить эту ошибку. Куда бы мы ни повернулись, она возвышается высоко над нашими головами. Это круглый океан, без приливов и отливов, в котором наши самые смелые и независимые мысли никогда не будут чем-то большим, чем жалкие пузырьки. Сегодня мы называем это Природой; возможно, завтра мы дадим ей другое название, более мягкое или пугающее. В то же время он одновременно и беспристрастно властвует над жизнью и смертью, предоставляя двум непримиримым сестрам великолепное и знакомое оружие, которое украшает и отвлекает его внимание.

{81}

Принимает ли эта сила меры для поддержания того, что, возможно, борется на ее поверхности, или мы должны сказать, рассуждая в самых странных кругах, что то, что плавает на ее поверхности, должно защищаться от гения, который дал ему жизнь? Этот вопрос должен быть оставлен открытым. У нас нет средств установить, смог ли вид выжить вопреки усилиям высшей воли, или независимо от них, или, наконец, благодаря им.

Все, что мы можем сказать, это то, что такой вид существует, и что, следовательно, в этом пункте природа, по-видимому, права. Но кто скажет нам, сколько еще людей, которых мы не знали, стали жертвами ее беспокойного и забывчивого интеллекта? Помимо этого, мы можем распознать только удивительные и иногда враждебные формы, которые принимает необычайный флюид, который мы называем жизнью, иногда в полной бессознательности, иногда с некоторым сознанием: флюид, который оживляет нас наравне со всеми остальными, который порождает те самые мысли, которые судят о нем, и слабый голос, который пытается рассказать свою историю.

VI — БРАЧНЫЙ ПОЛЕТ

Теперь мы рассмотрим, каким образом происходит оплодотворение пчелиной матки. И здесь природа снова приняла экстраординарные меры, чтобы способствовать союзу самцов с самками другого происхождения; странный закон, к которому, казалось бы, ничто ее не принуждает; возможно, каприз или первоначальная неосторожность, для исправления которых требуются самые удивительные силы, известные ее деятельности.

Если бы она посвятила половину своего гения, расточаемого на перекрестное оплодотворение и другие произвольные желания, тому, чтобы сделать жизнь более определенной, облегчить боль, смягчить смерть и предотвратить ужасные несчастные случаи, вселенная, вероятно, представляла бы собой загадку менее непостижимую, менее достойную сожаления, чем та, которую мы стремимся разгадать. Но наше сознание и интерес, который мы проявляем к существованию, должны бороться не с тем, что могло бы быть, а с тем, что есть.

Вокруг королевы-девственницы и вместе с ней в улье обитают сотни буйных самцов, вечно пьяных от меда; единственная причина их существования - один акт любви. Но, несмотря на непрерывный контакт двух желаний, которые в других местах неизменно побеждают все препятствия, союз никогда не происходит в улье, и не было возможности добиться оплодотворения плененной королевы.*

* Профессору Маклейну недавно удалось вызвать несколько королевы должны быть искусственно оплодотворены; но это было результатом настоящей хирургической операции, самой деликатной и сложной по своей природе. Более того, плодовитость королев была ограниченной и эфемерной.

Пока она живет среди них, влюбленные о ней не знают, кто она такая. Они ищут ее в космосе, в отдаленных глубинах горизонта, даже не подозревая, что только что покинули ее, делили с ней одну гребенку, возможно, касались ее в нетерпении своего ухода. Можно было бы почти поверить, что эти их чудесные глаза, закрывающие голову, словно сверкающим шлемом, узнают ее и желают только тогда, когда она парит в голубизне. Каждый день, с полудня до трех, когда ярко светит солнце, эта украшенная перьями орда совершает вылазку в поисках невесты, которая действительно более царственна, которую труднее завоевать, чем самую недоступную принцессу из сказок; ибо двадцать или тридцать племен поспешат из всех соседних городов, и ее двор, таким образом, будет состоять более чем из десяти тысяч женихов; и из этих десяти тысяч только один будет выбран для единственного мгновенного поцелуя, который обречет его на смерть не меньше, чем на счастье; в то время как остальные будут беспомощно облетать сплетенную пару, и вскоре погибнет, так и не увидев больше этого чудовищного и рокового явления.

{83}

Я не преувеличиваю эту дикую и удивительную расточительность природы. Ульи с наилучшим содержанием, как правило, содержат от четырех до пяти сотен самцов. Более слабых или выродившихся особей часто бывает до четырех или пяти тысяч; ибо чем больше улей склоняется к разорению, тем больше самцов он производит. Можно сказать, что в среднем

пасека, состоящая из десяти колоний, в данный момент поднимет в воздух армию из десяти тысяч самцов, из которых самое большее десяти-пятнадцати представится возможность совершить то единственное действие, для которого они были рождены.

Тем временем они истощают запасы города; каждому из паразитов требуется непрерывный труд пяти-шести рабочих, чтобы поддерживать его в изобилии и ненасытной праздности, поскольку его деятельность действительно ограничивается исключительно его челюстями. Но природа всегда великолепна, когда имеет дело с привилегиями и прерогативами любви. Она становится скупой только тогда, когда распределяет органы и орудия труда. Она особенно сурова к тому, что мужчины называют добродетелью, в то время как она усыпает путь самых неинтересных любовников бесчисленными драгоценностями и милостями. "Объединяйтесь и размножайтесь; нет другого закона или цели, кроме любви", - казалось бы, звучит ее постоянный призыв со всех сторон, в то время как она, возможно, бормочет себе под нос: "и существуй потом, если сможешь; это не моя забота". Делая или желая чего бы то ни было еще, мы повсюду на своем пути находим эту мораль, которая так сильно отличается от нашей собственной. И обратите также внимание на эти же самые маленькие создания, на ее несправедливую скупость и бессмысленное расточительство. С момента своего рождения и до самой смерти суровая собирательница вынуждена путешествовать за границу в поисках мириад цветов, которые прячутся в глубине зарослей. Она должна обнаружить мед и пыльцу, которые скрываются в лабиринтах нектарников и в самых потаенных углублениях пыльников. И все же ее глаза и органы обоняния подобны глазам и органам немощной женщины по сравнению с глазами и органами мужчины. Если бы трутни были почти слепы, если бы у них было только самое зачаточное обоняние, они вряд ли пострадали бы. Им нечего делать, нет добычи, за которой можно было бы охотиться; пищу им приносят уже приготовленной, и они влачат существование в темноте улья, лакая мед из сот. Но они являются проводниками любви; и самые огромные, самые бесполезные дары обеими руками бросаются в бездну будущего. Из тысячи таких только одному, раз в жизни, придется искать в глубинах лазури присутствия царственной девы. Из тысячи только одному придется, на одно мгновение, последовать в пространстве за женщиной, которая не желает убежать. Этого достаточно. Частичная сила распаивает свою сокровищницу, дико, даже безумно. Каждому из этих невероятных любовников, из которых девятьсот девяносто девять будут казнены через несколько дней после роковой свадьбы тысячного, она подарила по тринадцать тысяч глаз с каждой стороны головы, в то время как у рабочего их всего шесть тысяч. По подсчетам Чешир, она снабдила каждую из их антенн тридцатью семью тысячами восьмьюстами обонятельных полостей, в то время как у рабочего в обеих всего по пять тысяч. Здесь мы имеем пример почти всеобщей диспропорции, существующей между дарами, которыми она осыпает любовь, и ее скупыми долями на труд; между благосклонностью, которую она оказывает тому, что в экстазе создаст новую жизнь, и безразличием, с которым она относится к тому, что терпеливо должно поддерживать себя тяжелым трудом. Тот, кто стремился бы верно изобразить характер природы в соответствии с чертами, которые мы обнаруживаем здесь, создал бы экстраординарную фигуру, очень чуждую нашему идеалу, который, тем не менее, может исходить только от нее. Но слишком многое неизвестно человеку, чтобы он мог написать такой портрет, где все было бы погружено в глубокую тень, за исключением одной или двух точек мерцающего света.

Я полагаю, что очень немногие осквернили тайну свадьбы пчелиной матки, которая совершается в бесконечных, сияющих кругах прекрасного неба. Но мы можем стать свидетелями нерешительного отъезда избранника невесты и кровожадного возвращения невесты.

Как бы ни было велико ее нетерпение, она все же выберет свой день и свой час и задержится в тени портала, пока чудесное утро не распахнет настезь брачные просторы в глубинах великого лазурного свода. Она любит момент, когда капли росы все еще увлажняют листья и цветы, когда последний аромат умирающего рассвета все еще борется с разгорающимся днем, подобно девушке, оказавшейся в объятиях тяжелого воина; когда сквозь тишину приближающегося полудня раз за разом раздается прозрачный крик, затянувшийся с восхода солнца.

Затем она появляется на пороге — среди равнодушных собирателей, если она оставила сестер в улье; или в окружении обезумевшей толпы рабочих, если занять ее место невозможно.

Она начинает свой полет задом наперед; дважды или трижды возвращается к посадочной доске; а затем, окончательно зафиксировав в своем сознании точное положение и вид королевства, которого она еще никогда не видела снаружи, она, подобно стреле, устремляется в зенит синевы. Она взлетает на высоту, в светящуюся зону, которой другие пчелы не достигают ни в один период своей жизни. Вдалеке, наслаждаясь своим бездельем среди цветов, самцы увидели привидение, вдохнули магнетический аромат, который распространяется от группы к группе, пока каждая пасека поблизости не почувствует его. Тотчас же собираются толпы и следуют за ней в море радости, прозрачные границы которого постоянно отступают. Она, опьяненная своими крыльями, повинувшись величественному закону расы, которая выбирает своего возлюбленного и предписывает, что только сильнейший достигнет ее в уединении эфира, она продолжает подниматься; и впервые в ее жизни голубой утренний воздух врывается в ее стигматы, поет свою песню, подобно крови небес, в мириадах трубочек трахейных мешочков, питаемых пространством, которые заполняют центр ее тела. Она все еще поднимается. Должно быть, есть область, где птицы не охотятся, иначе это могло бы осквернить тайну. Она все еще поднимается; и уже разномастная стая внизу сокращается и распадается на части. Слабые, немощные, престарелые, никому не нужные, плохо питающиеся, сбежавшие из бездействующих или обедневших городов, они отказываются от преследования и исчезают в пустоте. Осталось только маленькое, неутомимое скопление, подвешенное в бесконечном опале. Она расправляет свои крылья для последнего усилия; и вот избранница непостижимых сил достигла ее, схватила и взмыла ввысь с единым порывом, восходящая спираль их переплетенного полета закручивается на одну секунду во враждебном безумии любви.

{85}

У большинства существ есть смутная вера в то, что очень опасная опасность, своего рода прозрачная мембрана, отделяет смерть от любви; и что глубокая идея природы требует, чтобы даритель жизни умер в момент отдачи. Здесь эта идея, память о которой до сих пор витает в поцелуях мужчины, реализуется в своей первозданной простоте. Как только соединение совершается, брюшная полость самца раскрывается, орган отделяется, увлекая за собой массу внутренностей; крылья расслабляются, и, словно пораженное молнией, опустошенное тело переворачивается само на себя и погружается в бездну.

Та же идея, которая раньше, при партеногенезе, приносила будущее улья в жертву необычному размножению самцов, теперь приносит самца в жертву будущему улью.

Эта идея всегда поражает; и чем дальше мы проникаем в нее, тем меньше становится нашей уверенности. Дарвин, например, если взять человека из всех людей, который изучал это наиболее методично и страстно, Дарвин, хотя и едва ли признавался в этом самому себе, теряет уверенность на каждом шагу и отступает перед неожиданным и непримиримым. Если бы вы увидели перед собой благородно-унизительное зрелище человеческого гения, сражающегося с бесконечной мощью, вам достаточно было бы проследить за попытками Дарвина разгадать странные, непоследовательные, непостижимо таинственные законы стерильности и плодовитости гибридов или вариаций специфических и родовых признаков. Едва он сформулировал принцип, как на него обрушиваются бесчисленные исключения; и сам этот принцип, вскоре полностью подавленный, рад найти убежище в каком-нибудь уголке и сохранить там толику существования под названием исключения.

Ибо факт заключается в том, что в гибридности, в изменчивости (особенно в одновременных вариациях, известных как корреляции роста), в инстинкте, в процессах жизненной конкуренции, в геологической последовательности и географическом распределении организованных существ, во взаимном сродстве, как, впрочем, и во всех других направлениях, идея природы раскрывается в одном и том же явлении и в одно и то же время как осмотрительная и непостоянная, скупая и расточительная, благоразумная и беспечальная, непостоянная и стабильная, взволнованная и неподвижная, единая и бесчисленная, великолепная и расточительная. убогий. Перед ней были открыты необъятные и девственные поля простоты; она предпочла населить их тривиальными ошибками, мелкими противоречивыми законами, которые бродят по существованию, как стадо слепых овец. Верно, что наш глаз, перед которым происходят все эти вещи, может отражать реальность, соразмерную нашим потребностям и нашему росту; и у нас нет никаких оснований полагать, что природа когда-либо упускает из виду свои блуждающие результаты и причины.

В любом случае она редко позволяет им заходить слишком далеко или приближаться к нелогичным или опасным местам. Она располагает двумя силами, которые никогда не могут ошибиться; и когда явление выйдет за определенные пределы, она призовет к жизни или к смерти — которая приходит, восстанавливает порядок и беззаботно прокладывает путь заново.

{86}

Она ускользает от нас со всех сторон; она отвергает большинство наших правил и вдребезги разбивает наши стандарты. Справа от нас она опускается далеко ниже уровня наших мыслей, слева она возвышается над ними на высоту горы. Кажется, что она постоянно совершает ошибки, как в мире своих первых экспериментов, так и в мире своих последних, с человеком. Там она дает свое одобрение инстинктам темной массы, бессознательной несправедливости множества, поражению разума и добродетели, невдохновленной морали, которая подстегивает великую волну расы, хотя и явно уступает морали, которую могли бы постичь или пожелать умы, составляющие маленькую и более ясную волну, поднимающуюся на другую. И все же, может ли такой ум ошибаться, если он спрашивает себя, не лучше ли искать всю истину — следовательно, как моральную, так и неморальную - в этом хаосе, чем в нем самом, где эти истины казались бы сравнительно ясными и точными?

Человек, который чувствует себя так, никогда не попытается отрицать разумность или добродетель своего идеала, освященного столькими героями и мудрецами; но бывают моменты, когда он будет шептать себе, что этот идеал, возможно, сформировался на слишком большом расстоянии от огромной массы, разнообразную красоту которой он хотел бы представлять. До сих пор он вполне обоснованно опасался, что попытка приспособить его мораль к морали природы может привести к разрушению того, что было ее шедевром. Но сегодня он понимает ее немного лучше; и из некоторых ее ответов, которые, хотя и все еще туманны, обнаруживают неожиданную широту, он смог уловить проблеск плана и интеллекта, более обширных, чем могло бы постичь его невооруженное воображение; поэтому он стал меньше бояться и больше не испытывает той настоятельной потребности в убежище, которое предоставляют ему его собственные особые добродетели и разум. Он приходит к выводу, что то, что так велико, наверняка не может научить ничему такому, что имело бы тенденцию уменьшаться само по себе. Он задается вопросом, не наступил ли момент для более тщательного изучения своих убеждений, своих принципов и своих мечтаний.

Опять же, у него нет ни малейшего желания отказываться от своего человеческого идеала. Даже то, что поначалу отвлекает его от этого идеала, учит его возвращаться к нему. Природа не могла бы дать дурного совета человеку, который отказывается включить в великую схему, которую он пытается постичь, который отказывается считать достаточно возвышенной, чтобы быть окончательным, любую истину, которая, по крайней мере, не столь возвышенна, как истина, которую он сам желает. Ничто не меняет своего места в его жизни, кроме как подниматься вместе с ним; и он знает, что поднимается, когда обнаруживает, что приближается к своему древнему образу добра. Но все вещи более свободно трансформируются в его мыслях; и он может спускаться безнаказанно, ибо у него есть предчувствие, что множество последовательных долин приведут его к ожидаемому плато. И пока он таким образом стремится к убеждению, пока его исследования даже приводят его к прямо противоположному тому, что он любит, он направляет свое поведение самой по-человечески прекрасной истиной и цепляется за ту, которая временно кажется высшей. Все, что может прибавить к благотворной добродетели, сразу проникает в его сердце; все, что могло бы уменьшить ее, остается там в подвешенном состоянии, подобно нерастворимым солям, которые не меняются до часа решающего эксперимента. Он может принять низшую истину, но прежде чем действовать в соответствии с ней, он будет ждать, если потребуется, столетиями, пока не поймет связь, которой должна обладать эта истина, с истинами столь бесконечными, что они включают в себя и превосходят все остальные.

Одним словом, он отделяет моральный порядок от интеллектуального, признавая в первом только то, что больше и прекраснее, чем было раньше. И как бы ни было порицаемо разделять эти два порядка в случаях, слишком частых в жизни, когда мы допускаем, что наше поведение уступает нашим мыслям, когда, видя хорошее, мы следуем худшему - видеть худшее и следовать лучшему, возвышать наши действия над нашей идеей, всегда должно быть разумно и благотворно; ибо человеческий опыт с каждым днем все яснее показывает, что высочайшая мысль, которой мы можем достичь, еще долго будет уступать таинственной истине, которую мы ищем. Более того, если ничто из предшествующего не окажется правдой, более простая и знакомая причина посоветовала бы ему пока не отказываться от своего человеческого идеала. Ибо чем больше силы он придает законам, которые, казалось бы, ставят эгоизм, несправедливость и жестокость в качестве примеров для подражания людям, тем больше силы в то же время он придает другим законам, предписывающим щедрость, справедливость и

жалость; и оказывается, что эти последние законы содержат нечто столь же глубоко естественное, как и первые, в тот момент, когда он начинает уравнивать или более методично распределять долю, которую он приписывает вселенной и самому себе.

{87}

Давайте вернемся к трагическому бракосочетанию королевы. Здесь, очевидно, в интересах перекрестного оплодотворения природа желает, чтобы союз трутня и пчелиной матки был возможен только в открытом небе. Но ее желания переплетаются сетевым образом, и ее самые ценные законы должны проходить через сети других законов, которые, в свою очередь, через мгновение после этого вынуждены проходить через первый.

В небе она посеяла так много опасностей — холодные ветры, штормовые течения, птиц, насекомых, капли воды, все из которых также подчиняются непреодолимым законам, — что она по необходимости должна позаботиться о том, чтобы этот союз был как можно более кратким. Это так, благодаря поразительно внезапной смерти мужчины. Достаточно одного объятия; все остальное происходит на самых боках невесты.

Она спускается с лазурных высот и возвращается в улей, волоча за собой, как орифламм, разверстые внутренности своего возлюбленного. Некоторые авторы утверждают, что пчелы проявляют огромную радость по поводу этого многообещающего возвращения — Бюхнер, среди прочих, подробно описывает это. Я много раз лежал в ожидании возвращения пчелиной матки и, признаюсь, никогда не замечал никаких необычных эмоций, за исключением случая с молодой маткой, которая вылетела во главе роя и олицетворяла уникальную надежду недавно основанного и все еще пустого города. В этом случае все рабочие были дико взволнованы и бросились ей навстречу. Но, как правило, они, похоже, забывают о ней, хотя будущее их города часто оказывается под не меньшей угрозой. Они действуют с неизменной осмотрительностью во всем, вплоть до того момента, когда санкционируют расправу над соперничающими королевами. Достигнув этой точки, их инстинкт останавливается; и в их предвидении возникает, так сказать, пробел. — Они кажутся совершенно безразличными. Они поднимают головы; узнают, вероятно, убийственные признаки оплодотворения; но, все еще недоверчивые, не проявляют ни капли той радости, которую мы ожидали увидеть. Будучи по-своему позитивными и медленно поддающимися иллюзиям, они, вероятно, нуждаются в дополнительных доказательствах, прежде чем позволить себе радоваться. Зачем пытаться изобразить слишком логичными или слишком человеческими чувства маленьких существ, столь непохожих на нас? Ни у пчел, ни у каких-либо других животных, обладающих лучом нашего интеллекта, события не происходят с точностью, описанной в наших книгах. Слишком многие обстоятельства остаются для нас неизвестными. Зачем пытаться изобразить пчел более совершенными, чем они есть на самом деле, говоря то, чего нет? Те, кто считал бы их более интересными, если бы они были похожи на нас самих, еще по-настоящему не осознали, что именно должно вызывать интерес у искреннего ума. Цель наблюдателя — не удивить, а понять; и указывать на пробелы, существующие в интеллекте, и на признаки мозговой организации, отличной от нашей, гораздо любопытнее, чем рассказывать о простых чудесах, связанных с ним.

Но это безразличие разделяют не все; и когда запыхавшаяся королева достигает посадочной площадки, образуются несколько групп и сопровождают ее в улей; где солнце, герой каждого праздника, в котором принимают участие пчелы, входит маленькими робкими шажками и заливают лазурью и тенью восковые стены и завесы меда. Да и новобрачная, на самом деле, не

проявляет большего беспокойства, чем ее соплеменники, поскольку в ее узком, варварском, практичном мозгу нет места для многих эмоций. У нее есть только одна мысль - как можно быстрее избавиться от постыдных сувениров, оставленных ей супругом, которые сковывают ее движения. Она садится на порог и осторожно отделяет бесполезные органы, которые рабочие уносят далеко; ибо самец отдал ей все, что у него было, и гораздо больше, чем она требует. Она сохраняет в своей сперматеке только семенную жидкость, в которой плавают миллионы зародышей, которые до ее последнего дня будут выходить один за другим по мере прохождения яйцеклеток и в темноте ее тела совершат таинственный союз мужского и женского начала, из которого рождаются рабочие пчелы. Благодаря любопытной инверсии, именно она обеспечивает мужское начало, а трутень - женское. Через два дня после союза она откладывает свои первые яйца, и ее соплеменники немедленно окружают ее самой особой заботой. С этого момента, обладая двойным полом, имея внутри себя неистощимого самца, она начинает свою настоящую жизнь; она никогда больше не покинет улей, разве что для того, чтобы сопровождать рой; и ее плодовитость прекратится только с приближением смерти.

{88}

Это потрясающее бракосочетание, самое сказочное, какое только можно себе представить, лазурное и трагическое, вознесенное высоко над жизнью импульсом желания; нетленное и ужасное, уникальное и сбивающее с толку, одинокое и бесконечное. Восхитительный экстаз, в котором смерть наступает во всем, что есть в нашей сфере самого прозрачного и прекрасного, в девственном, безграничном пространстве, запечатлевает миг счастья в возвышенной прозрачности великого неба; очищая в этом безупречном свете что-то от несчастья, которое всегда витает вокруг любви, превращая поцелуй в тот, который никогда не забудется; и, довольствуясь на этот раз умеренной десятиной, почти материнскими руками продолжает знакомить и соединять в одном теле на долгое и неразделимое будущее две маленькие хрупкие жизни.

Глубокая истина лишена этой поэзии, но обладает другой, которую мы менее склонны постигать, и которую, однако, нам, возможно, следует в конце концов понять и полюбить. Природа не сделала ничего особенного, чтобы обеспечить этим двум "сокращенным атомам", как назвал бы их Паскаль, блистательный брак или идеальный момент любви. Ее заботой, как мы уже говорили, было просто улучшить расу посредством перекрестного оплодотворения. Чтобы обеспечить это, она сконструировала мужской орган таким образом, что он может использовать его только в пространстве. Длительный полет должен сначала расширить его два больших трахеальных мешка; эти огромные вместители, насыщаясь воздухом, отбрасывают назад нижнюю часть брюшной полости и позволяют вытягивать орган. Вот и весь физиологический секрет — который некоторым покажется достаточно обычным, а другим почти вульгарным — этого ослепительного стремления и этого великолепного бракосочетания.

{89}

"Но должны ли мы тогда всегда, - удивится поэт, - радоваться тому, что выше истины?"

Да, во всем, во все времена давайте радоваться, но не тому, что выше истины, ибо это было бы невозможно, а тому, что выше тех маленьких истин, которые может уловить наш глаз. Если случай, воспоминание, иллюзия, страсть — словом, если какой бы то ни было мотив заставляет объект раскрываться перед нами в более прекрасном свете, чем перед другими, пусть этот

мотив будет прежде всего дорог нам. Возможно, это всего лишь ошибка; но эта ошибка не помешает тому моменту, когда этот объект кажется нам наиболее восхитительным, стать моментом, когда мы с наибольшей вероятностью осознаем его истинную красоту. Красота, которую мы ему придаем, направляет наше внимание на его истинную красоту и величие, которые, будучи производными от отношения, в котором каждый объект с необходимостью должен находиться к общим, вечным силам и законам, в противном случае могли бы ускользнуть от наблюдения. Способность восхищаться, которую, возможно, создала в нас иллюзия, послужит истине, которая должна прийти, рано или поздно. Именно словами, чувствами и пылом, порожденными древними и воображаемыми красотами, человечество приветствует сегодня истины, которые, возможно, никогда бы не родились, которые, возможно, не смогли бы найти столь благоприятного пристанища, если бы эти принесенные в жертву иллюзии прежде всего не поселились в сердцах и разуме, к которым эти истины должны снизойти. Счастливы глаза, которым не нужна иллюзия, чтобы увидеть, что зрелище великолепно! Именно иллюзия учит других смотреть, восхищаться и радоваться. И смотрите так высоко, как они хотят, они никогда не смогут смотреть слишком высоко. Истина возвышается по мере того, как они приближаются; они приближаются, когда восхищаются. И какими бы ни были высоты, на которых они радуются, это ликование никогда не может происходить в пустоте или над неизвестной и вечной истиной, которая покоится над всеми вещами подобно красоте в напряженном ожидании.

{90}

Означает ли это, что мы должны привязываться к лжи, к нереальной и надуманной поэзии и находить в ней свою радость за неимением чего-либо лучшего? Или что в приведенном перед нами примере — сам по себе пустяк, но мы останавливаемся на нем, потому что он отражает тысячи других, а также всю нашу позицию перед лицом различных порядков истин — что здесь мы должны игнорировать физиологическое объяснение и сохранять и вкушать только эмоции этого брачного полета, который все же, и какова бы ни была причина, является одним из самых лирических, самых прекрасных актов той внезапно бескорыстной, непреодолимой силы, которой подчиняются все живые существа и которую они привыкли называть любовью? Это было слишком по-детски; да и невозможно благодаря прекрасным привычкам, которые сегодня приобрел каждый преданный ум.

Поскольку факт неоспорим, мы, очевидно, должны признать, что напряжение органа становится возможным только за счет расширения трахеальных пузырьков. Но если бы мы, удовлетворившись этим фактом, не позволили нашим глазам блуждать дальше него; если бы мы вывели отсюда, что каждая мысль, которая поднимается слишком высоко или заходит слишком далеко, неизбежно должна быть неверной, и что истину следует искать только в материальных деталях; если бы мы не искали, неважно где, в неопределенностях, часто гораздо больших, чем та, которую разрешило это небольшое объяснение, в странной тайне перекрестного оплодотворения, например, или в постоянстве расы и жизни, или в схеме природы; если бы мы не искали в них чего-то, выходящего за рамки текущего объяснения, чего-то, что если бы это продлилось и привело нас к красоте и величию, которые покоятся в неизвестности, я бы почти осмелился утверждать, что мы провели бы наше существование дальше от истины, чем даже те, кто в этом случае умышленно закрывает глаза на все, кроме поэтической и полностью воображаемой интерпретации этих чудесных бракосочетаний. Они, очевидно, неверно оценивают форму и цвет истины, но они живут в ее атмосфере и ее влиянии гораздо больше,

чем другие, которые самодовольно верят, что вся истина находится в плену у них в двух руках. Ибо первые тщательно подготовились к принятию истины, обеспечили себе самое гостеприимное пристанище внутри себя; и даже если их глаза, возможно, не видят этого, они с нетерпением взирают на красоту и величие, где, несомненно, должно быть ее обиталище.

Мы ничего не знаем о цели природы, которая для нас является истиной, доминирующей над всеми остальными. Но из самой любви к этой истине и для того, чтобы сохранить в нашей душе пыл, необходимый нам для ее поиска, нам надлежит считать ее великой. И если однажды мы обнаружим, что были на ложном пути, что эта цель непоследовательна и мелочна, мы обнаружим ее мелочность благодаря тому самому рвению, которое породило в нас ее предполагаемое величие; и эта мелочность, однажды установившись, научит нас, что мы должны делать. В то же время не может быть неразумно посвятить его поиску самые напряженные, смелые усилия нашего сердца и нашего разума. И если последнее слово во всем этом будет жалким, то разоблачение бессмысленности и мелочности замысла природы будет немалым достижением.

"Для нас еще нет истины, - заметил мне однажды великий физиолог наших дней, когда я гулял с ним по сельской местности. - истины еще нет, но повсюду есть три очень хороших подобия истины. Каждый человек делает свой собственный выбор, или, скорее, возможно, ему его навязывают; и этот выбор, независимо от того, будет ли он навязан ему, или, как это часто бывает, он сделал его без должного размышления, этот выбор, за который он цепляется, определит форму и поведение всего, что входит в него. Друг, которого мы встречаем, женщина, которая подходит и улыбается, любовь, которая открывает наше сердце, смерть или печаль, которая запечатывает его, сентябрьское небо над нами, этот великолепный и восхитительный сад, в котором мы видим, как в "Психее" Корнеля, зеленые беседки, опирающиеся на позолоченные статуи, и пасущиеся там стада со спящим пастиухом, и последние дома деревни, и море между деревьями, — все это возвышается или деградирует, прежде чем войти в нас, украшается или разоряется, в соответствии с небольшим сигналом, который подает этот выбор места. наши делают для них. Мы должны научиться выбирать из этих подобий истину. Я провел свою жизнь в страстных поисках малых истин, физических причин; и теперь, в конце моих дней, я начинаю ценить не то, что уведет меня от них, а то, что им предшествует и, прежде всего, то, что в какой-то степени превзойдет их ". Мы достигли вершины плато в "пэй-де-Ко" в Нормандии, которое гибкое, как английский парк, но естественное и безграничное. Это одно из редких мест на земном шаре, где природа предстает перед нами неизменно здоровой и зеленой. Чуть дальше к северу стране угрожает бесплодие, чуть дальше к югу она утомлена и выжжена солнцем. В конце равнины, спускавшейся к берегу моря, несколько крестьян возводили стога кукурузы. "Посмотри, - сказал он, - если смотреть отсюда, они прекрасны. Они строят ту простую и в то же время такую важную вещь, которая является прежде всего счастливым и почти неизменным памятником укореняющейся человеческой жизни — стог кукурузы. Расстояние, вечерний воздух сплетают их радостные крики в своего рода песню без слов, которая перекликается с благородной песней листьев, шелестящих над нашими головами. Над ними великолепное небо, и можно почти вообразить, что благодетельные духи, размахивая огненными пальмами, направили весь свет к штабелю, чтобы дать рабочим больше времени. А след от пальм все еще остается в небе. Посмотрите на скромную церковь рядом с ними, возвышающуюся над ними и наблюдающую за ними, среди округлых лип и травы уютного кладбища, обращенного к своему родному океану. Они достойно возводят свой памятник жизни под памятниками своим мертвым, которые делали те же жесты и все еще находятся с

ними. Посмотрите на картину целиком. Здесь нет особых, характерных черт, какие мы находим в Англии, Провансе или Голландии. Это представление, достаточно масштабное и обычное, чтобы быть символическим, естественной и счастливой жизни. Понаблюдайте, каким ритмичным становится человеческое существование в его полезные моменты. Посмотрите на мужчину, который ведет лошадей, на того, другого, который накалывает снопы на вилы, на женщин, склонившихся над кукурузой, и на играющих детей. ... Они не сдвинули ни одного камня и не убрали ни горсти земли, чтобы подчеркнуть красоту пейзажа; они также не делают ни одного шага, не сажают дерево или цветок, в этом нет необходимости. Все, что мы видим, является лишь произвольным результатом усилий, которые человек прилагает, чтобы какое-то время существовать в природе; и все же те из нас, чьим желанием является только создавать или воображать зрелища покоя, глубокой задумчивости или блаженства, не смогли найти сцены более совершенной, чем эта, которую они действительно рисуют или описывают всякий раз, когда пытаются представить нам картину красоты или счастья. Здесь мы имеем первое подобие, которое некоторые назовут правдой".

{92}

- Давайте подойдем ближе. Можете ли вы различить песню, которая так хорошо сливается с шепотом листьев? Он состоит из оскорблений; и когда раздается смех, это происходит из—за непристойного замечания, сделанного каким-нибудь мужчиной или женщиной, из-за шутки над более слабым - над горбуном, неспособным поднять свою ношу, калекой, которого они сбили с ног, или идиотом, которого они подставляют под зад.

"Я изучал этих людей много лет. Мы находимся в Нормандии; почва здесь богатая и легко обрабатывается. Вокруг этой кучи кукурузы гораздо больше уюта, чем обычно ассоциируется со сценой такого рода. В результате большинство мужчин и многие женщины - алкоголики. Есть и другой яд, который мне нет необходимости называть, разъедающий расу. Этому, алкоголю, обязаны дети, которых вы там видите: карлик, тот, что с заячьей губой, остальные - кривоногие, золотушные, слабоумные. Все они, мужчины и женщины, молодые и старые, обладают обычными крестьянскими пороками. Они жестоки, подозрительны, алчны и завистливы; лицемеры, лжецы и клеветники; склонны к мелкой, незаконной наживе, подлым толкованиям и грубой лести более сильным. Необходимость сводит их вместе и заставляет помогать друг другу; но тайное желание каждого индивидуума состоит в том, чтобы причинить вред своему ближнему, как только это можно сделать без опасности для себя. Единственное существенное удовольствие деревни доставляется печалью других. Если с кем-то из них случится большое несчастье, это надолго станет предметом тайных восторженных комментариев среди остальных. Каждый человек наблюдает за своим ближним, завидует ему, ненавидит и презирает его. Пока они бедны, они ненавидят своих хозяев кипящей и сдерживаемой ненавистью из-за грубости и алчности, которые проявляют эти последние; если у них, в свою очередь, есть слуги, они используют свой собственный опыт рабства, чтобы выявить грубость и алчность, даже большие, чем те, от которых они пострадали. Я мог бы рассказать вам в мельчайших подробностях о подлости, обмане, несправедливости, тирании и злобе, которые лежат в основе этой картины неземного, мирного труда. Не воображайте, что вид этого чудесного неба, моря, которое простирается вон там, за церковью, и представляет собой другое, более чувствительное небо, струящееся над землей подобно великому зеркалу

мудрости и сознания, — не воображайте, что ни море, ни небо способны поднять их мысли или расширить их разум. Они никогда не смотрели на них. Ничто не способно повлиять на них или сдвинуть с места, кроме трех или четырех ограниченных страхов : голода, силы, общественного мнения и закона, а также ужаса ада, когда они умрут. Чтобы показать, что это такое, мы должны рассмотреть их один за другим. Посмотрите на того высокого парня справа, который поднимает такие могучие снопы. Прошлым летом его друзья сломали ему правую руку в какой-то драке в таверне. Я вправил перелом, который был тяжелым и сложным. Я долго ухаживал за ним и давал ему средства на жизнь, пока он не сможет вернуться к работе. Он приходил ко мне каждый день. Он воспользовался этим, чтобы распространить по деревне слух о том, что застал меня в объятиях моей невестки и что моя мать пила. Он не порочен, он не питает ко мне недоброжелательства; напротив, посмотрите, какая широкая, открытая улыбка расплывается на его лице, когда он видит меня. Не социальная вражда побудила его оклеветать меня. Крестьянин слишком ценит богатство, чтобы ненавидеть богача. Но я полагаю, что мой добрый метатель зерна там не мог понять, что я ухаживаю за ним без какой-либо выгоды для себя. Он был убежден, что здесь должен быть какой-то тайный план, и отказался быть моим дураком. Многие до него, богаче или беднее, действовали подобным образом, если не хуже. Ему не приходило в голову, что он лгал, распространяя эти изобретения за границей; он просто подчинялся смутному приказу морали, которую видел вокруг себя. Он поддался бессознательно, как бы против своей воли, всемогущему желанию всеобщего недоброжелательства.... Но зачем дополнять картину, с которой знакомы все, кто провел несколько лет в стране? Здесь мы имеем второе подобие, которое некоторые назовут настоящей правдой. Это правда практической жизни. Она, несомненно, основана на самых точных, единственных фактах, которые можно наблюдать и проверить ".

{93}

"Давайте сядем на эти снопы, - продолжал он, - и посмотрим еще раз. Не будем отвергать ни одного из мелких фактов, которые создают реальность, о которой я говорил. Давайте позволим им уйти по собственному желанию в космос. Они занимают передний план, и все же мы не можем не осознавать существования за ними великой и очень любопытной силы, которая поддерживает целое. Только ли поддерживает, а не поднимает? Эти люди, которых мы видим перед собой, по крайней мере, больше не являются свирепыми животными, о которых говорит Лабрюйер, негодяями, которые разговаривали каким-то нечленораздельным голосом и по ночам удалялись в свои берлоги, где питались черным хлебом, водой и кореньями.

"Эта раса, скажете вы мне, не так сильна и не так здорова. Возможно, это так; алкоголь и другое бедствие - это несчастные случаи, которые человечеству приходится преодолевать; возможно, испытания, от которых некоторые из наших органов, например, нервы, могут принести пользу; ибо мы неизменно обнаруживаем, что жизнь выигрывает от болезней, которые она преодолевает. Кроме того, мелочь, которую мы, возможно, обнаружим завтра, может сделать эти яды безвредными. У этих людей есть мысли и чувства, которых не было у тех, о ком говорит Лабрюйер ". "Я предпочитаю простое голое животное отвратительному полуживотному", - пробормотал я. "Сейчас вы думаете о первом подобии, - ответил он, - о подобии, дорогом поэту, которое мы видели раньше; давайте не будем путать его с тем, которое мы сейчас рассматриваем. Эти мысли и чувства, если хотите, мелки и гнусны; но то, что мелко и гнусно, все же лучше, чем то, чего нет вообще. Этими мыслями и чувствами они пользуются только для того, чтобы причинять друг другу боль и упорствовать в своей нынешней посредственности; но так

часто бывает в природе. Дары, которые она преподносит, поначалу используются во зло, для ухудшения того, что она, по-видимому, стремилась улучшить; но из этого зла в конце концов всегда получается определенное добро. Кроме того, я ни в коем случае не стремлюсь доказать, что был достигнут прогресс, который может быть очень маленьким или очень большим, в зависимости от того, откуда мы его рассматриваем. Это огромное достижение, возможно, самый верный идеал - сделать положение людей немного менее рабепным, немного менее болезненным; но стоит разуму на мгновение отвлечься от материальных результатов, и разница между человеком, который шагает в авангарде прогресса, и другим, который слепо плетется в его хвосте, перестанет быть очень значительной. Среди этих молодых деревенских жителей, чей ум преследуют только бесформенные идеи, есть много таких, кто сам по себе обладает возможностью достичь за короткий промежуток времени той степени осознанности, которая нравится нам обоим. Часто поражаешься узости разделительной черты между тем, что мы считаем бессознательностью этих людей, и сознанием, которое для нас является высшим из всех".

"Кроме того, из чего состоит это сознание, которым мы так гордимся? О гораздо большем количестве теней, чем света, о гораздо более приобретенном невежестве, чем знании; о гораздо большем количестве вещей, понимание которых, как мы хорошо осознаем, должно когда-либо ускользать от нас, чем о вещах, которые мы действительно знаем. И все же в этом сознании заключается все наше достоинство, наше самое истинное величие; это, вероятно, самое удивительное явление, которое есть в этом мире. Именно это позволяет нам поднять голову перед неизвестным принципом и сказать ему: "Я не знаю, кто ты; но внутри меня есть нечто, что уже окутывает тебя. Возможно, вы уничтожите меня, но если вашей целью не будет построить из моих руин организм, лучший, чем мой, вы докажете, что вы ниже того, кто я есть; и тишина, которая последует за смертью расы, к которой я принадлежу, объявит вам, что вы были осуждены. И если вы не способны даже заботиться о том, справедливо вас осудят или нет, какую ценность может иметь ваш секрет? Он должен быть глупым или отвратительным. Случай позволил вам создать существо, для создания которого вам самим не хватило качества. Ему повезло, что противоположный случай позволил вам подавить его до того, как он постиг глубины вашего бессознательного; еще большее счастье, что он не пережил бесконечную серию ваших ужасных экспериментов. Ему нечего было делать в мире, где его интеллект не соответствовал вечному интеллекту, где его стремление к лучшему не могло привести к реальному благу".

"Еще раз повторяю, для того чтобы зрелище поглотило нас, нет необходимости в прогрессе. Загадки достаточно; и эта загадка столь же велика и сияет столь же таинственно в крестьянах, как и в нас самих. Когда мы прослеживаем жизнь до ее всемогущего принципа, она встает перед нами со всех сторон. Каждое последующее столетие давало этому принципу новое название. Некоторые из этих названий были ясными и утешительными. Однако было обнаружено, что утешение и ясность одинаково иллюзорны. Но называем ли мы это Богом, Провидением, Природой, случаем, жизнью, фатальностью, духом или материей, тайна остается неизменной; и из опыта тысячелетий мы ничему не научились, кроме как давать этому более широкое название, более близкое нам, более соответствующее нашим ожиданиям, непредвиденному.

- Именно это название он носит сегодня, и поэтому он никогда не казался более величественным. Здесь мы имеем дело с одним из бесчисленных аспектов третьего подобия, которое также является истиной".

VII — МАССОВОЕ УБИЙСТВО МУЖЧИН

{94}

ЕСЛИ небо остается ясным, воздух теплым, а пыльца и нектар в цветах в изобилии, рабочие, возможно, из-за своего рода забывчивой снисходительности или чрезмерной щепетильности, еще некоторое время будут терпеть назойливое, губительное присутствие самцов. Они ведут себя в улье так же, как ухажеры Пенелопы в доме Улисса. Неделikatные и расточительные, прилизанные и тучные, полностью довольные своим праздным существованием в качестве почетных любовников, они пируют и кутят, заполняют аллеи, загораживают проходы и мешают работе; толкающиеся и задиристые, бессмысленно напыщенные, преисполненные глупого, добродушного презрения; никогда не подозревающие о глубоком и расчетливом презрении, с которым относятся к ним рабочие, о постоянно растущей ненависти, которую они вызывают, или о судьбе, которая их ожидает. Для своего приятного сна они выбирают самые укромные уголки улья; затем, беззаботно поднявшись, слетаются к открытым ячейкам, где мед пахнет слаще всего, и пачкают своими экскрементами часто посещаемые ими соты. Терпеливые работники, их взор устремлен в будущее, безмолвно наведут порядок. С полудня до трех, когда пурпурная страна трепещет в блаженной усталости под непобедимым взглядом июльского или августовского солнца, на пороге появятся трутни. У них есть шлем из огромного черного жемчуга, два высоких трепещущих плюмажа, камзол из переливчатого желтоватого бархата, героический хохолок и четырехслойная мантия, полупрозрачная и жесткая. Они создают невероятный переполох, сметают часового в сторону, опрокидывают чистильщиков и сталкиваются с фуражирами, когда те возвращаются, нагруженные своей скромной добычей. У них деловитый вид, экстравагантная, презрительная походка незаменимых богов, которые должны одновременно идти навстречу какой-то судьбе, неизвестной простолюдинам. Один за другим они уплывают в космос, неотразимые, великолепные, и спокойно направляются к ближайшим цветам, где спят до тех пор, пока их не разбудит послеполуденная свежесть. Затем, с той же величественной pompой и по-прежнему переполненные великолепными планами, они возвращаются в улей, идут прямо к сотам, окунаются с головой по горлышко в чаны с медом и набиваются до отказа, чтобы восстановить свои истощенные силы; после чего тяжелыми шагами они отправляются навстречу хорошему сну без сновидений и беззаботности, который заключит их в свои объятия до следующего приема пищи.

{95}

Но терпение пчел не равно терпению людей. Однажды утром долгожданный приказ разносится по улью, и мирные работники превращаются в судей и палачей. Откуда взялось это слово, мы не знаем; казалось бы, оно возникло внезапно из холодного, обдуманного негодования рабочих; и как только оно было произнесено, им трепещет каждое сердце, вдохновенное гением единоклубной республики. Одна часть людей отказывается от своих обязанностей добытчика пищи, чтобы посвятить себя делу правосудия. Огромные праздные трупы, спящие бессознательными группами на медоносных стенах, грубо вырваны из их сна армией разгневанных дев. Они просыпаются в благочестивом изумлении; они не могут поверить своим глазам; и их изумление пробивается сквозь их лень, как лунный луч сквозь болотистую воду. Они изумленно озираются по сторонам, убежденные, что, должно быть, стали жертвами какой-то ошибки; и материнская идея об их жизни первой утверждается в их тупом мозгу, они делают шаг к чанам с медом, чтобы найти там утешение. Но для них закончились дни майского меда, цветочного вина лип и ароматной амброзии тимьяна и шалфея, майорана и белого клевера. Там, где когда-то лежал открытый путь к ласковым, обильным водоемам, которые так призывно открывали свои восковые и сладкие рты, теперь стоит неопалимый куст, весь живой, с ядовитыми, ошестившимися жалами. Атмосфера города меняется; вместо дружелюбного запаха меда преобладает едкий запах яда; тысячи крошечных капелек блестят на концах жал и распространяют злобу и ненависть. Прежде чем сбитые с толку паразиты успевают осознать, что счастливые законы города рухнули, самым непостижимым образом разрушив их собственную богатую судьбу, на каждого нападают три или четыре посланца правосудия; и они энергично приступают к тому, чтобы отрезать ему крылья, перепиливать черешок, соединяющий брюшко с грудной клеткой, ампутировать лихорадочно шевелящиеся усики и искать отверстие между кольцами его кирасы, через которое можно было бы просунуть свой меч. Эти огромные, но безоружные существа не предпринимают никаких попыток к защите; они пытаются убежать или противостоять обрушивающимся на них ударам одним своим весом. Опрокинутые на спину, с упрямо цепляющимися за них безжалостными врагами, они будут использовать свои мощные когти, чтобы передвигать их из стороны в сторону; или, перевернувшись на себя, они будут таскать всю группу по кругу, описывая дикие круги, которые вскоре заканчиваются изнурением. И за очень короткий промежуток времени их вид становится настолько плачевным, что жалость, которая в глубине нашего сердца всегда близка к справедливости, быстро возвращается, и хочется просить прощения, хотя и тщетно, у суровых работников, которые признают только суровые и глубокие законы природы. Крылья несчастных созданий разорваны, их антенны откушены, сегменты ног оторваны; а их великолепные глаза, некогда отражавшие буйство цветов, отражавшие голубой свет и невинную гордость лета, теперь, смягченные страданием, отражают только тоску и огорчение от их конца. Некоторые умирают от полученных ран, и двое или трое их палачей сразу же уносят их на дальние кладбища. Другим, чьи травмы меньше, удается укрыться в каком-нибудь углу, где они лежат, прижавшись друг к другу, окруженные неумолимой охраной, пока не умрут от нужды. Многие доберутся до двери и убегут в космос, увлекая за собой своих противников; но ближе к вечеру, подгоняемые голодом и холодом, они толпами возвращаются ко входу в улей, чтобы просить убежища. Но там они сталкиваются с другим безжалостным охранником. На следующее утро, прежде чем отправиться в путь, рабочие расчищают порог, усеянный трупами бесполезных великанов; и все воспоминания о праздном народе исчезнут до следующей весны.

В очень многих колониях пасеки эта резня часто происходит в один и тот же день. Самый богатый, лучше всего управляемый улей подаст сигнал, которому через несколько дней последуют маленькие и менее процветающие республики. Только самые бедные, слабые колонии — те, мать которых очень стара и почти стерильна, — сохраняют своих самцов до наступления зимы, чтобы не оставлять надежду обеспечить оплодотворение девственной королевы, которую они ждут и которая еще может родиться. За этим следует неизбежное несчастье; и все племя — мать, паразиты, рабочие — собирается в голодную и тесно переплетенную группу, которая погибает в тишине до того, как выпадет первый снег, во мраке улья.

В богатых и густонаселенных городах работа возобновляется после казни трутней, хотя и с меньшим рвением, поскольку цветов становится все меньше. Великие фестивали, великие драмы закончились. Однако осенний мед, который дополнит необходимые запасы, накапливается в гостеприимных стенах; и последние резервуары запечатаны печатью из белого, нетленного воска. Строительство прекращается, рождений становится меньше, смертей — больше; ночи удлиняются, а дни становятся короче. Дождь и пронизывающий ветер, утренний туман, засады, устраиваемые наступающими сумерками, уносят сотни работников, которые никогда не возвращаются; и вскоре над всем маленьким народом, который так же жаждет солнечного света, как кузнечики Аттики, нависла холодная угроза зимы.

Человек уже получил свою долю урожая. Каждый хороший улей подарил ему восемьдесят или сто фунтов меда; самый замечательный иногда дает даже двести, что представляет собой огромное пространство жидкого света, необъятные поля цветов, которые ежедневно посещались одну или две тысячи раз. Он бросает последний взгляд на колонии, которые впадают в оцепенение. У самых богатых он забирает их излишнее богатство, чтобы распределить его между теми, кого несчастье, всегда незаслуженное в этом трудолюбивом мире, могло сделать необходимыми. Он накрывает жилища, наполовину закрывает дверцы, убирает бесполезные рамки и оставляет пчел в их долгом зимнем сне. Они собираются в центре улья, сжимаются и присасываются к сотам, в которых хранятся верные урны; откуда в морозные дни будет выходить преобразованная субстанция лета. Королева находится посреди них, окруженная своей охраной. Первый ряд рабочих прикрепляется к запечатанным ячейкам; второй ряд закрывает первую, третий — вторую и так последовательно до последнего ряда всех ячеек, образующих конверт. Когда пчелы в этой оболочке чувствуют, что их окутывает холод, они возвращаются в массу, и их место занимают другие. Подвешенное скопление подобно темной сфере, которую разделяют стенки гребенки; оно незаметно поднимается и опускается, продвигается вперед или удаляется по мере того, как пустеют ячейки, за которые оно цепляется. Ибо, вопреки тому, что принято считать, зимняя жизнь пчелы не прекращается, хотя и замедляется. Согласованным взмахом своих крыльев — маленьких сестер, переживших пламя солнца, — которые движутся быстро или медленно в зависимости от того, меняется температура снаружи, они поддерживают в своей сфере неизменное тепло, равное теплу весеннего дня. Этот тайный источник исходит от прекрасного меда, который сам по себе является лишь преобразованным лучиком тепла, который теперь возвращается к своему первоначальному состоянию. Он циркулирует в улье, как щедрая кровь. Пчелы, набравшие полные ячейки, передают его своим соседям, которые, в свою очередь, передают его дальше. Так оно переходит из рук в руки и из уст в уста, пока не достигнет пределов группы, в тысячах сердец которой рассеяна и объединена одна судьба, одна мысль. Оно стоит вместо солнца и цветов, пока его старший брат, настоящее солнце настоящей, великой весны, не заглядывает в

полуоткрытую дверь, скользит своими первыми смягченными взглядами туда, где снова оживают анемоны и фиалки; и мягко будит работников, показывая им, что небо в мире снова голубое и что непрерывный круг, соединяющий смерть с жизнью, повернулся и начался заново.

VIII — ХОД ГОНКИ

{97}

ПРЕЖДЕ чем закрыть эту книгу — поскольку мы закрыли улей в оцепенелой тишине зимы, — я хотел бы ответить на возражения, неизменно выдвигаемые теми, кому мы рассказываем о поразительном трудолюбии и политике пчел. Да, скажут они, все это очень замечательно; но ведь иначе и быть не могло. Пчелы на протяжении тысячелетий жили по замечательным законам, но за эти тысячи лет законы не изменились. На протяжении тысячелетий они конструировали свои чудесные гребни, к которым мы ничего не можем добавить, откуда мы ничего не можем взять, — гребни, в равной степени совершенствующие науку химика, геометра, архитектора и инженера; но на саркофагах, на египетских камнях и папирусах мы находим рисунки гребней, идентичные во всех деталях. Назовите хоть один факт, свидетельствующий о наименьшем прогрессе, хоть один пример того, что они изобрели какую-то новую особенность или изменили свой привычный распорядок дня, и мы с радостью уступим и признаем, что они не только обладают замечательным инстинктом, но и интеллектом, достойным приблизиться к человеческому, достойным участвовать в неизвестно какой более высокой судьбе, чем та, которая ожидает бессознательную и покорную материю.

Этот язык даже не ограничивается мирянами; им пользуются энтомологи такого ранга, как Кирби и Спенс, чтобы лишить пчел возможности обладать интеллектом, отличным от того, который может смутно шевелиться в узкой тюрьме необычного, но неизменного инстинкта. "Покажите нам, - говорят они, - хоть один случай, когда под давлением событий им пришла в голову идея, например, заменить воск или прополис глиной или строительным раствором; покажите нам это, и мы признаем их способность рассуждать".

Этот аргумент, который Романес называет "аргументом, вызывающим вопросы", и который также можно было бы назвать "ненасытным аргументом", чрезвычайно опасен и, если применить его к человеку, завел бы нас очень далеко. Изучите это внимательно, и вы обнаружите, что оно исходит из "простого здравого смысла", который часто бывает так вреден; того "здравого смысла", который ответил Галилею: "Земля не вращается, ибо я вижу, как солнце движется по небу, встает утром и заходит вечером; и ничто не может возобладать над свидетельством моих глаз". Здравый смысл создает восхитительную и необходимую основу для ума; но если за ним не следит возвышенное беспокойство, всегда готовое напомнить ему, когда того требует случай, о бесконечности его невежества, он вырождается в простую рутину низменной стороны нашего интеллекта. Но пчелы сами ответили на возражение господ. Кирби

и Спенс выступили вперед. Едва он был сформулирован, как другой натуралист, Эндрю Найт, покрыв кору некоторых больных деревьев своего рода цементом, изготовленным из скипидара и воска, обнаружил, что его пчелы полностью отказались от сбора прополиса и используют исключительно это неизвестное вещество, которое они быстро протестировали и приняли на вооружение и обнаружили в изобилии в готовом виде поблизости от своего жилища.

И действительно, половина науки и практики пчеловодства состоит в том, чтобы дать волю духу инициативы, присущему пчелам, и предоставить их предприимчивому интеллекту возможности для настоящих открытий и изобретений. Так, например, чтобы помочь в выращивании личинок и нимф, пчеловод рассыпает определенное количество муки рядом с ульем, когда не хватает пыльцы, которую они потребляют в огромном количестве. В естественном состоянии, в сердце своих родных лесов в азиатских долинах, где они существовали, вероятно, задолго до третичной эпохи, пчелы, очевидно, никогда не встречались с веществом такого рода. И все же, если позаботиться о том, чтобы "приманить" ею некоторых из них, положив их на муку, они потрогают ее и попробуют на вкус, они поймут, что ее свойства более или менее напоминают те, которыми обладает пыльниковая пыль; они распространят новость среди своих сестер, и вскоре мы обнаружим, что каждый собиратель спешит к этой неожиданной, непостижимой пище, которая в их наследственной памяти должна быть неотделима от чашечки цветов, где их полет на протяжении стольких веков роскошно и сладострастно приветствовался.

{98}

Немногим более ста лет назад исследования Хубера дали первый серьезный импульс нашему изучению пчел и выявили элементарные важные истины, которые позволили нам наблюдать за ними с плодотворными результатами. Едва ли пятьдесят лет прошло с тех пор, как основание рационального, практичного пчеловодства стало возможным благодаря подвижным сотам и рамкам, изобретенным Дзирзоном и Лангстротом, и улей перестал быть неприкосновенной обителью, где все происходило в тайне, с которой только смерть сорвала покров. И, наконец, менее пятидесяти лет прошло с тех пор, как усовершенствование микроскопа в лаборатории энтомолога открыло точный секрет основных органов рабочих особей, матери и самцов. Нужно ли нам задаваться вопросом, так ли скудны наши знания, как наш опыт? Пчелы существуют много тысяч лет; мы наблюдали за ними в течение десяти или двенадцати люстр. И если даже можно было бы доказать, что с тех пор, как мы впервые открыли улей, в нем не произошло никаких изменений, имеем ли мы право заключить, что ничего не изменилось до нашего первого вопросительного взгляда? Разве мы не знаем, что в эволюции видов столетие - это всего лишь капля дождя, подхваченная водоворотом реки, и что тысячелетия так же быстро проносятся над жизнью вселенской материи, как отдельные годы над историей народа?

{99}

Но нет никаких оснований утверждать, что привычки пчел неизменны. Если мы рассмотрим их непредвзятым взглядом, не выходя за пределы небольшой области, освещенной нашим реальным опытом, мы, напротив, обнаружим заметные вариации. И кто скажет, сколько из них ускользает от нас? Будь наблюдатель в сто пятьдесят раз выше нас и примерно в семьсот пятьдесят тысяч раз важнее нас (это соотношение роста и веса, в котором мы находимся по сравнению со скромной мушкой), тот, кто не знает нашего языка инаделен чувствами, совершенно отличными от наших собственных; если бы такой наблюдатель изучал нас, он заметил бы определенные любопытные материальные преобразования в течение последних

двух третей столетия, но был бы совершенно неспособен составить какое-либо представление о нашей моральной, социальной, политической, экономической или религиозной эволюции.

Наиболее вероятная из всех научных гипотез в настоящее время позволит нам связать нашу домашнюю пчелу с великим племенем "Apiens", которое охватывает всех диких пчел и где, вероятно, можно найти ее предков. Тогда мы увидим физиологические, социальные, экономические, промышленные и архитектурные преобразования, более экстраординарные, чем те, которые произошли в ходе эволюции человека. Но на данный момент мы ограничимся нашей домашней пчелой в собственном смысле этого слова. Из этих шестнадцати известны довольно различные виды; но, по существу, рассматриваем ли мы *Apis Dorsata*, самого крупного из известных нам, или *Apis Florea*, самого маленького, насекомое всегда остается совершенно одним и тем же, за исключением небольших модификаций, вызванных климатом и условиями, к которым ему пришлось приспособиться.*

* Научная классификация домашних пчел следующая:

Класс..... Insecta

отряд..... Семейство Перепончатокрылые

..... Apidae

Род..... *Apis*

Вид..... *Mellifica*

Термин "*Mellifica*" используется в классификации Линнея. Это не самое счастливое время, поскольку все Apidae, возможно, за исключением некоторых паразитов, являются производителями меда. Скополи использует термин "*Cerifera*"; Реомюр - "Домашняя"; Жоффруа - "Грегария". "*Apis Ligustica*", итальянская пчела, является еще одной разновидностью "*Mellifica*".

Разница между этими различными видами едва ли больше, чем между англичанином и русским, японцем и европейцем. Поэтому в этих предварительных замечаниях мы ограничимся тем, что действительно находится в пределах досягаемости наших глаз, отказываясь от помощи гипотез, какими бы вероятными или непререкаемыми они ни были. Мы не будем упоминать факты, которые не подлежат немедленному доказательству; и из таких фактов мы лишь кратко коснемся некоторых наиболее значительных.

{100}

Давайте прежде всего рассмотрим самое важное и радикальное улучшение, которое в случае с человеком потребовало бы огромного труда: внешнюю защиту общества.

Пчелы, в отличие от нас, обитают не в городах, открытых небу и подверженных капризам дождя и бури, а в городах, полностью покрытых защитной оболочкой. Однако в естественном состоянии, в идеальном климате, это не так. Если бы они прислушивались только к своему основному инстинкту, они сооружали бы свои соты на открытом воздухе. В Индии спинной апис

не станет охотно искать дуплистые деревья или дыры в скалах. Рой будет висеть на сгибе ветки; гребень будет удлинён, королева отложит яйца, запасы провизии будут сохранены, и у нее не будет другого укрытия, кроме того, которое обеспечивают собственные тела рабочих. Известно, что наши северные пчелы иногда возвращаются к этому инстинкту под обманчивым влиянием слишком мягкого неба; были обнаружены рои, живущие в сердцевине куста. Но даже в Индии результат этой привычки, которая может показаться врожденной, отнюдь не благоприятен. Столь значительное число рабочих вынуждено оставаться на одном месте, занятых исключительно поддержанием тепла, необходимого тем, кто отливает воск и выращивает выводок, что *Apis Dorsata*, подвешенная таким образом к ветвям, соорудит всего одну гребенку; тогда как, если у нее будет хоть малейшее укрытие, она соорудит четыре или пять, или больше, и пропорционально увеличит благосостояние и численность колонии. И действительно, мы обнаруживаем, что все виды пчел, существующие в регионах с холодным и умеренным климатом, отказались от этого примитивного метода. Разумная инициатива насекомого, очевидно, получила одобрение естественного отбора, который позволил пережить наши зимы только самым многочисленным и наиболее защищенным племенам. Следовательно, то, что раньше было просто идеей и противостояло инстинкту, таким образом, постепенно превратилось в инстинктивную привычку. Но тем не менее верно и то, что, отказавшись от бескрайнего света природы, который был им так дорог, и ища убежища в темном дупле дерева или пещере, пчелы последовали тому, что поначалу казалось смелой идеей, основанной, вероятно, на наблюдении, опыте и рассуждениях. И эту идею можно было бы почти объявить столь же важной для судеб домашней пчелы, как изобретение огня для судеб человека.

{101}

За этим великим прогрессом, не менее актуальным из-за того, что он передается по наследству и является древним, последовало бесконечное разнообразие деталей, доказывающих, что индустрия и даже политика улья не выкристаллизовались в непримиримые формулы. Мы уже упоминали о разумной замене пыльцы мукой, а прополиса - искусственным цементом. Мы видели, с каким мастерством пчелы способны приспосабливать к своим потребностям иногда приводящие в замешательство жилища, в которые их помещают, и с какой удивительной ловкостью они превращают в хорошее применение соты из восковой основы. Они проявляют необычайную изобретательность в обращении с этими чудесными расческами, которые так удивительно полезны и все же не закончены. Фактически, они идут навстречу человеку на полпути. Давайте представим, что мы на протяжении веков возводили города не из камней, кирпичей и извести, а из какого-то податливого вещества, болезненно выделяемого особыми органами нашего тела. Однажды всемогущее существо переносит нас в центр сказочного города. Мы признаем, что он сделан из вещества, подобного тому, которое мы выделяем, но в остальном это сон, в котором все логичное настолько искажено, так сокращено и как бы сконцентрировано, что приводит в замешательство даже больше, чем если бы оно было бессвязным. Наш привычный план существует; фактически, мы находим все, что ожидали; но все было собрано воедино какой-то предшествующей силой, которая, казалось бы, раздавила его, задержала в форме и препятствовала его завершению. Дома, высота которых должна достигать четырех-пяти ярудов, представляют собой простейшие выступы, которые мы можем охватить двумя руками. Тысячи стен обозначены знаками, которые сразу намекают на их планировку и материал. В других местах есть заметные отклонения, которые необходимо исправить; пробелы, которые необходимо заполнить и гармонично соединить с остальными, обширные поверхности, которые нестабильны и нуждаются в поддержке. Предприятие

обнадеживающее, но полное трудностей и опасностей. Казалось бы, это было задумано каким-то суверенным разумом, который был способен предугадать большинство наших желаний, но неуклюже исполнил их, поскольку мешала сама его необъятность. Поэтому мы должны распутать то, что сейчас неясно, мы должны развить малейшие намерения сверхъестественного дарителя; мы должны за несколько дней построить то, на что обычно у нас ушли бы годы; мы должны отказаться от органических привычек и коренным образом изменить наши методы труда. Несомненно, что все внимание, которое человек мог бы уделить, не было бы чрезмерным для решения проблем, которые могли бы возникнуть, или для того, чтобы в полной мере использовать помощь, предложенную таким образом величественным провидением. И все же это, более или менее, то, что делают пчелы в наших современных ульях.*

Поскольку мы теперь занимаемся строением пчелы, мы можем мимоходом отметить странную особенность *Apis Florea*. Определенные стенки его клеток у самцов имеют цилиндрическую форму, а не шестиугольную. Очевидно, ей еще не удалось перейти от одной формы к другой, причем на неопределенный срок выбирая лучшую.

{102}

Я уже говорил, что даже политика *bees*, вероятно, подвержена изменениям. Этот пункт самый неясный из всех, и его труднее всего проверить. Я не буду подробно останавливаться на их различных методах обращения с королевами или законах относительно роя, которые присущи обитателям каждого улья и, по-видимому, передаются из поколения в поколение, и т.д.; Но рядом с этими недостаточно установленными фактами есть другие, настолько точные и неизменные, что доказывают, что не все расы домашних пчел достигли одинаковой степени политической цивилизации и что среди некоторых из них общественный дух все еще нащупывает свой путь, ища, возможно, другое решение королевской проблемы. Сирийская пчела, например, обычно выращивает 120 маток, а часто и больше, в то время как наша *Apis Mellifica* вырастит самое большее десять-двенадцать. Чешир рассказывает о сирийском улье, в котором нет ничего необычного, где были найдены 120 мертвых маток-матерей и 90 живых, невредимых маток. Это может быть отправной точкой или пунктом прибытия странной социальной эволюции, которую было бы интересно изучить более тщательно. Мы можем добавить, что в том, что касается выращивания маток, кипрская пчела приближается к сирийской. И, наконец, есть еще один факт, который еще более ясно показывает, что обычаи и разумная организация улья не являются результатом примитивного импульса, которому механически следовали в разные эпохи и в разных климатах, но что дух, который управляет маленькой республикой, настолько же способен учитывать новые условия и использовать их наилучшим образом, насколько в давно прошедшие времена он был способен противостоять окружающим его опасностям. Перевезите нашу черную пчелу в Калифорнию или Австралию, и ее привычки полностью изменятся. Обнаружив, что лето длится вечно, а цветы всегда в изобилии, она через один или два года будет довольствоваться тем, что живет изо дня в день, и собирать достаточное количество меда и пыльцы для дневного потребления; и, поскольку ее вдумчивое наблюдение за этими новыми особенностями восторгается над наследственным опытом, она перестанет делать запасы на зиму.* Фактически, чтобы стимулировать ее активность, становится необходимым систематически лишать ее плодов ее труда.

Бюхнер приводит аналогичный факт. На Барбадосских островах пчелы, ульи которых находятся посреди перерабатывающих заводов, где они круглый год в изобилии находят сахар, полностью откажутся от посещения цветов.

{103}

Вот и все, что можно увидеть нашими собственными глазами. Следует признать, что мы упомянули некоторые любопытные факты, которые никоим образом не подтверждают теорию о том, что всякий разум остановлен, каждое будущее четко определено, за исключением только разума и будущего человека.

Но если мы решим на мгновение принять гипотезу эволюции, картина расширится, и ее неопределенный, грандиозный свет вскоре достигнет наших собственных судеб. Кто бы ни обратил на это пристальное внимание, вряд ли станет отрицать, даже если это не очевидно, присутствие в природе воли, стремящейся поднять часть материи до более тонкого и, возможно, лучшего состояния и мало-помалу наполнить ее вещество наполненным тайнами флюидом, который мы сначала называем жизнью, затем инстинктом и, наконец, разумом; воли, которая с неизвестной нам целью организует, укрепляет и облегчает существование всего сущего. Уверенности быть не может, и все же многие примеры заставляют нас поверить, что, если бы была возможна реальная оценка, количество материи, возникшей с момента своего зарождения, было бы обнаружено, что оно постоянно увеличивается. Признаю, это слабое замечание, но единственное, которое мы можем сделать по поводу скрытой силы, которая ведет нас; и оно имеет большое значение в мире, где доверие к жизни, пока до нас не дойдет уверенность в обратном, должно оставаться первой из всех наших обязанностей, порой даже когда сама жизнь не дает нам обнадеживающей ясности.

Я знаю все, что может быть приведено против теории эволюции. В ее пользу имеются многочисленные доказательства и самые веские аргументы, которые, однако, не несут в себе непреодолимой убедительности. Мы должны остерегаться безоговорочного подчинения господствующим истинам нашего времени. Через сто лет многие главы книги, в которой сегодня раскрывается эта истина, будут казаться нам такими же древними, какими кажутся нам сейчас философские труды восемнадцатого века, полные слишком совершенного и несуществующего человека, или как многие произведения семнадцатого века, ценность которых снижается из-за их представления о суровом и ограниченном боге.

Тем не менее, когда невозможно узнать, какова истина того или иного явления, лучше принять гипотезу, которая наиболее настоятельно призывает к разуму людей в тот период, когда мы появились на свет. Есть вероятность, что это окажется ложью; но пока мы верим, что это правда, это будет служить полезной цели, восстанавливая наше мужество и стимулируя исследования в новом направлении. Возможно, на первый взгляд может показаться разумнее вместо того, чтобы выдвигать эти остроумные предположения, просто сказать глубокую истину, которая заключается в том, что мы не знаем. Но эта истина могла бы быть полезной, только если бы в ней было написано то, чего мы никогда не узнаем. Тем временем это вызвало бы внутри нас состояние застоя, более пагубное, чем самые досадные иллюзии. Мы так устроены, что ничто не ведет нас дальше и не возносит выше, чем скачки, совершаемые нашими ошибками. На самом деле тем немногим, что мы узнали, мы обязаны гипотезам, которые всегда были рискованными

и часто абсурдными и, как правило, менее осмотрительными, чем сегодня. Возможно, они поступали неразумно, но они поддерживали в нас стремление к исследованиям. Для дрожащего от холода путника, добравшегося до человеческой Гостиницы, не имеет большого значения, слеп или очень стар тот, рядом с кем он сидит, тот, кто охранял домашний очаг. Пока все еще горит огонь, за которым он наблюдал, он делал все, что мог сделать лучший. Хорошо для нас, если мы сможем передать этот пыл не таким, каким мы его получили, а дополненным нами самими; и ничто не добавит к нему большего, чем эта гипотеза эволюции, которая побуждает нас подвергать сомнению со все более суровым методом и все возрастающим рвением все, что существует на поверхности земли и в ее недрах, в морских глубинах и небесных просторах. Отвергните это, и что мы можем противопоставить этому, что мы можем поставить на его место? Есть лишь великое признание научного невежества, осознающего, что оно ничего не знает, — но оно обычно вялое и рассчитано на то, чтобы отбить охоту к любопытству, более необходимому человеку, чем мудрость, — или гипотеза о постоянстве вида и божественном творении, которая менее очевидна, чем другая, навсегда устраняет живые элементы проблемы и ничего не объясняет.

{104}

Известно около 4500 разновидностей диких пчел. Вряд ли нужно говорить, что мы не будем подробно останавливаться на этом списке. Возможно, когда-нибудь глубокое изучение и тщательные эксперименты и наблюдения неизвестного до сих пор вида, которые потребовали бы не одной жизни, прольют решающий свет на историю эволюции пчелы. Все, что мы можем сейчас сделать, это войти в эту завуалированную область предположений и, отбросив все позитивные утверждения, попытаться проследить за племенем перепончатокрылых в их продвижении к более разумному существованию, к чуть большей безопасности и комфорту, слегка указав на характерные черты этого восхождения, растянувшегося на многие тысячи лет. Племя, о котором идет речь, нам уже известно; это племя "Ariens", основные характеристики которого настолько отчетливы и четко выражены, что склонны приписывать всех его членов одному общему предку. *

Важно, чтобы термины, которые мы будем последовательно использовать, принимая классификацию М. Эмиля Бланшара, — "APIENS", "APIDAE" и "APITAE", — не смешивались. В пчелиное племя входят все семьи пчел. В

Apidae составляют первое из этих семейств и подразделяются на три группы: Meliponae, Apitae и бомби (смирные пчелы). И, наконец, к Apitae относятся все различные разновидности наших домашних пчел.

Ученики Дарвина, Герман Мюллер среди прочих, считают маленькую дику пчелу, Прозопис, которую можно найти по всей вселенной, действительным представителем примитивной пчелы, от которой произошли все известные нам сегодня.

Несчастный Просопис находится в более или менее таком же отношении к обитателям наших ульев, как пещерные жители к счастливчикам, живущим в наших больших городах. Вы, вероятно, не раз видели, как она порхает по кустам в пустынном уголке вашего сада, не осознавая, что беспечно наблюдает за почтенным предком, которому мы, вероятно, обязаны

большей частью наших цветов и плодов (поскольку на самом деле подсчитано, что более ста тысяч разновидностей растений исчезли бы, если бы пчелы не посещали их), и, возможно, даже за нашей цивилизацией, ибо в этих тайнах переплетается все сущее. Она проворна и привлекательна, разновидность, наиболее распространенная во Франции, элегантно отмечена белым цветом на черном фоне. Но за этой элегантностью скрывается невообразимая бедность. Она ведет голодную жизнь. Она почти обнажена, в то время как ее сестры одеты в теплую и роскошную флисовую одежду. У нее нет, в отличие от *Apidae*, ни корзинок для сбора пыльцы, ни, по умолчанию, хохолка у *Andrena*, ни брюшной кисточки у *Gastrilegidae*. Ее крошечные коготки должны тщательно собирать порошок из чашечек, который она должна проглотить, чтобы отнести его обратно в свое логово. У нее нет никаких орудий труда, кроме языка, пасти и когтей; но язык у нее слишком короткий, ноги слабые, а нижние челюсти некрепкие. Неспособная производить воск, проделывать отверстия в дереве или копать землю, она сооружает неуклюжие галереи в нежной сердцевине сухих ягод; сооружает несколько неуклюжих ячеек, запасает в них немного пищи для потомства, которого она никогда не увидит; а затем, выполнив эту свою жалкую задачу, которая ведет неизвестно куда и о цели которой мы не менее осведомлены, она уходит и умирает в углу, такая же одинокая, как и жила.

Мы обойдем стороной многие промежуточные виды, у которых мы можем наблюдать постепенное удлинение языка, позволяющее извлекать больше нектара из чашечек венчиков, и зарождающееся формирование и последующее развитие аппарата для сбора пыльцы — волосков, пучков, кисточек на голени, предплюсне и брюшке, — а также укрепление когтей и нижних челюстей, образование полезных выделений, и гениев, руководящий строительством жилищ, ищет и находит необычайные усовершенствования во всех направлениях. Для такого исследования потребовался бы целый том. Я просто обрисую главу из нее, меньше чем главу, страницу, которая покажет, как нерешительные попытки воли жить и быть счастливее приводят к рождению, развитию и утверждению социального интеллекта.

Мы видели, как несчастная Просопис молча переносила свою одинокую маленькую судьбу посреди этой огромной вселенной, наполненной ужасными силами. Некоторое количество ее сестер, принадлежащих к видам, уже более искусным и лучше снабженным посудой, таким как хорошо одетые коллеты или чудесный обрезчик розовых листьев *Megachile Centuncularis*, живут в не менее глубокой изоляции; и если случайно какое-нибудь существо присоединится к ним и разделит их жилище, оно будет либо врагом, либо, что чаще, паразитом.

Ибо мир пчел населен призраками, более странными, чем наш собственный; и многие виды, таким образом, будут иметь своего рода таинственного и бездействующего двойника, в точности подобного выбранной им жертве, за исключением только того, что из-за извечной праздности они теряют одно за другим свои орудия труда и что они существуют исключительно за счет рабочего типа своей расы.*

* У смиренных пчел, например, пситиры являются паразитами, в то время как стелиты питаются антидиями. "Что касается частого отождествления паразита с его жертвой", — очень справедливо замечает М. Дж. Перес в своей книге "

Пчелы", "необходимо признать, что эти два рода являются всего лишь различными формами одного и того же типа и связаны

друг с другом самым тесным родством. И для натуралистов, которые верят в теорию эволюции, эта взаимосвязь является не чисто идеальной, а реальной. Паразитический род следует рассматривать всего лишь как ветвь рода-собирателя пищи, утратившую свои органы добывания пищи из-за своей адаптации к паразитическим жизнь".

Однако у пчел, которых несколько произвольно называют "одиночными жучками", социальный инстинкт уже тлеет, подобно пламени, раздавленному подавляющим весом материи, которая душит всю примитивную жизнь. И тут и там, в неожиданных направлениях, как при разведке, робкими, а иногда и фантастическими вспышками, ему удастся пронзить массу, которая его подавляет, костер, который когда-нибудь подпитает его триумф.

Если в этом мире все вещи состоят из материи, то это, несомненно, самое нематериальное ее движение. Необходим переход от ненадежной, эгоистичной и незавершенной жизни к жизни, которая должна быть братской, немного более уверенной, немного более счастливой. В идеале дух должен объединять то, что в теле на самом деле является отдельным; индивид должен пожертвовать собой ради расы и заменить видимые вещи тем, что нельзя увидеть. Нужно ли удивляться, что пчелы с первого взгляда не понимают того, что мы еще не распутали, мы, оказавшиеся в привилегированном месте, откуда инстинкт излучается в наше сознание со всех сторон? И еще любопытно, почти трогательно наблюдать, как новая идея поначалу нащупывает свой путь во тьме, которая окутывает все, что оживает на этой земле. Оно возникает из материи, оно все еще вполне материально. Это холод, голод, страх, преобразованные во что-то, что пока не имеет формы. Оно смутно напоминает о великих опасностях, о долгих ночах, о приближении зимы, о двусмысленном сне, который почти равен смерти

{106}

Ксилокопы - мощные пчелы, которые строят гнезда в сухой древесине. Они всегда ведут уединенный образ жизни. Однако ближе к концу лета некоторые особи определенного вида, *Xylocopa Cyanescens*, могут быть найдены сбившимися в дрожащую группу на стебле асфоделия, чтобы провести зиму вместе. Среди *Xylocopae* это запаздывающее братство является исключительным, но среди *Ceratinae*, которые являются их ближайшими родственниками, это стало постоянной привычкой. Идея прорастает. Это немедленно прекращается; и до сих пор у ксилокопов не удавалось выйти за пределы этой первой неясной линии любви.

Помимо прочего, эта идея поиска на ощупь принимает другие формы. Чаликодомы надворных построек, которые являются строительными пчелами, *Dasypodae* и *Halicti*, которые роют норы в земле, объединяются в большие колонии для строительства своих гнезд. Но это иллюзорная толпа, состоящая из одиночек, которые не обладают взаимопониманием и не действуют сообща. Каждый глубоко изолирован среди толпы и строит жилище только для себя, не обращая внимания на своего соседа. "Это, - замечает М. Перес, - простое собрание индивидуумов, объединенных схожими вкусами и привычками, но скрупулезно соблюдающих принципы каждого в отдельности; фактически, простая толпа работников, напоминающая рой улья только по своей численности и усердию. Такие собрания просто являются результатом большого количества людей, населяющих одну и ту же местность".

Но когда мы переходим к панургам, которые являются двоюродными братьями дасиподов, маленький лучик света внезапно обнаруживает рождение нового чувства в этой случайной толпе. Они собираются таким же образом, как и другие, и каждый роет свои собственные подземные камеры; но вход общий для всех, как и галерея, ведущая с поверхности земли к разным камерам. "И таким образом, - добавляет М. Перес, - что касается работы сот, каждая пчела действует так, как если бы она была одна; но все они одинаково используют галерею, ведущую к сотам, так что множество получает выгоду от труда отдельной особи и избавлены от времени и хлопот, необходимых для строительства отдельных галерей. Было бы интересно выяснить, не выполняется ли эта предварительная работа совместно, группами женщин, сменяющих друг друга по очереди".

Как бы то ни было, идея братства пробила стену, разделявшую два мира. Оно больше не дикое и неизведанное, вырванное из инстинкта холодом и голодом или страхом смерти; оно вызвано активной жизнью. Но оно снова останавливается; и в этом случае не идет дальше. Неважно, оно не теряет мужества; оно будет искать другие каналы. Она входит в скромную пчелиную семью и, созревая там, воплощается в другой атмосфере и творит свои первые решающие чудеса.

Пчелы-смиреницы, огромные волосатые, шумные существа, которых все мы так хорошо знаем, такие безобидные при всей их кажущейся свирепости, поначалу ведут уединенный образ жизни. В начале марта оплодотворенная самка, пережившая зиму, начинает строить свое гнездо либо под землей, либо в кустарнике, в зависимости от вида, к которому она принадлежит. Она одна в мире, в разгар пробуждающейся весны. Она выбирает место, расчищает его, копает и выстилает ковром. Затем она сооружает свои несколько бесформенные восковые ячейки, наполняет их медом и пылью, откладывает и высиживает яйца, ухаживает за появившимися на свет личинками и вскармливает их, и вскоре ее окружает выводок дочерей, которые помогают ей во всех ее трудах, внутри гнезда и снаружи, в то время как некоторые из них вскоре начинают откладывать яйца в свою очередь. Конструкция клеток улучшается, колония растет, комфорт повышается. Основательница по-прежнему является его душой, его главной матерью, и теперь она стоит во главе царства, которое могло бы быть образцом царства нашей медоносной пчелы. Но модель все еще находится в черновой форме.

Процветание скромных пчел никогда не превышает определенного предела, их законы нечетко определены и им плохо подчиняются, время от времени появляются примитивный каннибализм и детоубийство, архитектура бесформенна и влечет за собой много ненужных материалов; но кардинальное различие между двумя городами заключается в том, что один постоянен, а другой эфемерен. Ибо, действительно, популяция скромной пчелы погибнет осенью; ее триста или четыреста обитателей умрут, не оставив никаких следов своего полета или своих усилий; и выживет только одна самка, которая следующей весной, в том же одиночестве и бедности, что и ее мать до нее, возобновит ту же бесполезную работу. Однако теперь эта идея осознала свою силу. Среди смиренных пчел она не заходит дальше, чем мы заявили, но, верная своим привычкам и следуя своему обычному распорядку, она немедленно претерпевает своего рода неутолимый метемпсихоз и перевоплощается, трепеща от своего последнего триумфа, ставшая теперь всемогущей и почти совершенной, в другой группе, предпоследней в расе, которая непосредственно предшествует нашей домашней пчеле, где она достигает своей короны; группа *Meliponitae*, в которую входят тропические *Meliponae* и *Trigonae*.

Здесь организация такая же совершенная, как в наших ульях. Есть уникальная мать, есть стерильные рабочие и самцы. Некоторые детали даже кажутся продуманными лучше. Самцы, например, не совсем бездействуют; они выделяют воск. Вход в улей охраняется более тщательно; в нем есть дверь, которую можно закрывать холодными ночами, а в теплые - что-то вроде занавески, пропускающей воздух.

Но республика менее сильна, общая жизнь менее обеспечена, процветание более ограничено, чем у наших пчел; и где бы они ни появлялись, Meliponitae, как правило, исчезают раньше них. У обеих рас идея братства претерпела равное и великолепное развитие, за исключением одного единственного пункта, в котором она достигает у мелипонитов не большего прогресса, чем у ограниченного потомства скромных пчел. В механической организации распределенного труда, в точной экономии усилий; короче говоря, в архитектуре города они демонстрируют явную неполноценность. По этому поводу мне достаточно сослаться на то, что я сказал в разделе 42 этой книги, добавив при этом, что, в то время как в ульях наших Apitae все ячейки одинаково доступны для выращивания выводка и хранения провизии и существуют столько же, сколько сам город, у Meliponitae они служат только одной из этих целей, а ячейки, используемые в качестве колыбелей для нимф, разрушаются после того, как они вылупились.*

* Нет уверенности в том, что принцип уникальной королевской власти, или материнства, строго соблюдается среди Meliponitae.

Бланшар очень справедливо замечает, что, поскольку они не обладают жалом и, следовательно, менее способны, чем матери

если наши собственные пчелы убьют друг друга, то несколько маток, вероятно, будут жить вместе в одном улье. Но определенность в этом вопросе до сих пор была недостижима из-за большого сходства, существующего между королевами и рабочими, а также из-за невозможности выращивания Meliponitae в нашем климате.

Следовательно, именно у наших домашних пчел идея, о движениях которых мы дали беглое и неполное представление, достигает своей наиболее совершенной формы. Являются ли эти движения определенно и навсегда остановленными у каждого из этих видов, и существует ли связующая линия только в нашем воображении? Давайте не будем слишком стремиться установить систему в этом плохо изученном регионе. Пусть наши выводы будут лишь предварительными и предпочтительно такими, которые вселяют наибольшую надежду, ибо, если бы нам навязали выбор, время от времени появлялись бы проблески, свидетельствующие о том, что выводы, которые мы больше всего желаем сделать, окажутся наиболее верными. Кроме того, давайте не забывать, что наше невежество все еще глубоко. Мы только учимся открывать глаза. Тысячи экспериментов, которые можно было бы провести, еще даже не опробованы. Если бы просопы, например, были заключены в тюрьму и вынуждены сожительствовать с себе подобными, перешагнули бы они со временем железный барьер полного одиночества и удовлетворились бы обычной жизнью дасиподов или предприняли бы братские усилия Панургов? И если бы мы наложили ненормальные условия на Панургов, продвинулись бы они, в свою очередь, из общего коридора в общие камеры? Если бы матери смирных пчел были вынуждены зимовать вместе, пришли бы они к взаимопониманию, взаимному разделению труда? Предлагали ли мелипонитовым соты из воска-основы? Примут

ли они их, воспользуются ли ими, приспособят ли свои привычки к этой непривычной архитектуре? Вопросы, которые мы задаем крошечным созданиям; и все же они содержат великое слово о наших величайших тайнах. Мы не можем ответить на них, поскольку наш опыт начался всего лишь вчера. Начиная с Реомюра, прошло около ста пятидесяти лет с тех пор, как на привычки диких пчел впервые обратили внимание. Реомюр был знаком лишь с некоторыми из них; с тех пор мы наблюдали еще за несколькими; но сотни, возможно, тысячи до сих пор были замечены только торопливыми и невежественными путешественниками. Привычки тех, кто нам известен, не претерпели никаких изменений с тех пор, как автор "Мемуаров" опубликовал свой ценный труд; и скромные пчелы, все напудренные золотом и трепещущие, как восхитительное журчание солнца, которые в 1730 году объедались медом в садах Шарантона, были абсолютно идентичны тем, которые завтра, когда вернется апрель, будут жужжать в лесах Венсенна, всего в нескольких ярдах от нас. Однако со времен Реомюра до наших дней прошло всего мгновение ока; и многие человеческие жизни, соединенные из конца в конец, составляют лишь секунду в истории Природной мысли.

{109}

Хотя идея, за которой следят наши глаза, достигает своего наивысшего выражения у наших домашних пчел, из этого не следует делать вывод, что улей не обнаруживает недостатков. Есть один шедевр, шестиугольная ячейка, которая достигает абсолютного совершенства, — совершенства, которое все гении мира, если бы они встретились на конклаве, никоим образом не смогли бы улучшить. Ни одно живое существо, даже человек, не достигло в центре своей сферы того, чего достигла пчела в своей собственной; и если бы кто-то из другого мира спустился и попросил у земли самое совершенное творение логики жизни, нам пришлось бы предложить скромную порцию меда.

Но уровень этого совершенства поддерживается не везде. Мы уже имели дело с некоторыми недостатками, иногда очевидными, а иногда загадочными, такими как губительный переизбыток и праздность самцов, партеногенез, опасности брачного полета, чрезмерное скопление людей, отсутствие жалости и почти чудовищная жертва индивидуума обществу. К этому следует добавить странную склонность накапливать огромные массы пыльцы, намного превышающие их потребности; ибо пыльца, быстро становясь прогорклой и твердеющей, засоряет поверхность сот; и, кроме того, длительный бесплодный период между датой появления первого роя и оплодотворением второй матки, и т.д., и т.п.

Из этих недостатков самым серьезным, единственным, который в нашем климате неизменно приводит к летальному исходу, является повторяющееся роение. Но здесь мы должны иметь в виду, что естественному отбору домашних пчел на протяжении тысячелетий препятствовал человек. От египтянина времен фараона до крестьянина наших дней, пчеловод всегда действовал вопреки желаниям и преимуществам расы. Самые процветающие ульи - это те, которые выбрасывают только один рой после начала лета. Они выполнили свои материнские обязанности, обеспечили поддержание поголовья и необходимое обновление маток; они гарантировали будущее роя, который, будучи скороспелым и многочисленным, успевает построить прочные и хорошо сохранившиеся жилища до прихода осени. Если бы их предоставили самим себе, ясно, что эти ульи и их ответвления были бы единственными, кто пережил бы суровую зиму, которая почти неизменно уничтожила бы колонии, движимые различными инстинктами; и поэтому закон ограниченного роения постепенно утвердился бы у

наших северных рас. Но именно эти благоразумные, роскошные, акклиматизированные ульи человек всегда разрушал, чтобы завладеть их сокровищами. Он позволил выжить только самым слабым колониям — он делает это и по сей день в обычной практике - выродившемся стаду, вторичным или третичным роям, у которых едва хватает пищи, чтобы продержаться зиму, или чьи жалкие запасы он, возможно, пополнит несколькими капельками меда. Результатом, вероятно, является то, что раса ослабла, что склонность к чрезмерному роению передалась по наследству и что сегодня почти все наши пчелы, особенно черные, роятся слишком часто. Вот уже несколько лет новые методы "подвижного" пчеловодства в некоторой степени исправляют эту опасную привычку; и когда мы размышляем о том, как быстро искусственный отбор действует на большинство наших домашних животных, таких как быки, собаки, голуби, овцы и лошади, позволительно поверить, что вскоре у нас появится раса пчел, которые полностью откажутся от естественного роения и посвятят всю свою деятельность сбору меда и пыльцы.

{110}

Что же касается других недостатков: разве разум, обладающий более ясным сознанием цели обычной жизни, не мог бы освободиться от них? Многое можно было бы сказать об этих недостатках, которые проистекают то из того, что нам неизвестно в улье, то из роения и вытекающих из него ошибок, в которых мы отчасти виноваты. Но пусть каждый человек судит сам, и, увидев, что происходило раньше, пусть он наделяет или отрицает разумность пчел, как он сочтет нужным. Я не горю желанием защищать их. Мне кажется, что во многих обстоятельствах они демонстрируют понимание, но мое любопытство было бы не меньшим, если бы все, что они делают, делалось вслепую. Интересно наблюдать за мозгом, обладающим внутри себя экстраординарными ресурсами, с помощью которых он может бороться с холодом и голодом, смертью, временем, пространством и одиночеством, всеми врагами зарождающейся материи; но если бы существу удалось поддерживать свое маленькое глубокое и сложное существование, не переступая границ инстинкта, не делая ничего, кроме того, что является обычным, это было бы тоже очень интересно и очень экстраординарно. Верните обычному и чудесному их истинное место в лоне природы, и их ценности изменятся; одно приравнивается к другому. Мы обнаруживаем, что их названия узурпированы; и что не они, а то, что мы не можем понять или объяснить, должно привлечь наше внимание, освежить нашу деятельность и придать новую и более справедливую форму нашим мыслям, чувствам и словам. Есть мудрость в том, чтобы ни к чему не привязываться рядом.

{111}

И далее, наш интеллект - это не тот трибунал, перед которым можно призвать пчел и вынести на рассмотрение их ошибки. Разве мы сами не обнаруживаем, что сознание и интеллект долго будут пребывать среди ошибок, не замечая их, и еще дольше не предпринимая никаких действий по их исправлению? Если существует существо, к которому его судьба самым особым, почти органичным образом призывает жить и организовывать общую жизнь в соответствии с чистым разумом, то это существо - человек. И все же посмотрите, что он из этого сделает, сравните ошибки улья с ошибками нашего собственного общества. Как бы мы удивлялись, например, если бы мы, пчелы, наблюдали за людьми, поскольку мы заметили несправедливое, нелогичное распределение работы среди расы существ, которые в других направлениях, по-видимому, проявляют выдающийся разум! Мы обнаружили бы, что поверхность земли, единственный источник всей обычной жизни, недостаточно, мучительно обрабатывается двумя

или тремя десятками всего населения; мы обнаружили бы еще десятую часть абсолютно праздной, присваивающей большую долю продуктов этого первого труда; а остальные семь десятых обречены на жизнь в постоянном полуголоде, непрестанно изнуряя себя странными и бесплодными усилиями, которые никогда не принесут пользы, а только сделают еще более сложной и необъяснимой жизнь праздных. Мы должны заключить, что разум и моральное чувство этих существ должны принадлежать миру, полностью отличному от нашего собственного, и что они должны подчиняться принципам, безнадежно недоступным нашему пониманию. Но давайте не будем продолжать этот обзор наших ошибок. Они всегда присутствуют в наших мыслях, хотя их присутствие мало что дает. Из века в век только один из них на мгновение стряхнет с себя дремоту и испустит изумленный крик; вытянет ноющую руку, поддерживавшую его голову, изменит положение, а затем ляжет и снова заснет, пока новая боль, порожденная тоскливой усталостью от отдыха, не пробудит его заново.

{112}

Поскольку эволюция *Ariens* или, по крайней мере, *Apitae* допускается или считается более вероятной, чем то, что они должны были оставаться стационарными, давайте теперь рассмотрим общее, постоянное направление, которое принимает эта эволюция. Похоже, он идет теми же путями, что и снами самими. Это явно имеет тенденцию уменьшать борьбу, незащищенность и убогость расы, повышать авторитет и комфорт, а также стимулировать благоприятные шансы. С этой целью он без колебаний жертвует личностью, даруя общую силу и счастье в обмен на иллюзорную и печальную независимость одиночества. Это похоже на то, как если бы Природа придерживалась мнения, которое Фукидид приписывает Периклу, а именно, что отдельные люди счастливее в лоне процветающего города, даже если они сами страдают, чем когда они индивидуально процветают посреди изнуряющего государства. Он защищает трудолюбивого раба в могущественном городе, в то время как те, у кого нет никаких обязанностей, чье общение лишь ненадежно, брошены на произвол безымянных, бесформенных врагов, обитающих в минутах времени, в движениях Вселенной и в глубинах пространства. Сейчас не время обсуждать схему природы или спрашивать себя, хорошо ли было бы человеку следовать ей; но несомненно, что везде, где бесконечная масса позволяет нам уловить видимость идеи, видимость ведет по дороге, конца которой мы не знаем. Пусть будет достаточно того, что мы отмечаем настойчивую заботу, с которой природа сохраняет и закрепляет в развивающейся расе все, что было завоевано у враждебной инертности материи. Она фиксирует каждое счастливое усилие и изобретает неизвестно какие особые и благожелательные законы, чтобы противодействовать неизбежной отдаче. Этот прогресс, существование которого среди наиболее разумных видов едва ли можно отрицать, не имеет, возможно, никакой цели, кроме своего первоначального импульса, и не знает, куда он ведет. Но, по крайней мере, в мире, где ничто, кроме нескольких фактов такого рода, не указывает на точную волю, достаточно важно, чтобы мы увидели, как определенные существа поднимаются таким образом, медленно и непрерывно; и если бы пчелы показали нам только эту таинственную спираль света во всепоглощающей тьме, этого было бы достаточно, чтобы побудить нас не сожалеть о времени, которое мы уделили их маленьким жестам и скромным привычкам, которые кажутся такими далекими и в то же время так близки к нашим великим страстям и надменным судьбам.

{113}

Может быть, все это напрасно; и что наша собственная спираль света, не меньшая, чем спираль пчел, была зажжена ни с какой другой целью, кроме как развеселить тьму. Точно так же возможно ли, что какой-то колоссальный инцидент может внезапно нахлынуть извне, из другого мира, из нового явления и либо придать этому усилию определенный смысл, либо окончательно разрушить его. Но мы должны продолжать наш путь так, как будто с нами никогда не может случиться ничего ненормального. Если бы мы знали, что завтра какое-нибудь откровение, послание, например, с более древней, более светлой планеты, чем наша, искоренит нашу природу, подавит законы, страсти и радикальные истины нашего существа, нашим самым мудрым планом все равно было бы посвятить весь сегодняшний день изучению этих страстей, этих законов и этих истин, которые должны смешаться и согласоваться в нашем разуме; и оставаться верными назначенному нам предназначению, которое заключается в подчинении и в некоторой степени возвышении внутри и вокруг нас темных сил жизни.

Никто из них, возможно, не переживет нового откровения; но душа тех, кто до конца выполнит миссию, которая в высшей степени является миссией человека, неизбежно должна быть в первых рядах всех, кто примет это откровение; и если они узнают из этого, что безразличие или покорность неизвестному является истинным долгом, они будут лучше других подготовлены к пониманию этого окончательного смирения и безразличия, лучше смогут обратить их к ответу.

{114}

Но подобных спекуляций вполне можно избежать. Пусть возможность всеобщего уничтожения не затуманивает наше восприятие стоящей перед нами задачи; прежде всего, давайте не будем рассчитывать на чудесную помощь случая. До сих пор, несмотря на обещания нашего воображения, мы всегда были предоставлены самим себе, нашим собственным ресурсам. Именно нашим скромным усилиям обязаны все полезные, долговечные достижения на этой земле. Мы можем, если захотим, ожидать лучшего или худшего, что может последовать за какой-нибудь инопланетной случайностью, но при условии, что такое ожидание не помешает нашей человеческой задаче. И здесь пчелы, как всегда в природе, преподают превосходный урок. В улье действительно имело место удивительное вмешательство. Пчелы находятся в руках силы, способной уничтожить или видоизменить их расу, изменить их судьбы; рабство пчел гораздо более определено, чем наше собственное. Поэтому, тем не менее, они выполняют свой глубокий и примитивный долг. И среди них именно те, чье повиновение долгу наиболее полно, способны наиболее полно воспользоваться сверхъестественным вмешательством, которое сегодня повлияло на судьбу их вида. И действительно, обнаружить непреодолимый долг существа не так сложно, как можно себе представить. Это всегда можно прочесть в различающих органах, которым подчинены все остальные. И точно так же, как на языке, в желудке и во рту пчелы написано, что она должна производить мед, так и в наших глазах, наших ушах, наших нервах, нашем костном мозге, в каждой доле нашей головы написано, что мы должны производить мозговое вещество; и нет необходимости, чтобы мы угадывали, какой цели это вещество должно служить. Пчелы не знают, будут ли они есть собранный ими мед, так же как мы не знаем, кто пожнет плоды мозгового вещества, которое мы сформируем, или разумного флюида, который вытекает из него и распространяется по вселенной, погибая, когда наша жизнь прекращается, или продолжая существовать после нашей смерти. Пока они переходят от цветка к цветку, собирая больше меда, чем может понадобиться им самим и их потомству, давайте переходить от реальности к реальности в поисках пищи для непостижимого пламени и, таким образом, будучи уверенными в том, что выполнили свой органический долг,

готовясь ко всему, что может случиться. Давайте подпитывать это пламя нашими чувствами и страстями, всем, что мы видим и думаем, к чему мы слышим и прикасаемся, его собственной сущностью, которая заключается в идее, которую оно черпает из открытий, опыта и наблюдений, являющихся результатом каждого его движения. Тогда наступит время, когда все так естественно повернется к добру в духе, который отдал себя верному желанию этого простого человеческого долга, что само подозрение в возможной бесцельности его изнурительных усилий только прояснит долг, только добавит больше чистоты, силы, бескорыстия и свободы к тому пылу, с которым он все еще стремится.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приводить полную библиографию "пчелы" выходило за рамки этой книги; поэтому мы удовлетворимся простым указанием наиболее интересных работ:

1. Историческое развитие пчеловодства:

(a) Древние писатели: Аристотель, "История животных" (пер. Барт. Сент-Илер); Т. Варрон, "О сельском хозяйстве", Л. III. xvi.; Плиний, "История природы", Л. xi.; Колумелла, "О сельской жизни"; Палладий, "О сельской жизни", Л. I. xxxvii. и др.

(b) The moderns: Swammerdam, "Biblia Naturae," 1737; Maraldi, "Observations sur les Abeilles," 1712; Reaumur, "Memoires pour servir a l'Histoire des Insectes," 1740; Ch. Bonnet, "OEuvres d'Histoire Naturelle," 1779-1783; A. G. Schirach, "Physikalische Untersuchung der bisher unbekannten aber nachher entdeckten Erzeugung der Bienen-mutter," 1767; J. Hunter, "On Bees" (Philosophical Transactions, 1732); J. A. Janscha, "Hinterlassene Vollständige Lehre von der Bienenzucht," 1773; Francois Huber, "Nouvelles Observations sur les Abeilles," 1794, etc.

2. Практическое пчеловодство:

Дзирзон, "Теория и практика новой биеннале"; Лангстрот, "Медоносная пчела" (перевод на французский Ч. Дадана: "Любовь и руш", который исправляет и дополняет оригинал); Жорж де Лаен и Боннье, "Полный курс пчеловодства"; Фрэнк Чешир, "Пчелы и пчеловодство" (том ii. — Практический); доктор Э. Беван, "Медоносная пчела"; Т. В. Коуэн, "Путеводитель британского пчеловода's"; А. Рут, "Азбука пчеловодства"; Генри Эллен, "Настольная книга пчеловода"; L'Abbe Collin, "Guide du Proprietaire des Abeilles;" Ch. Dadant, "Petit Cours d'Apiculture Pratique;" Ed. Bertrand, "Conduite du Rucher;" Weber, "Manuel pratique d'Apiulture;" Hamet, "Cours Complet d'Api-culture;" De Bauvoys, "Guide de l'Apiculteur;" Pollmann, "Die Biene und ihre Zucht;" Jeker, Kramer, and Theiler, "Der Schweizerische Bienenvater;" S. Simmins, "A Modern Bee Farm;" F. W. Vogel, "Die Honigbiene und die Vermehrung der Bienvolker;" Baron A. Von Berlepsch, "Die Biene und ihre Frucht," etc.

3. Общие монографии:

Ф. Чешир, "Пчелы и пчеловодство" (том I.—Научный); Т. У. Коуэн, "Медоносная пчела"; Дж. Перес, "Les Abeilles"; Жирар, "Мануэль д'Апикультура" (Les Abeilles, Организации и функции); Шукард, "Британские пчелы"; Кирби и Спенс, "Введение в энтомологию"; Гирдвойн, "Анатомия и физиология человека"; Ф. Чешир, "Диаграммы анатомии медоносной пчелы"; Гундерах, "Естественная жизнь человека"; Л. Бюхнер, "Жизнь природы"; О. Бутчли, "История жизни"; Дж. Д. Хэвиленд, "Социальные инстинкты пчел, их происхождение и естественный отбор".

4. Специальные монографии (Органы, функции, предприятия и т.д.):

F. Dujardin, "Memoires sur le Systeme nerveux des Insectes;" Дюма и Милн Эдвардс, "О производстве нервной системы насекомых"; Э. Бланшар, "Анатомические исследования нервной системы насекомых"; Л. Р. Д. Броэм, "Наблюдения, демонстрации и опыты над строением ячеек пчел"; П. Камерон, "О партеногенезе у перепончатокрылых" (Труды Общества природы Глазго, 1888); Эрихсон, "О производстве и использовании антенны у насекомых"; Б. Т. Лоун, "О простые и сложные глаза насекомых" (Philosophical Transactions, 1879); Г. К. Уотерхауз, "Об образовании ячеек пчел и ос"; доктор К. Т. Э. фон Зибольд, "Об истинном партеногенезе у мотыльков и пчел"; Ф. Лейдиг, "Об огне Глидертъера"; Pastor Schonfeld, "Bienen-Zeitung," 1854—1883; "Illustrierte Bienen-Zeitung," 1885-1890; Assmuss, "Die Parasiten der Honig-biene."

5. Примечания о медоносных перепончатокрылых:

E. Blanchard, "Metamorphoses, Moeurs et Instincts des Insectes;" Vid: "Histoire des Insectes;" Дарвин, "Происхождение видов"; Fabre, "Souvenirs Entomologiques" (3d series); Romanes, "Mental Evolution in Animals;" id., "Animal Intelligence;" Lepeletier et Fargeau, "Histoire Naturelle des Hymenopteres;" V. Mayet, "Memoire sur les Moeurs et sur les Metamorphoses d'une Nouvelle Espece de la Famille des Vesicants" (Ann. Soc. Энт. de France, 1875); H. Muller, "Ein Beitrag zur Lebensgeschichte der Dasypoda Hirtipes;" E. Hoffer, "Biologische Beobachtungen an Hummeln und Schmarotzerhummeln;" Джесси, "Отрывки из естественной истории"; Сэр Джон Лаббок, "Муравьи, пчелы и осы"; ид., "Чувства, инстинкты и интеллект животных"; Уолкенер, "Хаклиты"; Вествуд, "Введение в изучение насекомых"; В. Ренду, "О разуме лучших"; Эспинас, "Сообщества животных" и др.